

И. МУХИДДИНОВ

**Реликты
доисламских
обычаев и
обрядов у
земледельцев
Западного
Памира (XIX-начало XX в.)**

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

И. МУХИДДИНОВ

РЕЛИКТЫ ДОИСЛАМСКИХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ
У ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЗАПАДНОГО ПАМИРА
(XIX — начало XX в.)

Книга 1

Ответственный редактор —
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнографии Академии Наук СССР
Л.Ф. Моногарова

Душанбе
„Дониш“
1989

Муҳиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — начало XX в.) Душанбе: Дониш, 1989, с. 100.

Описываются обычаи и обряды, преимущественно связанные с началом земледельческих работ. Всесторонне освещается культ небесных светил, особенно Солнца, и их влияние на хозяйственную деятельность и жизнь людей. Большой интерес представляют пережитки когда-то пышных культов воды и огня, позволяющие проследить древние связи населения Западного Памира с сопредельными народами зарубежных стран.

Книга рассчитана на этнографов, историков, лингвистов.

Рецензенты: канд. ист. наук В.С. Соловьев,
канд. филол. наук Б. Шермухаммедов.

М 0505040000 — 022 15 — 89
М 502—89

JSBN 5—8366—0022—8

© Издательство „Дониш“, 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Различные религиозные верования возникают и развиваются в определенных исторических условиях. В идеологической работе КПСС огромное внимание уделяется атеистической пропаганде, борьбе с религиозными предрассудками, которые, будучи связаны с определенными культурами, бытовыми, семейными и общественными традициями, оказывают свое влияние иногда и на неверующего человека.

Ф. Энгельс писал, что „всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных”¹

Верования первобытного человека, отражавшие бессилие его перед явлениями природы, вызвали олицетворение различных явлений и предметов природы, наделение их сверхъестественной силой. Первобытный человек пытался воздействовать на них различными обрядами, в том числе разнообразными магическими. Возник и культ предков, в которых человек видел своих покровителей и посредников между людьми и различными божествами. Так называемые „мировые” религии — буддизм, христианство и ислам — возникли не на пустом месте, они вобрали в себя элементы более ранних языческих, в том числе магических верований, культ предков, культ стихий природы и т.п.

В исламе, самой поздней из „мировых” религий, нашли свое место не только элементы языческих верований, но также иудаизма и христианства.

Освещая сословное, классовое неравенство, как и другие религии защищая интересы эксплуататоров, затемняя сознание трудящихся масс, поддерживая веру в „чудеса”, ислам и различные его толки обещают за безропотное страдание и всевозможные лишения на Земле лучшую загробную жизнь и райское блаженство. „Социальное учение ислама представляет собой, таким образом, цельную и стройную систему, направленную на то, чтобы увести человека от борьбы против угнетения, социального неравенства, примиряя его с эксплуататорским строем”²

В.И. Ленин подчеркнул: „Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т.д. — вот в чем самый глубокий современный корень религии”³ Именно в этом ярко проявляется реакционная роль религии.

В условиях социализма, в обществе без антагонистических классов,

исчезают условия, порождающие и поддерживающие развитие религии. Но сознание людей в своем развитии отстает от развития новых материальных и общественных условий их жизни. „Шариат является орудием вторжения религии в широкие сферы повседневной жизни, быта верующих”⁴. Религиозные пережитки и основанные на них предрассудки в сознании определенных людей сохраняются и в условиях социалистического общества.

Обычаи и обряды, связанные с хозяйственной деятельностью человека на Западном Памире, очень разнообразны и сложны, характеризуются сложным сочетанием пережитков древних верований — анимизма, культа предков, магии, зороастризма и других религий, особенно ислама в форме исмаилизма.

В этнографической науке всегда большое внимание уделялось изучению таких аспектов духовной культуры народа, как обычаи и обряды. В своей статье „К вопросу об особенностях этнографического изучения современности”⁵ Ю.В. Бромлей подчеркивает, что „Особого внимания этнографов при изучении современности заслуживают такие компоненты духовной культуры, как обычаи и обряды. При этом следует иметь в виду, что новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные сами претерпевают существенные изменения. Нередко в процессе модификации традиционной обрядности наблюдается тенденция к созданию обряда, сокращенного в числе своих звеньев до разумного минимума”⁶. Характеризуя связь новых обрядов с этнической традицией, Ю.В. Бромлей в числе прочего подчеркивает сохранение „некоторых элементов старинных обрядовых действий, совершенно утративших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический момент”⁷. Без знания традиционных обычаев и обрядов невозможно создание и становление новой обрядности, связанной с началом и завершением сельскохозяйственных работ, с Новым годом — Наврузом, который по традиции отмечается в республиках Средней Азии 20-22 марта, и многих других торжеств в общественной и семейной жизни.

Следует также учесть и то, что у незначительной части населения, в основном у пожилых людей, еще проявляется идейная неустойчивость и приверженность к пережиткам прошлых бытовых и общинных традиций.

Для ускорения процесса изживания пережитков прошлого в сознании людей, особенно различных верований и обрядовых действий, необходимо изучать эти верования, обычаи и обряды, корни их возникновения и причины бытования в наши дни. Именно это будет практической помощью этнографов в пропаганде материалистического мировоззрения, марксистско-ленинской идеологии и атеизма среди широких трудящихся масс, в претворении в жизнь решений XXVII съезда КПСС, XIX партконференции.

Настоящая работа написана на основе материалов, собранных автором во время экспедиций на Западный Памир в 1965, 1968 и командировок в 1969-70, 1972-74, 1976-78, 1980 годах. Автором использован архивный материал крупного востоковеда, лингвиста и этнографа И.И. Зарубина, хранящийся в Ленинградском отделении Института Востоковедения АН СССР, и доступные литературные источники.

В данном исследовании автор поставил своей задачей дать анализ реликтам культа патрона земледелия — Деда-Земледельца („Бобои Дехқона”), небесных светил, воды и быка, а также обычаям и обрядам, связанным с началом сельскохозяйственных работ в наступающем Новом году, бытовавшим у памирских таджиков в XIX — начале XX века.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, ПОСВЯЩАЕМЫЕ ПАТРОНУ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ — ДЕДУ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦУ

С древнейших времен хозяйственная деятельность памирских таджиков⁸, живущих в высокогорных, в прошлом труднодоступных долинах Западного Памира, отражает специфику очень сложных экологических условий. Наряду с ирригационным земледелием скотоводство являлось важным источником существования памирских таджиков. Стремление обеспечить хороший урожай земледельческих культур и умножить поголовье скота, получить больше продуктов от земледелия и скотоводства наряду с развитием традиционных навыков ведения хозяйства, учитывающих специфику природной среды, обусловило возникновение магических обрядов и обычаев, связанных с анимистическими верованиями. Многие из этих обрядов, возникших в глубокой древности, в той или иной степени отражают представления поздней религии — ислама.

М.Р. Рахимов подчеркивает: „Мусульманское духовенство нередко пользовалось сельскохозяйственными обычаями и обрядами, облекая их в мусульманскую религиозную оболочку и тем самым усиливая свое влияние на беспомощные массы населения горных долин”⁹ в целях одурманивания сознания крестьян и обогащения за их счет.

В изучаемом регионе действия исмаилитского духовенства¹⁰ в этом плане не отличались от суннитского, даже более того, против чего, как „язычества”, боролось суннитское духовенство, исмаилитское стремилось древние народные верования и обряды интерпретировать на основе исмаилитского вероучения.¹¹ Особенно это относится к образу древнего патрона земледелия — Деда-Земледельца („Бобои Дехқон”).

У припамирских народностей, как и у других земледельческих народов Средней Азии, важное место в земледельческой обрядности занимают обычаи и обряды, связанные с патроном земледелия.

Легенды о патроне земледелия — Деде-Земледельце — передавались из поколения в поколение в устной форме, но нами найден „Трактат земледельца” („Рисолаи дехқонӣ”) ¹² в Ишкашме, в котором Дед-Земледелец выступает в образе Деда-Адама („Бобои Одам”) — первого человека, покровителя земледельцев. Он считается изобретателем всех земледельческих орудий труда и всех сельскохозяйственных культур. Его представляли в образе благообразного старика, но невидимого. Он всемогущ и вездесущ. Верили, что если человек мысленно обратится к нему, произнеся про себя его имя, то он поможет ему. Если кто-либо нарушит нормы принятых обычаев, то Дед-Земледелец рассердится и вместо благодеяния навредит не только тому, кто „согрешил”, но и всему его роду, селению. Наряду с именем Бобои-Дехқон Дед-Земледелец часто носит и другие имена: Ходжа Абдулла Дехкан („Хоҷа Абдуллои Дехқон”) (чаще употребляется в Ишкашме), Хазрати Ходжаи Хизр („Ҳазрати Хоҷаи Хизр”) в верховьях Бартанга в кишлаке Рошорв ¹³, а в Шугнани в кишлаке Дарморхат — составное, слившееся из двух имен „Бобои Дехқон”-„Хоҷаи Хизр”, т.е. произошел процесс контаминации под влиянием ислама. В то время как по народному представлению Дед-Земледелец научил людей земледелию, изобрел земледельческие орудия, святой Ходжаи Хизр лично сам не занимается ни земледелием, ни каким-либо ремеслом (за исключением легенд, распространенных в Дарморхате и Рошорве), но как добродетельный и благожелательный святой помогает человеку, обратившемуся к нему за помощью. По народному представлению, если кто-либо встретится с ним и твердо уверен, что это именно он, то может обратиться за помощью по установленной традицией форме. Тогда святой помогает не только в земледельческих работах, но и в скотоводстве, охоте, в ремеслах (гончарстве, ткачестве, деревообработке, строительстве жилищ и т.п.), в случае бедности, болезней и т.д. Тем, кому посчастливится, Ходжаи Хизр показывается в образе почтенного нарядно одетого старика с посохом в руке, или странника, или нищего („талбанда”, „девона”) ¹⁴, просящего милостыню. Представления о Ходжаи Хизре свидетельствуют несомненно о более позднем появлении этого образа под влиянием ислама по сравнению с Дедом-Земледельцем.

Однако повсеместно на Западном Памире в образе Деда-Земледельца олицетворяется, как мы выше уже отметили, праотец Дед-Адам („Бобои-Одам”), который, будучи соблазнен дьяволом, отведал запретных зерен пшеницы и был за это изгнан из рая. ¹⁵

Дед-Адам согласно легендарному преданию был первым человеком, который занимался земледелием и обучил этому своих потомков. Это предание также широко распространено среди таджиков Каратегина и Дарваза ¹⁶, и северных групп районов ¹⁷ среди узбеков ¹⁸ и туркмен. ¹⁹ Дед-Адам, по представлению припамирских народностей, — первый человек, появившийся на Земле. У него было 40 детей (20 мальчиков и 20 девочек). Братья и сестры пережились между собой, потомство Деда-Адама распространилось со временем по всему земному шару. По легендарному преданию, в котором явно прослеживается влияние исмаилизма, Дед-Адам жил в раю („биҳишт”). Но Дед-Адам — одно из воплощений Мухаммада-Али. Мухаммад — тело („қолаб”), а Али — душа („ҷон”). В результате соединения, вернее слияния тела с душой возник единый человек, первый человек на свете. Но он в то же время — воплощение Мухаммада-Али, который существовал и существует вечно в виде сияния („нур”), воплощаясь по своему желанию в кого угодно или во что угодно: в светила, стихии природы, в образ Деда-Адама, в четырех ангелов („фаришта”) — Джабраила (Ҷабраил), Исрофила, Мункоила и Исроила и т.п.

Легендарное народное предание повествует, что однажды по тайному внушению бога Мухаммада-Али (он же Муртузо-Али и Мавло-Али) Джабраил, Исрофил, Мункоил и Исроил собрались в раю и договорились создать человека. За советом пошли к богу. Мухаммад-Али одобрил их намерение, велел приступить к делу и послал к Земле Джабраила, чтобы она дала глины для изготовления человека. Земля встретила его очень приветливо, как посланца бога, просила во имя бога, из уважения к его имени, глины не брать, т.к. если человек будет сотворен из глины и в будущем согрешит, то ей будет очень стыдно перед богом. Джабраил возвратился с пустыми руками. На вопрос бога, почему он не принес глины, Джабраил ответил, что Земля поклонялась именем бога, и после этого он не мог взять глину из уважения к его имени. Ответ понравился богу, и он тут же назначил Джабраила своим первым заместителем за проявленные справедливость и честность. Бог повелел Джабраилу распоряжаться на Земле, быть покровителем растительного мира („набототи олам”), охранять человека и быть посредником между богом и пророками, доводить до них волю бога. Вторым бог послал за глиной ангела Исрофила, но он также, как и Джабраил, возвратился без глины: повторилась та же история. Его ответ, как и ответ Джабраила, понравился богу, и он повелел ему насаждать справедливость на Земле, а также внести душу в тело человека („амали инсофро дод”).

Третьим бог послал за глиной ангела Мункоила, который также вернулся с пустыми руками. Его ответ богу понравился, и он назначил его распорядителем душами животных („руҳи ҳайвонӣ”), щедростью на Земле, поручил заботу об обеспечении их пищей.

Последним бог послал Исроила. Он, не обращая внимания на клятву Земли, с четырех сторон света (Север, Восток, Юг и Запад) взял по горсти

глины, а последнюю горсть взял с Каъбы (для сердца Деда-Адама), принес и положил в определенное место. Бог поэтому возложил на Исроила изъятие души человека и любого живого существа на планете Земля.

Глина, которую принес Исроил, пролежала двенадцать лет, а на нее в течение этого времени постоянно лил дождь. Глиняное тесто стало уже годным для создания человека. Ангелы спросили у бога, в каком образе создать человека. Бог ответил: „В моем образе”. Он повелел ангелам поклоняться созданному человеку, и только Исроил отказался. Бог спросил его, почему он не поклоняется человеку. Исроил ответил, что он сам произошел от сияния („нур”), а человек — из земли, из глины земляной, так зачем ему поклоняться глине? Бог очень рассердился и сказал, что глина-земля — это тоже сияние („нур”). „Если бросишь зернышко в землю, оно не пропадет, годами может сохраняться в земле и даст тысячу зерен, а ты сам — жестокий, угнетатель („зулмгор”)”. Если в тебя бросить зернышко, ты сожжешь его”. После его слов на шею Исроила с поднебесной выси упало ожерелье („тавқи наълат”), и Исроил превратился в сатану („шайтон”) и был изгнан богом из рая. В момент поклонения ангелов телу Деда-Адама в него вошла душа, и он ожил. Жил Дед-Адам в раю. Вместе с ним в раю жили животные и птицы: медведь, барс, волк, лисица, змея, корова, курица. Из зерновых росла пшеница, из огородно-бахчевых — дыня, тыква; из садовых — яблоныя, хурма, виноград, инжир. Но Дед-Адам не знал их вкуса, они были для него запретны. Вместе с животными Дед-Адам ел только травы. В одиночестве Дед-Адам скучал. По велению бога ему создали подругу из глины — женщину — Госпожу Еву („Момо-Хавво”) ²⁰. Но эта женщина не хотела подчиняться Деду-Адаму, она с ним не играла, не помогала, грубила ему, потому что была создана из того же самого материала, что и Дед-Адам, они равноправны, по ее мнению. Она только качалась на качелях („вулчакбозй”) и играла на флейте („найनावозй”). С тех пор до нас дошли качание на качелях и игра на флейте.

Однажды ангел Джабраил навестил Деда-Адама и Момо-Хавво, поинтересовался, почему Дед-Адам такой скучный. Тот пожаловался ему на поведение Момо-Хавво. Джабраил сказал об этом богу, и Момо-Хавво превратили опять в глину. Решили создать вторую Момо-Хавво из ребра Деда-Адама ²¹ (с левой стороны). Дед-Адам и Момо-Хавво вместе гуляли в раю, питались травой и понимали язык животных и птиц, а те понимали их язык. Шайтан тайком ходил за спинами Деда-Адама и Момо-Хавво, следил за ними и подговаривал Момо-Хавво сблизиться с Дедом-Адамом, но ангел Джабраил не допустил, чтобы они согрешили. Но видя, как им трудно быть сдержанными, он сам стал свидетелем их бракосочетания, сам прочитал им хутбу помолвки и брака („никоҳ”). Но шайтан не оставлял в покое Деда-Адама и Момо-Хавво. Джабраил предупреждал Деда-Адама и Момо-Хавво, чтобы они избегали есть пшеницу, хурму, яблоки, виноград, кото-

рые так украшают их дом и сад. Но когда Дед-Адам гулял в саду, шайтан пришел в дом, проявил доброжелательность и сказал Момо-Хавво, что пшеница и все эти фрукты очень вкусные. „Если вы их поедите, то ваш ум разовьется, вы оба осознаете сладость жизни. Если будете есть только траву, то ваш ум не разовьется, вы останетесь жить как животные”. Момо-Хавво тут же, соблазненная речами шайтана, сорвала с дерева возле дома хурму (некоторые информаторы говорят яблоко или колос пшеницы) и съела. Шайтан исчез в тот же миг. Пришел Дед-Адам, и Момо-Хавво уговорила его попробовать хурму (яблоко, пшеницу). Дед-Адам попробовал вкусный плод, но вдруг у них вздулись животы. Они вышли в сад. Из-за того, что они согрешили, поев запретный плод, все виды животных и птиц перестали понимать друг друга, Деда-Адама и Момо-Хавво. Среди животных начались драки, поднялся сильный шум в раю. На шум пришел Джабраил, узнал о случившемся и доложил богу — Мухаммаду-Али. Бог пришел в рай, но теперь, когда Дед-Адам и Момо-Хавво познали стыд, они не выбежали как прежде богу навстречу, а спрятались под ветвями инжирного дерева, стесняясь своей наготы. Бог их позвал, а они ответили, что выйти не могут, потому что голые. Бог все понял. Но он их любил и уважал и поэтому сказал, чтобы Дед-Адам сорвал два листа инжира и прикрылся ими спереди и сзади, а Момо-Хавво — три листа, так как ей надо прикрыть и грудь.

За то, что они согрешили, бог их наказал. Их бросили на острове Сарандеб. Семь или семьдесят дней они бродили по пустынному острову. Вокруг них вырос лес. Дед-Адам и Момо-Хавво все время плакали и молили бога простить их.

Деду-Адаму было 40 лет, а Момо-Хавво — 18. Дед-Адам день и ночь работал, построил для семьи шалаш („хаскапа”), вокруг него посеял пшеницу, посадил фруктовые деревья, приручил крупный рогатый скот, овец. У них появились дети. Момо-Хавво воспитывала детей, а в свободное время собирала в лесу дикie фрукты и ягоды.

Как видно из вышеприведенного материала, древние народные легенды о патроне земледелия „Бобои-Дехконе” подверглись влиянию исмаилитского вероучения, по которому одна точка („як нуқта”) — это бог Мухаммад-Али (Муртузо-Али) — вечное сияние („нур”). Бог по своей воле появляется в образе любого из ангелов, в том числе сатаны, святого человека, странника, почтенного старца или животного, змеи, птицы или предмета. Он творец всего: всей вселенной, звезд, светил, животного и растительного мира Земли и человечества.

Из вышеприведенных материалов видно, какую большую роль в легендах играют ангелы в развитии растительного и животного мира Земли. Момо-Хавво в представлении местных жителей является наряду с четырьмя ангелами соиздательницей многих сторон жизни человека. Однако все их действия — якобы проявление воли бога, который тайно проникает в души и совершает намеченные им действия.

По сообщению наших информаторов, если бы бог не создал ангелов (Джабраила, Исрофила, Мункоила, Исроила), то мир, как таковой, не развивался бы. Когда богу надо совершить какое-либо дело, он появляется в образе одного из этих ангелов, наблюдая с небес все то, что происходит в мире, либо в образе всех их одновременно, в том числе и Деда-Адама („Бобои-Одам”), Деда-Земледельца („Бобои-Дехқон”, „Хоҷа Абдуллои Дехқон”, „Хоҷаи Хизр”) и других.

Информаторы говорили, что бог и ангелы находятся на небесах „за завесой”. Их никто не видел, их только узнают в сновидениях („хобби-ни”), а кто хочет их узнать, то пусть ищет в своем сердце.

Проявление человека, по сообщению наших информаторов, неотделимо от появления растительного и животного мира. Они по своему происхождению связаны с четырьмя элементами: воздухом („бод”), огнем („оташ”), водой („об”) и землей („хок”). Первые два считаются небесными. Они расположены „за завесой”, и человек не способен познать их. Два последних (вода и земля) считаются земными. Под первыми двумя понимается душа, а под двумя последними — форма тела („шаблон”). После смерти человека два первых поднимаются в небеса, а два последних останутся в Земле. По словам наших информаторов, воздух — это сам ангел Исрофил, огонь — ангел Исроил (он же сатана — „шайтон”), вода — ангел Мункоил, земля — ангел Джабраил. Каждый из этих ангелов способствует любой сельскохозяйственной работе и все они связаны между собою, но корни их ведут к единому богу — Мухаммаду-Али. Земля, как мать, рождает и выращивает растения, вода дает необходимую влагу, огонь — тепло, а воздухом дышат растения, животные и люди. Таким образом каждый из ангелов участвует в создании и жизни любого растения, животного и человека.

Из вышеизложенного материала очевидно, что образ патрона земледелия Деда-Земледельца („Бобои-Дехқон”), почитаемого с древнейших времен всеми земледельцами Средней Азии, у припамирских народностей под влиянием исмаилизма сливается с образом первого человека на Земле Дедом-Адамом и с самим богом Мухаммадом-Али. Такое понимание образа патрона земледелия „Бобои-Дехқона” резко отличается от понимания образа Деда-Земледельца другими народами Средней Азии, исповедывшими в прошлом ортодоксальный ислам (т.е. суннизм), в том числе и у таджиков других регионов. У них Дед-Земледелец почитается только как патрон земледелия, он не олицетворяет бога творца.

У народов Средней Азии Деда-Земледельца олицетворял и выполнял его функции обычно уважаемый почтенный старик, опытный земледелец, который первым начинал ту или иную сельскохозяйственную работу: пахоту, сев, жатву и т.п. Это должно было, по народному представлению, обеспечить удачное проведение всех полевых работ и способствовать получению большого урожая возделываемых культур.²² Наши материалы подтвер-

ждают эту точку зрения Н.А. Кислякова, К.А. Богомоловой, М.Р. Рахимова, М.С. Андреева, Л.Ф. Моногаровой, изложенную в упомянутых работах названных исследователей. В Язгулеме функции Деда-Земледельца выполнял в каждом кишлаке самый уважаемый опытный старик из односельчан, называемый „файгунай” или „шогуни”, у таджиков бассейна реки Хингоу его называют „шавгуни”. В Рушане, Бартанге и Хуфе — „хушпойкадам”. Их функции передавались по наследству.

М.С. Андреев пишет о том, что у исмаилитов „должность распорядителя священными обрядами, связанными с земледелием ... захвачена халифой, исполняющим, таким образом, функции „Деда-Земледельца”, „Бобои-Дехқон”. Этим именем среди таджиков-суннитов называется не только патрон земледелия, но и упомянутые выше, существовавшие по разным селениям лица, распорядившиеся земледельческими обрядами и ведшие свое происхождение от патрона земледелия”.²³ Однако мы не можем согласиться с этим высказыванием М.С. Андреева, так как по нашим полевым материалам пир, или халифа,²⁴ только определял „счастливый день” для начала того или иного цикла сельскохозяйственных работ. Исмаилитское духовенство приняло на себя только эту одну из многих функций патрона земледелия, что вполне объяснимо пониманием образа Деда-Земледельца исмаилитами.

По свидетельству М.С. Андреева, каждый „хушпойкадам” — „приносящий благодать” — наследовал исполнение определенной функции при одном из обрядовых действий: проводил ритуальную запашку в день Первой борозды, или начинал сев, жатву или полив, или снимал запрет в течение семи дней посещать мужчинам отдаленные летовки, куда женщины перегоняли скот и т.п. По нашим сведениям „хушпойкадам”, говоря словами наших информаторов²⁵, „благодать” получал по наследству, „она переходит от отца к сыну”, „хушпойкадам” — обладатель „легкой руки”. Он всегда — коренной житель кишлака и после определения пиром или халифой „счастливого дня” и „счастливого часа” для начала той или иной работы первым начинал или пахоту, или полив, или сев, или жатву, или обмолот. Он один начинал эти все работы: проводил одну „ритуальную” борозду, или жал одну-две охапки травы или злаковых и т.д., а за ним — остальные земледельцы, каждый на своем участке.

Особенно ярко проявляется культ патрона земледелия — Деда-Земледельца при жатве и обмолоте. Жатва и обмолот урожая зерновых — важные земледельческие процессы. К жатве и после нее к обмолоту приступают все земледельцы в один день, в „счастливый час”, определенный халифой — представителем исмаилитского духовенства, как мы уже отмечали выше, принявшего на себя исполнение этой функции „шогуни” — почтенного пожилого человека, опытного земледельца, принадлежащего к семье, ведущей свое происхождение от Деда-Земледельца и часто носившего это передаваемое по наследству имя.

После обряда внесения колосьев первого урожая ячменя в дом и привязывания их к пяти деревянным опорным столбам (олицетворяющим, по народному представлению, пять исмаилитских пророков: Мухаммада-Али, жену Али — Фатиму и сыновей Али — Хасана и Хусейна) устраивалось ритуальное угощение („наврас“), которое относили в дом старейшего своей родственной группы („авлод“).

Начиная жатву, каждый жнец говорил: „Во имя бога, всемилостивого, милосердного, Ходжа-Абдулла дехкан, помоги нам всем, чтобы зернышек стало больше, а соломы меньше. Велик аллах!“²⁶.

В Хуфе произносили более короткую молитву: „Во имя аллаха, милостивого, милосердного. О, счастливый час!“²⁷ В обряде окончания жатвы прослеживается пережиток одушевления поля. В Хуфе²⁸ жнецы стараются скорее завершить жатву на оставшемся клочке поля, если ее затянуть, то у поля появится головная боль. Окончив жатву, жнец в Хуфе произносит молитву, обращаясь к полю: „Бог велик, поменьше соломы, побольше зерна, чтобы оно было съедано, будучи заработанным честно (по закону). Пусть урожай от тебя будет в три амбуна (мера, равная 6 пудам)“, — и бросает серп так, что он втыкается в землю.

У ишкашимцев говорили: „Жните скорее, чтобы не болела голова поля, не вышла душа поля“ („хизри замин набарояд“). По народному представлению, „хизри замин“ — образ, олицетворяющий поле.

Ток — „чистая скатерть“ Деда-Земледельца²⁹ — особо почитался у припамирских народностей. Считалось, что во время обмолота Дед-Земледелец и ангелы находятся на току. Перед раскидыванием снопов для обмолота, при связывании волов на току для прогона их по снопам крестьяне обращались с молитвой к Деду-Земледельцу и богу, прося помощи, чтобы обмолот прошел успешно. Процесс обмолота проходил с соблюдением ряда запретов, чтобы не осквернить ток и находившихся на нем патрона земледелия и ангелов. Продолговатая куча очищенного зерна („гардан“), а затем и конусообразная куча („сор“) олицетворяли тело Деда-Земледельца. Особенно к последней куче („сор“) относились бережно, так как она считалась священной, и ее украшали кольцевыми (горизонтальными) и вертикальными полосами (одевали и опоясывали Деда-Земледельца). В углубление вершущки кучи клали „алвойук“ — кусочек хранимого в Вахане и Ишкашиме с Нового года помета вола („тибетейка“ патрона). В Хуфе помет вола не хранили с Нового года, там такого обряда не было, но делали комок из помета вола, который участвует как тягловая сила в пахоте.³⁰

Хозяин выделял одну десятую („дахьяк“) урожая в пользу духовенства („хақи пир“) и еще одну — Деду-Земледельцу в качестве милостыни (особенно в афганской части Вахана). Хозяин, по поверью, получал за это благословение Деда-Земледельца.

Унося с тока последнее зерно, прощались с Дедом-Земледельцем: „Да

умножится благодать, благотворный Ходжа-Абдулла дехкан, дай всем спокойствие, счастье, велик аллах!“³¹

О происхождении культа патрона земледелия — Деда-Земледельца („Бобои-Дехқон“) и бытовании его у земледельческих народов Средней Азии высказывались многие крупные исследователи.³² Приводятся легенды и мифы о Деде-Земледельце („Бобои-Дехқон“), которые значительно дополняют друг друга. Однако единого мнения на происхождение этого культа у ученых нет. М.С. Андреев, О.А. Сухарева, Е.М. Пещерева полагают, что культ патрона земледелия имеет доисламское происхождение, и высказываются о возможной связи его с культом предков. В.Н. Басилов считает, что почитание Деда-Земледельца — пережиток некогда пышного культа могущественного аграрного божества.³³ Культ патрона земледелия с персонификацией его в уважаемом, опытным, с „легкой рукой“ благочестивом старике-крестьянине, даже носящий влияние исмаилизма у припамирских народностей, с тщательно разработанными деталями обрядовых действий, скорее свидетельствует в пользу точки зрения В.Н. Басилова, что, на наш взгляд, не лишает этот образ естественной связи его и с культом предков.

КУЛЬТ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ

Пирь и халифа, как мы отмечали выше, определяли „счастливый день“ — время начала первой пахоты, ирригационных или других земледельческих работ, дни празднования Нового года („Навруз“), а также местонахождение на небосводе созвездий, особенно Скорпиона — „Ситораи Акраб“, „Ситораи Нахс“ („звезда неблагоприятия“) ³⁴, игравшее важную роль при начале любых работ. Это имело очень важное значение для земледельцев, так как, по народным представлениям, определенное положение созвездия Скорпиона являлось очень опасным для начинания любой работы в каждом хозяйстве, селении и даже крае. По традиции при выходе из дома для начала любой из сельскохозяйственных работ человек старался, чтобы его лицо не было направлено к этому созвездию. Если это случится, то ожидали неблагоприятия, плохого урожая. Поэтому так строго придерживались этой традиционной табуации. Его местонахождение в конце XIX — начале XX веков в Вахане определял пир-астролог Замрад, живший на левом берегу Вахандарьи. В Шугнана, Бартанге и Рушана местонахождение созвездия Скорпиона и „счастливый день“ начала сельскохозяйственных работ определяли местные сейиды (пирь). Созвездие Скорпиона, по народному поверью, в течение суток меняло свое местонахождение на небосводе, а уточнить его положение мог не каждый пир или халифа. По сообщению наших информаторов, для определения его существовала

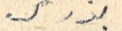
книга „Соатнома“ (книга гадания по звездам), которую не все пиры и халифы имели, а многие из них и не умели ею пользоваться. В долине Бартанга, в ущелье Равмед (в кишлаке Равмед) местонахождение созвездия Скорпиона („Шукри ялдуз“) на небосводе по традиции определяется следующим образом: „Шукри ялдуз“ в каждый из 12 месяцев в году по отдельности и каждый день меняет свое местоположение на небосводе — в первый, одиннадцатый и двадцать первый дни месяца созвездие находится на Востоке от селения (или региона); во второй, двенадцатый и двадцать второй дни месяца — посредине между Востоком и Севером; в третий, тринадцатый и двадцать третий — на Севере; в четвертый, четырнадцатый и двадцать четвертый — посредине между Севером и Западом; в пятый, пятнадцатый и двадцать пятый — на Западе; в шестой, шестнадцатый и двадцать шестой — посредине между Западом и Югом; в седьмой, семнадцатый и двадцать седьмой — на Юге; в восьмой, восемнадцатый и двадцать восьмой — посредине между Югом и Востоком; в девятый, девятнадцатый и двадцать девятый дни месяца созвездие Скорпиона находится под Землей (т.е. под земным шаром); в десятый, двадцатый и тридцатый — в зените над головой человека.

Семь дней в каждом месяце считаются „неблагополучными“ днями („рӯзи наҳс“). Земледелец обязан помнить эти дни, чтобы не начинать работы в несчастливый день: „Хафт рузи мох наҳс бошад, ед гири то наафти дар чоҳ“.³⁵ Этими днями являются третий, пятый, тринадцатый, шестнадцатый, двадцать первый, двадцать четвертый и двадцать пятый день каждого месяца. По мировоззрению земледельцев, знание этих дней и местонахождение на небосводе созвездия Скорпиона необходимо, чтобы проделанный труд не пропал даром, чтобы предохранить свою семью и родной кишлак, край от гнева созвездия Скорпиона. Темному безграмотному крестьянину запомнить все это было очень трудно потому, что он не мог определить первый день нового месяца, так как первый день каждого очередного месяца приходится на разные дни недели. Поэтому, по словам информаторов,³⁶ путаница с определением первого дня каждого месяца является причиной различных стихийных бедствий (например, засухи) или различных болезней. По представлению бартангцев кишлака Равмед кроме „зловредного“ созвездия Скорпиона существует „доброжелательная звезда“, Ситораи Кутб — Полярная звезда. Она находится на Севере. Вокруг нее вращаются против часовой стрелки семь звезд. Они „охраняют“ Полярную звезду. Первая из них называется „Якшанбе“ (воскресенье), ее смысловое значение „Шамс“, т.е. „Офтоб“ — Солнце; вторая — „Душанбе“ (понедельник), она же „Қамар“ — „Моҳтоб“ — Луна; третья — „Сешанбе“ (вторник), она же „Миррих“ — планета Марс; четвертая — „Чоршанбе“ (среда) — „Аторуд“ — планета Меркурий; пятая — „Панҷшанбе“ (четверг) — „Муштарӣ“ — планета Юпитер; шестая — „Чумъа“ (пятница) — „Зухра“ — планета Венера; седьмая „Шанбе“ (суббота) —

— „Зухул“ — планета Сатурн. Эти семь звезд (планет) берут свою силу от Полярной звезды и посылают эту силу в Землю. По народному представлению, от этой силы и их сияния получает жизнь весь растительный и животный мир на Земле. Эти звезды называют в народе „Почтенными“, „Святыми“, „Великими“.

По народному представлению, весь мир — растительный, животный и человечество — связаны с небесными светилами. Они олицетворяются в народном представлении с живым человеком, который действует то в пользу людей, то против них. Это свидетельствует об антропоморфизации светил (Солнца и звезд).

Почитание звезд у припамирских народностей, по нашему мнению, восходит к глубокой древности — к анимизму и, возможно, зороастризму. Доказательством древнего культа светил, на наш взгляд, является клятва именем Солнца. Например, в кишлаке Андароб, в Гороне, нам посчастливилось наблюдать, как на утренней заре, чтобы доказать свою невиновность перед односельчанами, одна женщина клялась: „Ба нури Шохи Мардон сари афтови бэзри!“ — „Во имя светила Шаха Мардана (т.е. царя мужчин, бога Мухаммада-Али) в момент восхождения Великого Солнца ...“³⁷ Чувствовалось по выражению ее лица, что эта клятва была самой искренней. Исламизм, впитывая в себя народные домусульманские верования и культы, переосмысливает их, приспособляя к своему вероучению, и Солнце олицетворяет бога творца — Мухаммада-Али.

М.С. Андреев и А.А. Половцев обратили внимание на широкое распространение у припамирских народностей культа Солнца: „Солнце называется великим („бузург“). Им клянутся, говоря в Ишкашме „сари Ремузд“, в Вахане — „сари йп“.²¹ Жители Горана, а также жители селения Турбат, изъясняющиеся по-персидски, говорят („сари Офтоб“, И.М.). Клятва эта считается очень сильной, и народ верит, что нарушивший клятву или давший ее ложно будет наказан Солнцем.³⁸ Термин „Ремузд“, которым называется Солнце в Ишкашме, — по нашему мнению, вероятно трансформированное имя зороастрийского верховного бога добра и света Ахура Мазды у древних иранцев. Именно в Ишкашме, в кишлаке Рын сделана была в августе 1902 г. фотография похоронной процессии. Впереди носилок, на которых мужчины несут тело к могиле, ведут собаку, что свидетельствует о пережитке древнего иранского культа. Роль собаки в верованиях многих народов, особенно ее значение в погребальном ритуале зороастрийцев подробно характеризовали Б.А. Литвинский и А.В. Седов.³⁹

Култ светил — Солнца и звезд — ярко прослеживается во влиянии на производственную деятельность, общественную и семейную жизнь людей. Все определялось положением звезд на небосводе. Время суток разделялось на мелкие периоды, в которые звезды (планеты) меняют свое местоположение на небосводе, а их местоположение регламентирует жизнь людей: возможность или невозможность начинать ту или иную работу, совер-

шать или не совершать бракосочетание, отправляться или нет в путешествие и т.д.

Например, в воскресенье, в момент рассвета появляется Солнце („Шамс“). Этот период принадлежит Солнцу. В данный отрезок времени можно, надеясь на успех, начинать любые сельскохозяйственные работы, отправляться в путь, вступать в брак, покупать или продавать что-либо, просить помощь. Нельзя в этот период лечиться от болезней, совершать над кем-нибудь насилие, проявлять жестокость. Если в это время суток рождается ребенок, то считается, что он будет долгожителем, умным, богатым.

В позднее утро (10-11 часов утра) („чоштор“) ⁴⁰ появляется звезда (планета) Венера („Зӯҳра“). Этот период времени принадлежит ей. Это счастливый час для заключения брака, для установления дружеских отношений с женщинами или заготовления необходимых пищевых продуктов, для проявления щедрости. В этот период времени нельзя посылать детей в школу или вообще куда-нибудь. Нельзя проявлять насилие. Если в этот отрезок времени рождается ребенок, то, по поверью, он должен иметь беспроблемный характер, будет страстным и будет любить наслаждения.

Третий отрезок суток — это время звезды (планеты) Меркурия („Аторуд“). Он наступает после „чошт“ и продолжается до „ними рӯз“ исключительно („ним“ — половина, „рӯз“ — день, т.е. полдень). В этот час можно посылать детей в школу (имеется в виду начало учебы), начинать творческую работу (писать книги, статьи, сочинять стихи), давать нищим милостыню (пищевые продукты). Нельзя сплетничать, нельзя действовать со злым умыслом.

Четвертый отрезок времени наступает после обеда („намози пешин“) ⁴¹, примерно в 3 часа дня. Это время Луны („Қамар“) — счастливый час для того, чтобы навестить шаха (падишаха), на Западном Памире — сейидов, пира. Можно лечиться, начинать строить дом, производить сельскохозяйственные работы, кроить, шить, надевать новую одежду. Недозволено в это время вступление в брак, щедрость и возобновление угощения (праздник свадьбы, поминальные угощения и т.п.), нельзя иметь тайные злые намерения.

В пятый отрезок времени суток наступает время звезды Сатурн („Зухал“) — между двумя молитвами „миени ду намоз“, послеобеденной молитвы „намози пешин“ и молитвой перед заходом солнца „намози аср“. В это время желательно приступить к приготовлению продуктов для свадебного застолья и проявлению щедрости, запрещается проводить новые ирригационные каналы, заниматься полеводством, начинать строительство дома, сажать деревья, продавать или покупать что-либо, кроить, шить и надевать новую одежду. Если в этот час рождается ребенок, то он не будет счастливым. Эта звезда опасна, когда находится под Землей (под земным шаром). Она еще опаснее, если при выходе из дома лицо вышедшего будет повернуто в ее сторону, аналогично созвездия Скорпиона („Ситораи Ақ-

раб“). Звезда „Зухал“ появляется и днем и ночью. Днем при свете Солнца ее не видно, но люди должны знать ее местоположение на небосводе, иначе постигнут болезнь, неудачи в работе и т.п.

Информаторы утверждают, что не все могут определить эти „звезды неблагоприятия“ по их внешнему виду. Считают, что тот, кто эти звезды узнает, видит их во сне. Когда он спит, то его душа покидает тело и летит на небо (если душа наяву, а не во сне покинет тело, то человек умирает). На небе душа перемещается с другими звездами (планетами) („сайёрагон“), т.е. душа становится спутником этих звезд и узнает „звезду неблагоприятия“ („Ситораи наҳс“). Таким был Ходжа Абдулносир Али Ал-Салом. Он написал книгу, и по ней другие узнают эти звезды.

Шестой отрезок времени принадлежит звезде (планете) Юпитеру („Муштарӣ“). Время его наступает после захода Солнца, после „двух молитв“ — „намози дигар“ („намоз“ — молитва, „дигар“ — другой, следующая, т.е. следующая молитва). Этот час благоприятен для отправления в далекий путь, для кройки, шитья и надевания новой одежды. Нельзя с кем-либо драться или иметь намерение подраться, навещать шаха (у припамирских народностей — пира), или пойти к нему решать какие-либо вопросы, или начинать крупные дела.

Последний, седьмой отрезок дневного времени принадлежит звезде Марс („Миррих“). Это время называется „охири рӯз“, т.е. конец дня, когда темнеет. Считается благоприятным в этот период отправляться в путь, подготовиться к ссоре, вражде, лечиться, принимать лекарства. Запрещается: кроить, шить и надевать новую одежду. Если в это время родится ребенок, из него вырастет злодей, приносящий людям несчастье.

За этим периодом наступает ночь („аввали шаб“) — время звезды (планеты) Меркурий („Аторуд“).

Следующий за этим периодом отрезок времени — начало времени, когда собираются спать („намози хуфта“), принадлежит Луне („Қамар“). Последующий отрезок времени наступает в полночь („ними шаб“) — время звезды Сатурн („Зухал“). После полуночи наступает период „мурғ бонг“ („первый крик петуха“), принадлежащий звезде Юпитеру („Муштарӣ“). За ним следует период „поси дуйуними шаб“ („две с половиной части ночи“) — это время звезды Марс („Миррих“). За ним наступает самое начало рассвета „Субҳи козиб“ — время появления Солнца („Шамс“), а утренняя заря „Субҳи содиқ“ — время звезды Венеры („Зӯҳра“).

В последующие дни недели все выше перечисленные звезды в течение суток имеют каждая свой отрезок времени, хотя они не совпадают с отрезками времени в воскресенье, но определяют те же самые „дозволенные“ и „недозволенные“ для человека дела.

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК — НАВРУЗ

На Западном Памире, как и везде, сельскохозяйственные работы начинались с наступлением весны. Весь цикл каждой из сельскохозяйственных работ сопровождался определенными обычаями и обрядами.

О праздновании Нового года „Наврүз“ и „Дня первой пахоты“ („первой борозды“) у припамирских народностей отсутствуют обобщающие труды. Опубликованы материалы, относящиеся к отдельным народностям или даже только к отдельным кишлакам. Мы постараемся обобщить имеющийся в нашем распоряжении полевой материал и письменные источники, дать конкретное описание обрядовых действий, связанных также и с пашным земледелием „Бобои Деҳқон“.

Праздник „Наврүз“, „Шогуни боёр“ (Весенний шогун) у припамирских народностей был пышным, веселым, с многочисленными магическими обрядами, дошедшими до наших дней из глубокой древности. По народному представлению, Новый год надо встречать веселым, сытым, тогда весь год будешь здоров, все будет благополучно и урожай обильным. Навруз приходится на дни весеннего равноденствия — 20-22 марта — и широко празднуется народами Востока: в Средней Азии, Афганистане, Иране и других странах. С дней весеннего равноденствия начинается новый сельскохозяйственный год.

На Западном Памире, где крайне мало пахотных земель, крестьяне с особым нетерпением ждали наступления Нового года, с которым связано начало всех земледельческих работ, так как у большинства семей зерна не хватало до нового урожая.

Крайняя нужда издревле породила и в дальнейшем укрепила веру в силу магических обрядов, традиционное проведение которых якобы способствует получению хорошего урожая, может спасти урожай при стихийных природных бедствиях. Следует отметить, что традиционные обряды и обычаи сопровождают все сельскохозяйственные работы от их начала и до завершения, т.е. до окончания вегетационного периода.

Начало нового сельскохозяйственного года в Вахане, Ишкашме, Гороне и в долине Шахдары (Шугнан) совпадает с днем весеннего равноденствия — 20-22 марта, на который приходится Новый Год — „Наврүз“, празднуемый всеми исконными древними земледельцами мусульманского Востока. В Язгулеме, Рушане, Бартанге и Шугнани (в долинах Пянджа и Гунта) начало сельскохозяйственного года праздновали на несколько недель раньше Навруза, что определялось вертикальной зональностью местности.

За две и даже более недели до наступления Нового года необходимо было определить местонахождение на небосводе созвездия Скорпиона „Ситораи акраб“.⁴²

Мы приведем описание празднования Навруза в Вахане и Ишкашме на первый день праздника — „панчшамбе“ (четверг) и второй день — „чумба“ (пятница). Если суббота приходится на один из дней Навруза, то празднование переносится на один день раньше, т.е. на пятницу, или на один день позже — на воскресенье, потому что суббота — день рождения бога — Муртузо-Али, поэтому иногда субботний день называют „Мавлоно-Шанбе“. Этот день имеют право праздновать только исмаилитское духовенство и люди, занимающиеся исмаилитским вероучением. Они молятся и для своих приближенных устраивают чтение религиозных книг. Простые люди („фуқаро“) не имеют права праздновать этот день. Они занимаются своими хозяйственными работами.

Прежде чем перейти к описанию начала первого дня Нового года, следует отметить, что почти с захода Солнца и наступлением ночи до полудня первого дня Навруза все соблюдают строгое табу — запрет, т.е. к соседу не мог зайти человек, не являющийся его родственником, а нездешних вообще не подпускали и близко к своему кишлаку.⁴³ С самого начала четверга „панчшамбе“ на рассвете появляется звезда Юпитер („Мушта-рй“).⁴⁴ Первый день Навруза празднуется радостно, с надеждой, что Новый год принесет спокойствие, счастье, высокий урожай и т.п. Все обрядовые действия проводятся в строгой последовательности, установленной традицией. Рано на рассвете в „час“ Юпитера, пока еще не рассвело, хозяин дома встает, совершает намаз и пока все члены семьи спят, старается совершить традиционный обряд: вывернув наизнанку овчинную шубу (мехом наверх) и стараясь, чтобы никто из членов семьи не видел („бо руй худ“), берет какую-либо красную тряпку и, накинув вывернутую мехом наружу шубу на голову и на одно плечо, закрывает лицо, оставляя только глаза открытыми, чтобы при случайной встрече его не могли узнать. Выходя из дома, хозяин направляется в сторону Востока, где восходит Солнце, бросая красную материю (или одежду, или кусок паласа) поверх стены двора или на изгородь из хвороста („шағ“). По народному представлению, красный цвет должен принести удачу, это считается богоугодным. Смысл этого магического действия — выворачивать шубу мехом наружу — заключается в том, чтобы зерно в новом году поднялось так густо, как мех шубы. В этот момент опасаются поворачиваться в сторону Юга, где находится в это время „звезда неблагоприятия“ — „Ситораи Нахс“ или „Лашкар язид“ (кишлак Рын в Ишкашме). По представлению местных жителей, эта звезда по внешнему виду похожа на пьяного верблюда („шутури маст“). Она появляется то на небе, то под Землей, то в четырех сторонах света. Ее называют в долине Бартанга в кишлаке Равмед „Шукри ялдуз“, в Рушане, в кишлаке Вома — „Ситораи яздуз“. В Вомае жители говорят, что „звезда неблагоприятия“ похожа на верблюда, открывшего рот. Он якобы хочет проглотить человека, обольщает („асфун мекунад“). Поэтому стараются не идти на Юг, ничего из дома в сторону Юга не выносят, чтобы не

вызвать несчастья. Потом хозяин, идя на Восток, срезает с ивы пять веток, приносит их во двор, поднимается с ними на крышу дома и бросает их через „резь“^{*} — светодымовое отверстие в крыше. До возвращения хозяина всем членам семьи запрещено выходить во двор. В случае нарушения этого запрета семью постигнет несчастье. Когда ветки, брошенные через отверстие в крыше, упадут у порога, хозяйка их посыпает бобовой мукой („боқло улук“, „ёй улук“), одновременно поздравляя с Новым годом: „Шогуни боёр муборак!“ Войдя в дом, хозяин проходит между параллельными столбами („чурастьин“), поздравляет с Новым годом хозяйку и членов семьи (если они проснулись): „Шогуни боёр муборак!“, а хозяйка в это время правой рукой, в которой держит бобовую муку, посыпает ею правое плечо хозяина и отвечает: „Ба рӯи шумо муборак!“ — „Поздравляем вас так же!“. Хозяин после этого поднимает эти ивовые ветки (весеннюю зелень), осторожно ставит их вертикально („цък де вак“) на нарах у стены („сартъке“) — справа от входной двери или на возвышенности для сидения в углу от „сартъке“. После того как хозяйка посыплет мукой ветки, они считаются священными. К ним особое отношение: нельзя прикасаться к ним грязными руками или другими грязными предметами, наступать ногами; на них можно смотреть только открытым, веселым взглядом, нельзя смотреть на них человеку больному, озабоченному, недовольному. После того как ветки поставлены на нары, члены семьи могут выходить из дому во двор и заходить обратно, совершать утренний туалет, готовить завтрак. В это время истекает „час“ Юпитера и начинается время другой звезды — Марс („Миррих“), по местному произношению „Мърех“. Этот период времени посвящается ряду ответственных работ: выносу домашних вещей во двор, уборке в доме (во время которой запрещалось входить в дом, кроме одной-двух женщин, занятых уборкой жилища), нанесению рисунков на стенах и столбах дома, приготовлению угощений. Детей удаляют в другое помещение, подростки уходят на улицу играть. Мальчики играют в битки (два подростка берут в руку по вареному яйцу и, ударяя яйцами друг о друга, смотрят, у кого яйцо оказалось крепче, тот забирает себе треснувшее яйцо. Устраивали борьбу („қъстингири“), а девочки качались на качелях.

Хозяин после завтрака связывал два веника („реф“) (именно в час „Мърех“). Свясла, чем перевязывают веники, делали из веточек принесенных ивовых ветвей, посыпанных бобовой мукой, другое свясло здесь применять не разрешается, так как ветви срезались в определенный час. Для одного веника делают короткую ручку (не длиннее метра, диаметром 3 см). Этим веником сметали копоть и сажу („дуда“) со стен. Второй веник делали с длинной ручкой (до 150-160 см). Его употребляли для очистки от

^{*} Здесь и далее буквы „ъ“ и „Ы“ означают гласный смешанного или заднего ряда среднего подъема / неогубленный /.

копоты и сажу потолка. Из веточек принесенных ивовых ветвей сплетали два маленьких тяжа, длина сложенных вдвое — 10-12 см. Один выбрасывали в определенное время из дома через светодымовое отверстие в крыше, а второй выносили вместе с удобрением на поле для имитации настоящего тяжа, обычно используемого во время пахоты.

Когда хозяин сделает веники и тяжи, вступает в силу запрет входить в дом всем, кроме одной-двух женщин, занятых его уборкой. Хозяин уходит из дома, а женщины, переодетые в старую одежду, убирают жилище, сметают со стен и потолка копоть и сажу, выметают сор из дома. Мусор собирают в старый, треснувший глиняный кувшин или в чашеобразный большой сосуд, сделанный из помета овцы и глины („кандина“). Выходя из дома выносить мусор, хозяйка накидывала на голову и плечо вывернутую мехом наружу шубу и выкрикивала: „Кънора, ифлосии яксола мебарорам!“ — „Уйдите с дороги, я выношу прошлогоднюю грязь!“ Услышав это, все стремятся удалиться с ее дороги, так как, по народному поверью, тот человек, который попадает ей на глаза, заболеет сам, станет причиной несчастья, на его семью в течение года будут обрушиваться всякие беды. Мусор вместе с веником она выбрасывает в удаленное место, подальше за домом, чтобы их никто не видел, случайно не наступил на них, так как, по поверью, на них лежат горе, болезни и грех прожитых лет. Мусор можно нести прямо по направлению „звезды неблагоприятия“, чтобы невзгоды не возвратились обратно. Женщина, бросив мусор с веником, не оглядываясь, быстро возвращается домой. Во дворе ее ждет вторая женщина с чистым платьем и горячей водой. После ритуального омовения в сарае, переодетая в чистое платье, она имеет право войти в дом. Грязную одежду бросают туда, куда выбросили мусор. В бедных семьях после празднования Нового года хозяйка стирала грязную одежду, если она не была рваной. в ней потом работали.

Вышеописанным циклом работ завершается время звезды Марс. До истечения времени Марса все женщины успевают вымыться, переодеться в чистое платье, чтобы иметь возможность войти в дом и начать другую работу, надеясь на благополучие в Новом году.

После времени Марса наступают часы Солнца („Шамс“). Хозяйка берет чашу с бобовой мукой („боқло улук“, „ёй улук“) и в первую очередь опускает в муку ладонь правой руки и на высоте 150-180 см от пола на центральный, главный столб („тоқастин“, „шастин“) в первую очередь наносит отпечаток своей пятерни с четырех сторон столба, произнося обычное новогоднее приветствие: „Шогуни боёр муборак!“. Этот столб, по поверью, олицетворяет бога творца Муртузо-Али, и обращение к нему принесет благодать этому дому, успех в хозяйственных делах в новом году. Во вторую очередь хозяйка наносит изображение пятерни с четырех сторон на остальные столбы дома. Сначала на столб, стоящий у маленьких нар: он олицетворяет, по поверью, пророка Мухаммеда, а после на два столба, соединенные планкой („бучкиғи“), стоящие параллельно друг другу у

входного проема, у порога („чурастин“, „стини бзовез“), на которых укреплены поперечная перекладина с резным орнаментом. Эти два столба олицетворяют сыновей Муртузо-Али — Хасана и Хусейна. Нанося отпечаток пятерни, хозяйка каждого из них поздравляла с Новым годом. Пятый столб, стоящий на нарах, где расположен очаг, отождествляется с дочерью пророка Мухаммада „Бибифотимаи Зӯхро“ — женой бога Муртузо-Али. Так как она считалась хозяйкой всех пищевых продуктов и всех видов пищи, около нее приготавливали тесто, пекли лепешки и варили пищу, то наносить отпечаток пятерни на этот столб считалось необязательным. Бибифотимаи Зухро „не обидится“, но некоторые хозяйки и на этот столб с четырех сторон наносили отпечаток пятерни и поздравляли с Новым годом. После этого во вторую очередь хозяйка по горсти муки бросает на стены дома (на 100-150 см выше поверхности нар) и на продольные и поперечные балки потолка. Стараются для этого обряда запастись мукой в достаточном количестве, так как, по народному поверью, если муки не хватит и какая-то балка не будет посыпана мукой, она будет обижена и на том свете потребует от своей хозяйки свою новогоднюю долю муки — „поздравление“.

В третью очередь хозяйка или другая женщина из членов семьи, среднего или преклонного возраста⁴⁵, брала бобовую муку (она более тяжелая и влажная по сравнению с пшеничной), втыкала в нее указательный палец и потом прижимала его к стене, мука прилипала и оставалось белое пятнышко. Из таких пятнышек составлялся контур рисунка, некоторые рисунки наносили прямыми линиями. По размеру рисунки, наносимые на стену рядом, были одинаковы и занимали площадь от 80 до 100 см. Рисунки обязательно наносили на стену за очагом. Изображали символически точками стадо овец с чабаном, держащим посох в руке. Рядом с ним собака, с помощью которой чабан загоняет овец в загон. Рисовали куропаток, горного козла (в виде точка-точка), чинар с листьями, а вокруг него небесные светила (Солнце, звезды, половину Луны), лепешки. В некоторых домах на стене, противоположной очагу, на высоте 80-100 см от поверхности нар („сартъке“) мукой наносили с интервалами в нескольких местах изображение рогов горного козла. Рисунки эти месяца через три-четыре постепенно темнели от копоти (в жилище был открытый очаг) и становились незаметны. В следующий новогодний праздник их восстанавливали. Навыки нанесения мукой рисунков на стены и на деревянные детали конструкции дома передавались из поколения в поколение. Эти рисунки выполняли три функции: 1 — украшение дома к празднику Нового года; 2 — символическое изображение животных, растений и людей, имеющее магическое значение, по поверью, должно способствовать увеличению поголовья скота, надоев молока, обильному урожаю всех земледельческих культур и фруктов, удачной охоте, доставку и счастье в семье; 3 — символическое изображение небесных светил (Солнца, звезд).

Это свидетельствует о пережитках культа Солнца, пережитках зоро-

астризма. „Присутствие“ этих божественных образов в доме, как и нанесение отпечатка пятерни (одного из символов исмаилизма) на столбах, поддерживающих кровлю дома и олицетворяющих бога творца и мусульманских святых, по народному поверью, обуславливает благодать и удачу в делах. Накануне вечером и рано утром в день Нового года пекли ритуальные большие хлебцы („қъмочи шогунӣ“ — новогодний кумоч) в зависимости от достатка семьи от одного до трех штук, каждый весом от одного до двух с половиной килограммов. В тесто добавляли масло, молоко, а в середину его в один ряд укладывали очищенные ядра грецкого ореха или абрикоса. Это придавало особый вкус новому „кумочу“ и в то же время являлось магическим обрядовым действием, по поверью, способствующим увеличению урожая зерновых культур, фруктов, надоев молока и большому количеству получаемого из него масла.

Лицевую поверхность „кумоча“ украшали вдавленными кружочками от перстня, наперстка или делали углубления указательным пальцем. Такое символическое изображение стада овец, по поверью, должно способствовать увеличению поголовья скота. В очаге очищали золу, клали „кумоч“, покрывали его глиняной глубокой чашей, а на чашу клали раскаленное кизяковое топливо с древесным углем („хамуч“). Через час с небольшим „кумоч“ был готов.

В полдень хозяин должен обязательно возвратиться домой, чтобы вместе с семьей съесть ритуальную пищу. Перед приходом в дом хозяин отрезает одну ветку двухгодичного побега ивы (диаметром 2 — 2,5 см, длиной 2 — 2,5 м) так, чтобы, разрезав ветку на три части, получить три палки длиной 60-70 см. Подойдя к двери дома, хозяин спрашивает: „Вы готовы?“. Если еще не готовы, отвечают: „Подождите немного“. В это время хозяин ножом строгают верхний слой коры ивовых палок, получая вокруг каждой полоски длиной в 5-8 см, которые символизируют стручки бобовых („боқло гох“), а палка — стебель. Получается на „стебле“ от 8 до 12 рядов „стручков“. По народному представлению, в Новом году изготовление „боқло гох“ должно обеспечить хороший урожай злаковых (бобов, пшеницы, ячменя) с большим зерном, крупными стручками, массивным стеблем (колосом). Если хозяин не успеет до входа в дом сделать три таких „боқло гох“, то недостающие одну-две делает после того, как с семьей поест новогодние ритуальные блюда. Если хозяин все-таки успел изготовить три „боқло гох“, то войдя в дом, он сам укрепляет 2 перекрещивающиеся на специальной перекладине-планке „бучкич“, украшенной разным орнаментом, изображающим солярные знаки.

Третье „боқло гох“ втыкают между балками потолка над нарами „сартъке“. Перед тем, как укрепить эти „боқло гох“, хозяин произносит обычное новогоднее поздравление.

До входа в дом, когда на его вопрос ответили, что готовы, хозяин укладывал на ишака паласы, которые выносили из дома перед уборкой.

сажал на палас мальчика (если тот оказывался поблизости, но обязательно члена семьи) и подгонял ишака к двери дома. Перед дверью хозяин говорил: „Лурд, лурд! Отворите дверь!“. Хозяйка, услышав голос мужа, из дома спрашивает: „Что привезли?“ Хозяин отвечает: „Я привез счастье Зебака, Бадахшана и Шугнана!“ Если в семье был сын, которого намеревались женить в ближайшее время, то хозяин добавлял: „привез невесту для сына!“

После ответа хозяина хозяйка открывала дверь, осла загоняла в помещение у входа (сени), где снимают обувь и в самом углу, в нише заранее насыпали ячмень и клали сено. Следили за ослом. Если он начинал есть сначала ячмень — значит урожай будет хорошим, если сено — то плохим, сена будет больше, чем зерна. Входя в дом за ослом хозяин через порог переступал правой ногой, а когда доходил до параллельных столбов с резной планкой („бучкижич“) произносил традиционное поздравление с Новым годом и в ответ получал от жены такое же поздравление. Хозяйка, открыв дверь, отступала внутрь помещения к нарам („сартыке“), возле параллельных столбов, держа в правой руке бобовую муку, как только осел поравнялся с ней, она осыпала мукой голову ослу между ушами, а ребенку — правое плечо. Когда хозяин с ней поравнялся и проходил между параллельными столбами, она ему также осыпала мукой правое плечо и поздравляла с наступающим весенним праздником.

По народному преданию, мука — символ счастья. Осыпание мукой — с брѣдовое действие, с помощью которого старались в новом году обещать счастье и благополучие семье. После того как хозяин входил в дом, и после окончания обрядовых действий, сопутствующих этому, снимался запрет входа в дом остальных членов семьи. До этого разрешалось находиться в доме только одной-двум женщинам, которые производили уборку дома и украшали его ритуальными рисунками (хозяйка и иногда помогавшие ей женщины — члены этой семьи). Если кто-либо из членов семьи нарушал запрет, ему строго выговаривали, и если семью постигало несчастье в наступившем году, то считали, что бог наказал семью за грех нарушения запрета.

После входа хозяина в дом, запрет снимался только для членов семьи. Если родственнику или соседу надо поговорить с хозяином по срочному делу, то он входит во двор, вызывает хозяина, они во дворе переговариваются, и потом хозяин возвратится в дом.

Осла, который считается символом „богатства“, „счастья“ („хар дават аст“), после еды перегоняют обратно в хлев. Если в хозяйстве не было осла, то за день до праздника занимали осла в том хозяйстве, где их было два, а после новогоднего праздника возвращали хозяину. Если нельзя было занять осла, то хозяин для совершения вышеописанного обрядового действия перегонял из хлева в дом барана.

За праздничным дастарханом новогодний „кумоч“ хозяин разрезал

ножом на маленькие кусочки, и каждый из членов семьи съедал свою порцию, а остальное оставляли для угощения приглашенных на более позднее время близких соседей (5-6 человек), которые придут с поздравлением, а также для угощения в следующие дни праздника родственников и знакомых, живущих в других конных кишлаках или даже в других кишлаках. После новогоднего „кумоча“ на дастархан подают мясное блюдо („гүшт“), рисовую молочную кашу („бъринч“). Первое праздничное угощение, состоящее из ритуальных блюд, предназначено только для узкого круга — членов данной семьи, и имеет магическое значение — верят, что „благодать“ („баракаат“) останется в семье, не перейдет к чужому человеку. После этого угощения снимался запрет („киш“) принимать в доме посторонних. В этот день приглашают мужчин, соседей и родственников, живущих рядом. Этим завершается время Солнца („Шамс“). Наступает послеобеденное время „Намози пешин“, время Венеры („Зухра“). Соседи и родственники приходили в дома друг друга с новогодними поздравлениями. Каждый приглашал своих близких родственников и соседей по очереди. Входящий в дом гость, стоя между параллельными столбами, символизирующими „Хасана“ и „Хусейна“, произносил традиционное новогоднее приветствие: „Шогунни бобр муборак!“. Хозяйка каждому входящему посылает бобовой мукой правое плечо и в ответ поздравляет его: „Шогунни бобр муборак!“. Гостей угощают новогодним „кумочом“, гости приглашают к себе в дом и так ходят в дома друг к другу, пока не истекает час Венеры. Одновременно женщины занимались приготовлением горячей пищи для следующего ритуального угощения, а хозяин к наступлению времени „миени ду намоз“ (от 3-х до 5-ти часов дня) следующей звезды Меркурия („Аторуд“) возвращался домой. Затем, чтобы успеть во время Аторуда совершить очередной традиционный обряд, хозяин осторожно, чтобы его никто не видел, выходил из дома и приносил „цветок весны“ — ветку колючего кустарника шиповника — только с красной корой, цвет которой считался символом благополучия и удачи. Затем брал в чашку или в платок две-три горсти семенной пшеницы и приготовленное в чаше священное курение („бүй“). Его готовят из отрубей пшеничной муки („сафук“), кожуры лука, дикой травы („сыпандона“) с добавлением сливочного масла. Эту смесь кладут на тлеющие угли; „бүй“ обладал очень приятным запахом. В деревянное блюдо наливали мясной суп („гүшт“) или молочную рисовую кашу („бъринч“), брали две или четыре лепешки. Заплетенную плетеную корзину („чмул“) наполовину заполняли навозом („удел“), поверх него клали в чаше или платочке — семенную пшеницу и маленькую модель деревянного пахотного орудия („усперк“) с ярмом и с тяжем, приготовленным из ивовых веток, принесенных хозяином на рассвете в дом. Их покрывают колючкой. Шипы колючки в данном случае имитировали мех овчинной шубы, чтобы посев был таким густым, как мех, поэтому мужчины овчинные шубы выворачивали наизнанку. Хозяин один или в сопровождении одного-двух сыновей или братьев шел

на определенное место, обычно поле в центре кишлака, где собирались в этот час односельчане. Груз делили поровну: один нес заплечную корзину, второй — дастархан с „гүшт” и лепешками, третий — священное курение. Они должны были выйти из дома, избегая встречи с кем-либо, поэтому один из них кричал: „Кънора, кънора!”, т.е. „С дороги, с дороги!”. Кто услышит, стремился не показаться им на глаза, в противном случае в новом году не будет ни им, ни встречному удачи.

После выхода из дома хозяина с сопровождающими его мужчинами, в доме оставались остальные члены семьи и вступал в силу запрет — до возвращения хозяина не пускать в дом посторонних и тех членов семьи, которые вышли из дома вместе с хозяином. На улице они играли в „битки”, занимались борьбой („къстингири”), играли в поло, соревновались в беге, качались на качелях. Они могли войти обратно в дом только после возвращения хозяина и совершения им обряда с выбрасыванием семян. Придя на место сбора односельчан, хозяин и пришедшие с ним мужчины поздравляли присутствующих с Новым годом, в ответ и их поздравляли. Дастархан свой ставили рядом с другими дастарханами. Колочку вынимали из корзины и клали на поле (каждый хозяин отдельно), рядом с колочкой или поверх нее высыпали удобрение, рядом с ним в почву втыкали модель пахотного орудия. Священное курение ставили на маленький плоский камень и помещали сверху удобрения. Священное курение распространяло приятный запах, и это считалось богоугодным делом. Хозяин брал горсть семенной пшеницы и высыпал ее в удобрение, затем брал модель пахотного орудия в правую руку и, нажимая на него, имитировал проведение первой борозды, в которую попадали часть высыпаемых зерен семенной пшеницы. После этого обрядового действия считали, что можно начинать земледельческие работы. После проведения „первой борозды” модель пахотного орудия оставляли воткнутой глубоко в землю на том же месте до начала настоящей пахоты. После этого хозяин шел к собравшимся. Когда все собрались, выбирали трех из уважаемых односельчан и поручали им распределить угощение, принесенное всеми собравшимися. После угощения халифа или почтенный старик читал молитву, и все расходились по домам. В это время завершается „час” Меркурия, темнеет и наступает „намози дигар” — время Луны („Қамар”). Хозяин, возвращаясь домой, нес с собой оставшиеся зерна семенной пшеницы и старался тайно от всех, особенно от хозяйки, бросить эти семена в дом через светодымовое отверстие в крыше, но хозяйка, держа наготове сделанную заранее утром вторую модель пахотного орудия с привязанными тяжем и деревянной ложкой, подкарауливала появление хозяина и старалась прежде него выбросить их из дома через светодымовое отверстие в кровле на крышу. Если ложка падала вверх дном — считалось, что в новом году будет много молока, масла, а если наоборот — то будет больше зерна. Семена, брошенные хозяином, хозяйка обсыпала бобовой мукой и поздравляла их с Новым годом. Хозяин, входя в дом, поздравлял чле-

нов семьи с Новым годом, хозяйка в ответ поздравляла его и обсыпала ему правое плечо бобовой мукой. Этим завершались обрядовые действия при праздновании первого дня Нового года и время Луны. После наступает „охири рӯз” — конец дня и время „Зухал” (Сатурна). Все сидели по своим домам, развлекались танцами и пением.

Запрет входа в дом посторонних лиц соблюдался с момента выноса на поле семенной пшеницы до восхода солнца второго дня Нового года — пятницы („қумъа”). На рассвете наступало время Венеры („Зухра”). Хозяин дома, выходя во двор тайком от членов своей семьи, надевал овчинную шубу мехом наружу. Теперь при выходе из дома хозяину не нужно было избегать „звезды неблагополучия” („Ситораи наҳс”), т.е. накануне была произведена имитация проведения „первой борозды”. Овчинную шубу хозяин надевал мехом наружу для того, чтобы усилить влияние этого обрядового действия на густоту всходов зерновых культур, и приводил в дом из хлева вола („къжук”). Хозяйка посыпала бобовой мукой лоб и горб вола и поздравляла его с праздником Нового года. Хозяин гладил вола и говорил ему ласковые слова: „Ты тоже работаешь, пусть будет удача и обильный урожай в Новом году”. После кормления соломой, вола давали киселеобразную похлебку („қоз”), приготовленную из бобовой муки, разбавленной водой. Внимательно следили — сначала вол испражнится или помочится? Если во время кормления вол сначала испражнялся, то это считалось хорошим признаком, обещало урожайный год, а если помочился — то много воды, дождя в вегетационный период. Вола старались успеть покормить до восхода солнца и угоняли обратно в хлев. Испражнению вола придавали форму тарелки, высушивали и сохраняли до веяния зерновых культур⁴⁶, когда совершали обрядовые действия, связанные с патроном земледелия „Бобои-Дехқон” (его клали на верхушку кучи зерна — тело Бобои-Дехқон — и оно имитировало тибетейку патрона земледелия). После того, как вола перегонят из дома обратно в хлев, снимался запрет посещения дома посторонними. Запрет снимался посещением („хабарчи”) специально избранного односельчанина мужчины из числа родившихся в день Нового года и нареченного потому именем „Навруз”. Он приходил приглашать хозяина к себе в гости. Этот мужчина должен был происходить из семьи потомков основателя данного кишлака, из „Саравлода”. Несмотря на его возраст, он считался самым уважаемым и почетным человеком для односельчан. Он — носитель „благодати” („баракат”). Входит в дом он обязательно с правой ноги и всех поздравляет с Новым годом: „Шогуни боёр муборак!”. Хозяйка осыпает ему правое плечо бобовой мукой и взаимно его поздравляет. Угощают его ритуальным „қумочем”, мясным супом и всем вкусным, что есть в доме. Он долго не задерживается, так как спешит обойти с приглашением все хозяйства кишлака и успеть вернуться домой, чтобы встретить пришедших в гости односельчан, угостить их. С его приходом в каждый дом для этой семьи снимался запрет посещения посторонними („пычырым”). Он должен

был успеть обойти все хозяйства кишлака до наступления времени следующей звезды — Меркурия („Аторуд“) — „позднее утро“ („чоштгох“). Все взрослые мужчины идут сначала с поздравлениями в дом потомков основателя кишлака, потом поочередно обходят всех его соседей, пока не обойдут все хозяйства. Входя в дом, они приветствуют хозяина и хозяйку Новым годом, их взаимно приветствуют, и хозяйка осыпает каждому правое плечо бобовой мукой. В этот час любой человек имел право войти с поздравлением в любой дом. Когда мужчины уходили в гости („хона гаштак“), женщины также шли с визитом к своим подругам или родственникам.

По обычаю, ходить друг к другу в гости могли до полудня, так как в это время начинались спортивные игры, все стремились присутствовать на них: кто — участником, кто — зрителем. В полдень кончалось время Меркурия и наступало — Луны („Қамар“). В ее „час“ запретов не было никаких. Затем наступало „Намози пешин“ — время звезды Сатурн („Зухал“). Во время звезд Меркурия и Сатурна люди развлекались „козлодраньем“, игрой в поло („гуйбоз“), борьбой („қъстангир“), состязанием в беге, скачками на ослах, игрой в битки. Женщины качались на качелях, собирались в доме у кого-нибудь и развлекались пением, танцами. Но хозяин и хозяйка каждой семьи к концу времени Сатурна возвращались домой и приступали к следующим делам: хозяин кормил волов, чистил их, выносил пахотное орудие во двор, проверял исправность тяга, наконечника, дышла, ярма. К заходу Солнца („Миёни ду намоз“) наступало время Юпитера („Муштар“). Хозяин обмазывал рога и шею волов маслом и говорил: „Тебя ведут пахать, поздравляю с праздником весны!“ Хозяйка разводила в очаге огонь и начинала варить мучной кисель („кочий“) с молоком и маслом. Молодежь веселилась и развлекалась до того момента, когда односельчане собирались с волами и пахотными орудиями на поле, расположенном рядом с тем, на котором накануне имитировали проведение „первой борозды“.

С наступлением времени Юпитера хозяин выводил волов из хлева, брал пахотное орудие и две-три горсти семенной пшеницы. Хозяйка осыпала бобовой мукой правое плечо хозяина, лоб волов, пахотное орудие и поздравляла их всех с новым годом, желая доброго пути, удачи в работе, спокойствия и счастья. Как только хозяин выходил со двора, вступал в силу новый запрет на посещение дома посторонними до возвращения хозяина. Хозяин старался по пути никого не встретить („бо рӯи худ“). Священное курение на этот раз с собой брать было необязательно. Придя на поле, хозяин всех поздравлял с Новым годом, и его взаимно поздравляли. Затем он впрягал волов в пахотное орудие, разбрасывал принесенные семена пшеницы, проводил по ним три-четыре борозды и оставлял волов так, чтобы их лбы были направлены в сторону киблы. Хозяйка, приготовив „кочий“ и надев на себя овчинную шубу мехом наружу так, чтобы были открыты только глаза (это, как мы уже отмечали выше,

должно было, по народному представлению, сделать всходы такими густыми, как шерсть овец), шла на это же поле, ставила свой дастархан с „кочий“ и лепешками рядом с другими дастарханами. Она поздравляла присутствующих с Новым годом и подсаживалась в круг женщин, расположившихся в стороне от мужчин. Когда все односельчане собирались, три почтенных, авторитетных мужчины из односельчан распределяли между присутствующими принесенные угощения. Прежде чем приступить к еде, каждый хозяин волов брал по два куса лепешки, мазал их „кочий“ и угощал своих волов, чтобы и они вкусили ритуальной пищи, так как они являются также участниками земледельческих работ.⁴⁷

Когда ритуальное угощение было съедено, халифа произносил поздравление:

„Успеха в работе,
Поздравляем с весенним Шогуном,
Одно зерно — тысяча,
Тысяча зерен — бессчетно;
Во имя Ходжа Абдулла
Дехкан,
Мир и спокойствие народу
и руководителям!
Велик аллах!“

В это время истекал период времени Юпитера и наступало время „намози дигар“, период звезды Марс („Мирх“). Каждая хозяйка спешила скорее домой, брала глубокий сосуд („кандина“), сделанный из помета овец и глины (высотой около 20 см, диаметром в 20-25 см) и используемый для собирания золы и мусора, ставила его пустым на нары („сартъ-ке“), расположенные напротив нары с очагом. Этот сосуд покрывали паласом, затем ватным одеялом („кўрпа“) или ватным стеганным тюфяком („кўрпача“).

Все члены семьи настороженно ждали прихода хозяина дома. Войдя во двор, хозяин загонял волов в хлев, убирал в сарай пахотное орудие. Затем, подзвав подростка лет 12-14, надевал мальчику овчинную шубу мехом наружу (символизирующим, как мы уже отмечали неоднократно выше, густоту всходов зерновых, и чтобы его не узнали) сажал мальчика себе на спину и, входя в дом, кричал: „Встречайте старушку („кампирък“). Подойдя к месту, где был спрятан сосуд, сбрасывал прямо на него мальчика. Все смеялись. Мальчик молчал, даже если ему было больно. От удара сосуд под одеялом и паласом разбивался. По народному представлению, сосуд — высокое почетное место для „старухи“. Разбивание сосуда символизировало конец старого года, уничтожение всех несчастий и болезней уходящего года. Мальчика все поздравляли с весенним праздником Нового года, хозяйка осыпала его правое плечо бобовой мукой.

Для него специально накрывали дастархан, угощали ритуальным „кумочем“, мясом, яйцами, фруктами, а он сидел, не шевелясь, и молча ел. Его молчание воспринималось как предзнаменование спокойного года, хорошего урожая. После угощения мальчик вставал с места. Осколки сосуда собирали и выбрасывали подальше от дома, чтобы все несчастья и неудачи старого года ушли с ним. Это считалось проводами старого года.

Можно предположить, что с образом „старухи“ — „кампирьк“ — (у таджиков других горных регионов ее называют старухой Оджус⁴⁸) припамирские народности отождествляли холодное время года — зиму, а с мальчиком — наступающую весну, Новый год.

Генетически образ „старухи“, возможно, восходит к циклу обрядов культа плодородия — „бога умирающей и воскресающей природы“. Свидетельством тому, на наш взгляд, является один из ритуалов, связанных с окончанием земледельческих работ, а именно: с переносом с тока последней кучи зерна, что сопровождалось принесением в дом чучела „старухи“ („кампирьк“). Его делали из веника, которым сметали с поверхности кучи непровеянные остатки стеблей, который укутывали в вывороченную мехом наружу шубу и ставили его в доме на нарах, ближе к входной двери. В честь прихода „старухи“ в семье устраивали праздничное угощение для членов семьи. Хозяин от имени „старухи“ просил приготовить какое-то вкусное блюдо и во время еды обращался к „старухе“ с шутивными замечаниями. Только на следующий день шубу с веника снимали, и его отнесли в хозяйственное помещение.⁴⁹

Новогодние обрядовые действия совершали в каждой семье. После этого снимался запрет на посещение не только домов, но и кишлака посторонними. С момента празднования Навруза выделяли двух человек для караульной службы с двух сторон кишлака, чтобы в дни праздника случайно не зашел чужой (из другого кишлака, прохожий и т.п.) и не прине в кишлак болезнь, несчастье, чтобы не оставил „тяжелый след“ („пойк, дам“) и не унес с собой в новом году „благодать селения“ („баракати кишлок“). Оканчивался период Марса и наступал конец дня („охири рӯз“), период времени Солнца („Шамс“). Вся семья собиралась в доме, и этим заканчивались новогодние праздники.

Следующий наступающий день был субботой — днем рождения бога Мавло-Али. Его праздновали только духовенство и близкие к его кругам люди. Простые земледельцы занимались мелкими хозяйственными работами, так как, по обычаю, в это время запрещалось начинать крупные работы (проведение ирригационного канала, постройку дома и т.п.).

У ишканимцев, как мы уже отмечали выше, во время праздника „первой борозды“, устраиваемого на второй день Нового года, молитву, обращенную к патрону земледелия, Деду-Земледельцу, во время общественной трапезы читал халифа (или кто-либо из почтенных уважаемых стариков), а перед тем, как рассыпать семена на намеченной под пахот-

площади поля перед ритуальной запашкой, каждый земледelec читал молитву сам: „Успеха в работе, успеха в хозяйстве (во всех областях хозяйства)“.

Поздравляем с весенним шогуном
Одно зернышко — тысяча,
Тысяча зернышек — бесценно;
С теплым дыханием Хайдара-Карор,⁵⁰
Шо-Абдулла дехкан,⁵¹
Велик аллах“.⁵²

У хуфцев, как отмечает М.С. Андреев, также каждый земледelec во время ритуальной пахоты, перед тем как рассыпать семена, читает молитву, обращенную к патрону земледелия: „О Дед-Земледelec, сделай, чтобы одно зерно превратилось в тысячу, и без конца больше тысячи, чтобы соломы было мало, а зерна больше, чтобы оно было съедасмо, будучи заработано честно (по закону). Аминь. Бог велик“: Захватывая зерно горстью, земледelec взывает к Деду, покровителю земледелия: „О Дед-Земледelec! (Йо, Бо: бо-е Дехқон!)“.⁵³

Как было отмечено выше, начало нового сельскохозяйственного года в различных долинах Западного Памира зависело от вертикальной зональности и отмечалось несколько раньше официального Навруза. В Язгулеме этот весенний праздник назывался „Граваш“, в Рушане — „Хурпапуз“ (в кишлаке Шидз — „Хурфыребт“), в Баратанге — „Хурпачор“ или „Хирпичор“, в Шугнане — „Айди хирпичор“. Часто начало праздника связано со счетом времени „по частям тела мужчины“ („исоби мард“).⁵⁴

У рушанцев, в том числе и хуфцев, у шугнанцев интересные обряды, соединяющие получение „благодати“ как в возделывании злаков, так и в скотоводстве, совершали в день начала Нового сельскохозяйственного года.

Наши полевые материалы на эту тему, собранные у рушанцев, бартангцев и шугнанцев, подтверждают и отчасти конкретизируют материалы И.И. Зарубина.⁵⁵ Он писал, что весной, когда кончается зимняя чила и по рушанскому счету времени „солнце входит в человека“, празднуют „ёфтоб дар мард“. Пекут хлеб — лепешки, часть которых относят соседям. Перед едой хозяин читает поминальную молитву („биомурзиш“), слегка кроша хлеб и бросая его во имя памяти предков („ба номи арвогон“). У бартангцев, в Сипондже, этот праздник называется „хурпачор“. В „счастливый час“, по определению халифы, хозяин идет после ужина в амбар, в деревянном сосуде приносит муку и со словами „бисмилло ирраҳмон ирраҳими Шогуни баҳор муборак бод“ входит в дом, произнося: „Шогуни бод“, — бросает понемногу муки на пять столбов дома, получая „от имени столбов“ ответ. Рушанцы во время праздника „батайум“ (Вомар, Сипондж), когда варят „бат“, или вниз от этого кишлака „науруз“ (там „бат“ не готовят), соответствующего Наврузу, приготовленное из муки, воды ритуальное блюдо „бат“ делят на „доли“ — разливают по чашкам „во имя худо“, „во имя пира“,

„во имя пайгамбара”, „во имя Шотוליба” (святого), „во имя арвагон” — духов предков.

Во время приготовления „бата” пекут маленькие хлебцы, изображающие фигурки овец и коз, коров, верблюдов и других животных. Эти хлебцы раздают родственникам и соседям во время праздничных визитов. В Сипондже праздник „батай’ум” бывает на несколько дней раньше, чем в Вомаре, но также варят „бат” и пекут такие же маленькие хлебцы в виде баранов, лошадей и других животных, украшают их грецкими орехами и мажут „бато́м”. Про хлебец в виде барашка с налепленными на него ядрышками грецких орехов говорят, что он „густо оброс шерстью”. Эти хлебцы называют „насрак”. Пекут из теста большой „фатир” — лепешку, края которой приподняты, изображая загородку („хе́з”) с одним выходом, в котором помещают фигуру человека — чабана, а внутри „загородки” — от 10 до 30 изображений овец, коз и других животных („хо́з-хавик”). Пекут в золе и убирают до вечера. Вечером снимают фигурки животных, мажут „бато́м”, прикрепляют к ним ядрышки грецких орехов, абрикосовые зернышки, а затем этот „фатир” вместо фигурок наполняют „бато́м” и выносят в амбар, оставляя до утра. Фигурки расставляют на ночь вдоль нар („сартике нух”), а утром раздают визитерам, детям и овцам.

М.С. Андреев отмечает, что на Новый год, называемый „батайом” (Наврӯз, М.И.), хуфцы выпекали из теста фигурки баранов-самцов („ма-воджак”), иногда пекли и фигурки козлов, которые раздавали детям. Несколько фигурок баранов раскладывают на планке („биш-каводж”), соединяющей два столба — „Хасан” и „Хусейн”, на которой везде на Западном Памире вешают тушу только что зарезанного животного. М.С. Андреев считает, что „заполнение этой перекладины фигурками таких животных, которых следует колоть и вешать на ней, является, по-видимому, заклинательным актом, магическим приемом для увеличения плодородия скота с целью его более частого заклания. Сами хуфцы объясняют, что от такого помещения на означенной перекладине хлебных фигурок баранов и козлов должен быть большой прирост скота. Аналогично этому можно видеть в изображении овец условными точками на стене дома перед Наврузом в качестве магического средства для обеспечения большого прироста скота в доме”.⁵⁶

Шугнанцы в первый день Нового года („батай’ум”) готовят из теста широкую лепешку в виде подноса („хе́з”) с приподнятыми краями, оставляя с одной стороны как бы входной проем. Фигур животных из теста не делают, а надшиповывают тесто в середине „ограды”, получая 20-30 бугорков, символизирующих овец и коз. У входа делают бугорок повыше, символизирующий чабана. Все это называется „молат-хе́з” — овцы и загон. Его пекут не в золе очага, а обычно, как лепешки, прилепляя к стене очага. Затем женщина, которая ухаживает за мелким рогатым скотом, печет небольшую „гарза” — лепешку, из теста для „кумоча” и вместе с этим „молат хе́з” отдает подростку — чабану. Он все кладет в тур-сук, вешает его за спину, имитируя отправление на летовку. Затем

женщина с чабаном идет в хлев, чабан выгоняет овец и коз, а женщина бросает в это время в них бобовые („чину”). Чабан отгоняет овец и коз куда-нибудь, где нет снега, и там отдает им „молат-хе́з”, сам ест оставшее, а после полудня возвращается домой со скотом. Этот обряд называется „молзивест”.

Культ Солнца своими корнями восходит к глубокой древности и проходит красной нитью в народном календаре земледельцев всех регионов Западного Памира. Торжественно отмечается везде либо момент „вхождения Солнца в тело мужчины”, либо „нахождение Солнца в определенном месте тела мужчины”, с которого начинаются определенные сельскохозяйственные работы. Счет времени на части тела мужчины, связанный с воображаемым ходом Солнца по телу мужчины, сохраняется в той или иной степени в памяти землевладельцев и по сей день. Как уже отмечалось нами выше, в Язгулеме — „Граваш”, Рушане — „Хурпапуз”, Бартанге — „Хурпачор” и в Шугнанах (в долинах Пянджа и Гунта) — „Хурфыребт” — весенний праздник начала сельскохозяйственного года предшествует официальному празднику Нового года „Наврӯзи Султонӣ” или „Наврӯзи Олам”.

В этих терминах „хур” — Солнце. В кишлаке Шидз информаторы перевели название как „угощение Солнца”, а в Язгулеме — как понятие „Солнце входит в мужчину”. Праздник этот проводился в течение одних суток (начало — со второй половины последнего дня зимнего сорокадневия — „чилла”) и завершался на следующий первый день „малой чиллы” к заходу Солнца. Смысл этого праздника — выразить благодарность уходящему году за то, что остались живы и здоровы, пережили трудный период, и проявить радость к наступающему году. В Язгулеме зимнюю сорокадневную чиллу называли адом — „дӯзах”, говорили, что „пережили ад”, „перешли через ад”. Считали, что, когда Солнце входит в тело человека (мужчины), это — пробуждается земля. В этот радостный для человека момент отмечали праздник, готовили разные ритуальные блюда для „прибывания в гости Солнца” — „Меҳмони Офтоб”, „Хурпачор”, „Граваш” и т.д.

Содержание этого праздника от Язгулема до Шугнана⁵⁷ одинаково, лишь его обряды меняются. У некоторых из этих народностей праздник уже имеет элементы Навруза.

Начнем с Бартанга (кишлак Сипонч, Равмед, Висав и т.д.). Как мы выше отметили, „Хурпачор” следует после завершения сорокадневной зимней „чиллы”. Как только Солнце переходит в мужчину, начинается новогодний праздник весны „Шогуи”. „Шогуи” делали в честь того, что пережили зимнюю чиллу, т.е. действия всех видов злых духов, нечистой силы, тяжелый труд, болезни и печали остались позади, что живы и здоровы. Радостная встреча „Шогуна” и была символом будущей спокойной, счастливой жизни, обильного урожая в приближающемся новом году.

Отмечали этим праздником „младенческий возраст весны” („бачаги бахор”). Крестьяне предварительно узнавали у халифы „счастливей час и день”, заготавливали необходимые продукты, выбирали животных для жертвоприношения. Старшее поколение в состоятельных семьях надевало новую одежду, а неимущие довольствовались обычной, повседневной одеждой, но перед праздником ритуально ее начисто стирали, сами совершали ритуальное омовение, чтобы символично отбросить все болезни, горе и грязь уходящего года.

Вечером в состоятельных хозяйствах резали мелкий рогатый скот (овец), готовили ритуальную пищу — мясной суп. В других хозяйствах готовили „нонтарит” (лепешку крошили и поливали топленным или сливочным маслом), „тухпов” — блюдо из пахтанья с маслом и лепешками, „кочй” — варили просыаную муку с водой и получали густой кисель (подавая его, сверх густого киселя добавляли молоко или масло) или же „хомнагул”. Это блюдо состоит из измельченных зерен абрикоса или ядрышек грецкого ореха с добавлением кипятка, куда крошили лепешки. На эту трапезу приглашали только близких соседей, рассчитывая время так, чтобы до наступления часа запрета пребывания чужих в доме — табу („киш”) — гости могли поесть и уйти. После того, как ритуальная пища была съедена, читали молитву с благодарственными словами, чтобы бог наградил этот дом в новом году благодатью, здоровьем всех членов семьи и чтобы исполнились все их желания. С вечера в доме у выступа очага печки, как было выше отмечено нами, в период „грич” возжигали ритуальное курение, дававшее приятный запах. Разжигая ритуальное курение, поздравляли его как живого человека: „Шогуни бобр муборак!”, т.е. „Поздравляю с весенним Шогуном — праздником!”. Когда соседи входили в дом для участия в ритуальной трапезе, они поздравляли членов семьи этими же словами и в ответ хозяин их поздравлял: „Ба руи шумо муборак!” — „Также вас поздравляем!”. В этот вечер комочками муки (бобовой — „патук” или ржаной — „лашак”) украшали в доме оба прогона, капители опорных столбов, начиная с главного, затем рамы, образующие светодымовое отверстие сводчатой кровли („чорхона”) и, наконец, стены на метр выше уровня суф в доме. В отличие от Вахана и Ишкашима, где это делала женщина, здесь мужчина мучным киселем „бат” (беря понемногу указательным пальцем правой руки) мажет эти детали — конструкции жилища, а где не достанет рукой, то бросает из ложки, поздравляя каждую из них с Шогуном — весенним праздником. Эти комочки муки и „бата” на закопченных (так как топили по-черному) балках потолка и стенах четко выделялись. Стены жилища не белили, а просто обметали веником.

В этот же вечер пекли 2 ритуальные лепешки („пукта”). Их либо давали бедным семьям, либо прохожему как богоугодное дело, либо относили к мазару (святому месту) „Бобошо”. Если не относили к ма-

зару, то несли 2 ритуальные лепешки (а в состоятельных семьях специально выпекали большое количество лепешек) вместе с подарками (шерстяные чулки, сухие фрукты) своему пиру или халифе, за что последний благословлял своего мюрида, чтобы бог послал ему здоровье, обильный урожай и благодать („баракат”) его дому и семье. Все это надо было сделать до ритуальной трапезы с соседями, так как в 9-10 часов вечера вступал в силу запрет („киш”) выхода из дому или принятия гостя. Нарушение этого обычая навлекло бы несчастье на эту семью. Если гость приходил в это время, то его помещали не в жилом доме, а в одном из хозяйственных помещений, но не в кладовке.

С наступлением запрета („киш”) повторяли ритуальное окуривание жилища и пекли ритуальный „кумоч” (2-3 штуки) в 2-3 кг. „Кумоч” вынимали рано на следующее утро, до прихода человека („пычырымч”), приносящего счастье этой семье. До его прихода от начала запрета („киш”) никого нельзя было принимать в доме и самим выходить из него.

В долине Бартанга нами отмечен интересный обычай „пычырымч” — взаимный выбор двумя людьми (обычно главами семей одной семейно-родовой группы-патронимии) человека, приносящего якобы „благодать” для семьи. Эти связи передавались по наследству от отца к старшему сыну. Кто „пычырымч” и как выбирается? Как правило, им должен быть односельчанин — кровный родственник, из одной патронимии (қаум, тухм, гру, авлод и пр.). Исключение делалось в том случае, если эта семья была не местной, а приезжей и не имела в данном селении родственников. Избираемый „пычырымч” по сравнению с другими должен быть для семьи избирателя более добрым и правдивым, с чистой совестью, который чтит бога, а хозяйство, которое он возглавляет, — с достатком. Он должен быть среднего или старшего возраста, и, конечно, человеком „с легкой рукой” („хушпойқадам”, „сабукдаст”). Обычно тот, кто хотел данного человека иметь своим „пычырымчем”, шел к нему домой, либо при случайной встрече (до начала праздника) говорил ему об этом. Если тот соглашался, то обычно они взаимно становились друг для друга и для своих семей „пычырымчем”. В каждый праздник он без предупреждения хозяина приходил в дом, поздравлял, принося своим приходом „благодать”.

Обязательно каждое хозяйство должно иметь своего „пычырымча”. Хозяйство без „пычырымча” считалось хозяйством без счастья, без благодати, и такие семьи презирали. Один человек мог стать для одного хозяйства „пычырымчем”, в редких случаях — для двух. Если он стал „пычырымчем” для какого-нибудь хозяйства, их связь и уважение семей друг к другу становились (кроме родственных уз) близкими, крепкими, против друг друга не замыслили подлости, не испытывали ненависти. Взаимная связь „пычырымчей” укрепляла на более высоком уровне их

патронимические отношения. „Пычырымч“, когда собирался идти к семье, где его уже с шести часов утра ожидали, брал с собой в качестве праздничного подарка две ритуальные лепешки („пухта“), сухие фрукты или одну пару носков и выходил из дому еще затемно, чтобы по дороге его никто не встретил. В противном случае это грозило несчастьем либо его семье, либо семье, в которую шел „пычырымч“. Поэтому строго придерживались табу, и когда он приходил к дому своего „подопечного“, сначала над порогом входной двери протягивал лепешки („пухта“), а затем перешагивал порог с правой ноги и одновременно произносил: „Во имя бога милосердного, милостивого“, — и как только доходил до парных столбов перед входом в жилище, еще произносит: „Шогуни бобр муборак!“ — „Поздравляю с весенним праздником — шогуном!“. И ему тоже отвечали тем же поздравлением. „Пычырымч“ сам клал подарок, который принес, на место, где возжигают ритуальное курение — у выступа очага („кичор“). В это время хозяйка дома осыпала его правое плечо бобовой или ржаной мукой и предлагала сесть на суфу, где специально подготовили до его прихода место. Чужому человеку запрещено заходить, когда „пычырымч“ находился в доме, так как это принесло бы большое несчастье либо хозяину дома, либо „пычырымчу“. Дело в том, что запрет еще не снят до выхода „пычырымча“ из дома на семь шагов от двери. Только после этого снимается запрет — „киш“ („киш“ — означает — „ходи“, междометие, употребляющееся для отпугивания кур, птиц и т. д.). После снятия запрета любые встречи на обратном пути „пычырымча“ не влекут за собой несчастья. После этого дозволен приход соседей.

Во время прихода „пычырымча“ возжигали ритуальное курение. Он пребывал в доме до одного часа. Угощали его мясным супом („гухт“ или „кумочарит“). После еды „пычырымч“ читал молитву, благословляя хозяина, его дом и духов предков. Хозяин в первый раз должен был дать ему в подарок овцу или козу, 2 лепешки („пухта“), сухие фрукты или шерстяные носки. Когда хозяин в свою очередь шел в качестве „пычырымча“ к навестившему его другу (здесь они друг для друга становились „пычырымчами“), то получал эквивалентный подарок. В последующие годы на праздники его одаривали одним отрезом на халат, носками и ритуальными блюдами для его семьи. „Пычырымч“ стремился скорее уйти, чтобы снялся запрет и чтобы случайно кто-либо не зашел в дом во время его присутствия там.

Этот обычай соблюдался на праздниках и стал традицией. После снятия запрета („киш шикаст“) на рассвете односельчане ходили, если было необходимо, по делам друг к другу, но специально в этот день старались никого не приглашать. Характерной особенностью этого календарного периода было то, что с этого дня начинали усиленно кормить волов, чтобы до начала пахоты „подкрепиться“ („таьма кардан“). Начинали

ремонтировать сельскохозяйственные орудия, выносить из хлева удобрения („зиг“ или „диг“).

В Рушане (кишлаки Вомар, Барушан, Дерзуд и Шидэ) время вхождения Солнца в тело человека приходится на 2 февраля, как в Бартанге, когда счет начинается с „ногтя большого пальца ноги“. Большая зимняя чилла завершается 28 или 29 января, три дня (с 30/1 по 1/II) не входят в счет, так как в этот период Солнце только поворачивается на бок („пахлу мегарда“), т.е. его движения незаметны. Считали, что эти дни „нейтральны“ („бехисобанд“), благоприятны для подготовки к торжествам в честь дня вхождения Солнца в человека.

В Рушане в отличие от Бартанга в этот праздник („хурпапуз“) отсутствовал запрет („киш“), также не было „пычырымчей“, не относили две ритуальные лепешки („пухта“) к мазару и не было обычая отдавать их бедному хозяйству. Но остальные обычаи и обряды и их исполнение аналогичны бартангским: состоятельные семьи резали барана для ритуальных блюд, остальные приготавливали их из масла и других молочных продуктов. Если из ядра грецкого ореха готовили суп, то его называли „гузхурво“ („gūzkhurvo“). В честь праздника встречи Солнца убирали дом тщательнее, чем при обычной уборке, и надевали ритуально чистые, стиранные одежды. Вечером и утром сжигали у очага ритуальное курение. О перемене климата после вхождения Солнца в тело человека в Вомаре существовало следующее сказание: охотник в последний день большой зимней чиллы ушел очень высоко в горы, поздно вечером застрелил двенадцатилетнего козла и пока снимал шкуру, уже совсем стемнело, и он решил остаться здесь до утренней зари, чтобы на рассвете найти дорогу. Охотник был одет как обычно, но чтобы спасти себя от мороза, вывернул шкуру наизнанку („чапагардон“) мехом внутрь и залез в нее. Половину ночи он мерз, а как только Солнце вошло в тело человека, сразу потеплело, хотя охотник лежал на снегу, он заснул и больше не чувствовал мороза. Семья всю ночь беспокоилась. Утром он встал, пришел домой и рассказал про то, что с ним случилось. Отец сказал, что он знал: если до полуночи сын не замерзнет, то останется живым, так как после полуночи Солнце входит в тело человека — „поэтому стало тебе жарко, а до полуночи ты мерз, так как еще длился период большой зимней чиллы“.

Другую легенду о вхождении Солнца в тело человека (мужчины) мы записали в кишлаке Барушан. Но эта легенда, по-видимому, позднего происхождения, трансформировалась явно под воздействием исмаилитского вероучения. Рассказывают, что когда большая зимняя чилла оканчивается, Солнце входит в тело мужчины, начиная якобы с ногтя большого пальца ноги Деда-Адама („Бобои Одам“), что по местному называется „хурпапуз“ („хигарид“). Этот период охватывает вечер и ночь. В честь этого состоятельные хозяйства резали барана, некоторые готовили овощной суп „пиева“, блюда „хомнагул“ (из зерен абрикоса

и ядрышек грецкого ореха) и „хувдашав“ (в кипяченое молоко крошили лепешки и добавляли топленое масло) и т.д. Но до этого определяли „счастливый час и день“ для проведения праздника. Следует отметить, что в Барушане из муки не наносили рисунков и украшений на внутренние стены жилища потому, что согласно легенде, в этот день бог выгнал Деда-Адама из рая. У Деда-Адама, когда он жил в раю, все его тело, как и тело Евы („Момо-Хавво“) было покрыто таким же твердым веществом, как ногти („нохун“). Оно заменяло им одежду. Когда Дед-Адам и Ева по наущению шайтана съели зернышки пшеницы и были изгнаны из рая, то при выходе ногтяной покров с их тел пропал, остались только ногти на пальцах ног и рук. Инжир дал им листья, чтобы они от стыда прикрыли свои тела. Поэтому потомки их — люди — носят одежду. Ногтем дорожат, так как он не покинул человека, появился из рая. Поэтому, когда стригут ногти, их надо в чистом укромном месте похоронить („гүр кардан“), чтобы ногами то место не топтали, иначе человек неделю будет ходить грустным и не находить себе места от скуки. Когда у человека появится на кого-нибудь злоба, то он должен оба больших пальца на руках соединить ровно бок о бок и посмотреть на них, тогда якобы у него исчезает злость, скука и т.д.

В Шугане (Гунт, кишлаки Мун, Күшк — с/с Поршневы) тоже отмечали окончание большой зимней чиллы и начало вхождения Солнца в тело человека. Этот праздник назывался „Айди Хирпичор“. Здесь тоже, как в Р.шане, нет обычая „пычырымч“ и запрета „киш“. Но этот праздник существовал по всему Гунту. По рассказу информаторов, часть крестьян интересовалась у халифа „счастливым часом“, но так как этот праздник посвящался вхождению Солнца в тело человека, в долине Гунта не обязательно было определять „счастливый день“, знали, что в этот день Солнце заходит в тело человека, и готовили по этому случаю ритуальные блюда. Не все хозяйства здесь резали скот, но в обязательном порядке готовили „бат“ — мучной густой кисель с маслом и молоком (в состоятельных семьях) и „шитобат“ (в семьях малоимущих) — просто в холодной воде разводили просынную или ржаную, бобовую муку и готовили жидкий кисель. Первый „бат“ как ритуальную пищу съедали в своей семье, а глава семьи брал немного этого „бата“ пальцем правой руки и мазал капители пяти опорных столбов и прогоны в доме и каждого из них поздравлял с наступлением весеннего праздника Шогуна: „Шогуни боёр муборак!“ Это было обязательным правилом („суннат буд“). Ритуальное курение у выступа очага („дзингак кишор“) разводили в 9-10 часов вечера. Но в дом никого не приглашали, каждое хозяйство готовило ритуальные блюда для своей семьи. После трапезы старший читал молитву с благодарственными словами за то, что члены семьи живы, без болезней перенесли сорокадневный период, чтобы помогли духи предков и ангелов в получении желаемого урожая в будущем. Если у какой-нибудь семьи не было пшенич-

ной муки, для этого праздника доставали 2-4 кг муки, чтобы готовить ритуальные лепешки („пукта“), тогда, по поверью, на протяжении года у них пшеничной муки будет достаточно. Этой ночью ели досыта, чтобы в течение года всегда быть сытыми. Люди радовались, что приближается весна. Семьи, не имеющие пшеничной муки для этого праздника, осуждались со стороны односельчан, особенно в кишлаках среднего течения реки Гунта (Сучанская и Мунская группы кишлаков). Если соседи знали такую семью, которая для праздника не имеет пшеничной муки, осуждали главным образом хозяйку. Ее называли с презрением „бехирпичор“, „бехирпичор аст“, т.е. „без благодати“; что означало, что бог отвернулся от этой семьи. В семьях, где была пшеничная мука, хозяйку дома считали „женщиной с благодатью“ и уважали ее дом, который до следующего года будет с достатком, с благодатью. Ритуальные лепешки („пукта“) давали бедным семьям как жертвоприношение, или кому-нибудь из числа пришедших из других сельских местностей, т.е. давали обет („назр“) в честь духов предков. В неимущих семьях, где не имели возможности готовить „бат“ с маслом и молоком для еды, специально для „кормления столбов и прогонов“ готовили „холодный бат“ — „шитобат“ — кисель из просынной муки, которым, беря его понемногу на палец, хозяин дома мазал столбы и прогоны, одновременно поздравляя их с весенним праздником. Для себя они готовили ритуальные блюда из зернышек абрикосов или ядрышек грецких орехов, или „кочй“ — из просынной муки, сверху добавляли немного молока или масла. Этим отмечали вступление Солнца в тело человека („хирпичор“). После праздника, хотя было еще холодно, начинали ремонтировать все сельскохозяйственные орудия, начинали усиленно кормить волов, выносили удобрения из хлева.

В Язгулеме этот праздник, как мы уже выше отметили, назывался „Граваш“. Отмечали уход сорокадневной зимней чиллы и вхождение Солнца в тело человека. В отличие от бартангцев, рушанцев здесь, как нам сообщили, в этот период еще очищают дом — „гарди хонаро баровардан аст“, т.е. „домашнюю пыль выводим“. В ту ночь, когда Солнце входит в тело человека, медведь, змея („лыжуф“), сурок („хкуф“) в своих норах и берлоге начинают постепенно просыпаться. Это время падает на 27-28 января. В этот праздник в доме рисовали декоративные, имеющие магический смысл рисунки. Это радостный для всего населения праздник, потому что лютый мороз, зима на исходе, оживает постепенно природа. Уборка и чистка жилища были символом радости и встречи весны. Этот праздник отмечали в кишлаках южной части долины Язгулема (Будун-Матраун) в конце января, а в кишлаках средней части Язгулема „Граваш“ — на 20-21 день позже, в период „вхождения Солнца в колено“ — „зону“ (Андарбак-Джамак). Здесь обычаи и обряды, которые исполняли, аналогичны вышеописанным в нижних кишлаках Язгулема.

Время наступления праздника „Граваш“ и „счастливого часа“ по прось-

бе односельчан определял мулло („мылло“).⁵⁸ К празднику собирали необходимые продукты и скот для жертвоприношения. Пекли ритуальные лепешки до шести-восьми штук, готовили разные супы: из маша — „мошоба“, мясной суп — „шүрво“, блюдо из тыквы с молоком и маслом — „хвин“, яичницу — „тухмбирён“, суп с яйцами — „тухмпиева“, молоко с маслом — „ширравган“.

В Язгулеме, как мы отметили выше, проводили основательную уборку и чистку жилища. Для побелки дома привозили с гор белую глину („хызм“), а для нанесения ритуальных и декоративных рисунков на стенах — красную глину („рушти шат“).

С вечера на верхней площадке очага жгли ритуальные курения („буйвух“). После ритуальной трапезы старший из мужчин произносил благодарственную молитву за то, что пережили большую зимнюю чиллу. С особым почтением вспоминали духов предков, всех добрых духов, мазары, ангелов и бога и желали, чтобы Новый год был урожайным, чтобы было спокойствие в доме и крае.

Рано утром снова зажигали ритуальное курение и при восходе Солнца все мужчины и юноши семьи шли к пиру, неся в больших деревянных блюдах ритуальные кушанья и завернутые в скатерть („дастархан“) две-четыре лепешки. У пира собирались все кишлачные мужчины. После ритуальной трапезы читали молитву, а затем пели песни в сопровождении музыкального аккомпанеента на рубаве, двуструнном дутаре и бубнах („дойра“). Пели стихи классиков: Хâфиза, Хилолî, Шамса Табрези и др.

После ухода из дома мужчин женщины закрывали дверь, никого не впускали, пока не завершали уборку дома, нанесение рисунков на стены, что занимало время, примерно, до 12 часов. Перед уборкой выносили из дома все домашние вещи на веранду („пешток“), надевали старые одежды. Использовали при чистке дома два веника („рафц“); один — для чистки потолка и пола, другой — для побелки и нанесения декоративных рисунков. Первый веник после уборки, по поверью, вбирал в себя болезнь, тяжелую, „адскую“ жизнь сорокадневного периода зимней чиллы. Считали его вместилищем злых духов и нечистых сил. Его выбрасывали из дома через светодымовое отверстие кровли („рычон“) на крышу. По поверью, этот веник — символ последнего злого духа, который вышел из дома после ухода зимней чиллы. Верили, что злые духи проникают в дом через риджон и этой „дорогой“ должны уходить. Нельзя их выпускать и гнать через дверь, так как через дверь заходят только добрые духи, духи предков и люди. Этот веник на крыше оставался до полного высыхания, потом его выбрасывали подальше от дома. Второй веник, по народному поверью, не считался опасным или грязным, так как касался только чистой глины, его оставляли в доме для дальнейшего использования, им выметали мусор („бычин“).

После уборки дома мусор собирали в старую сломанную посуду, закапывали в яму, вырытую в таком месте, чтобы нога человека не наступала на него, и быстро возвращались не той дорогой, по которой несли мусор, а другой. Частично путь проделывали по бездорожью, чтобы злых духов, пребывающих в мусоре, сбить с пути, чтобы они не нашли обратной дороги в дом. При этом старались по пути никого не встретить. Это очень характерно для всех припамирских народностей. Возвратившись, совершали ритуальное омовение, надевали чистую одежду. После этого наносили веником, которым белили, рисунки животных, деревьев, а также геометрические, в т.ч. кольцообразные узоры как символы увеличения поголовья скота, урожая зерна и фруктов. Солярные знаки способствовали благодати и счастью. Рисунки наносили правой рукой на метр выше уровня нар („суф“), чтобы дети не могли до них дотянуться. Рисунки наносили также на столбы, на их капители, в полутора метрах от уровня пола, на боковые и нижние части прогонов и на некоторые балки.

Краску приготавливали густую, как кисель, разводя в чашке с водой красную глину, добавляя ячменную или бобовую муку. Тряпку, которой наносили рисунки, складывали в виде шарика, правой рукой ее макали в краску, а затем наносили на стенку в виде точек, диаметр которых достигал 3-5 см. Такие точки группировали на одном месте по три-пять штук, чередуя красные с белыми. После высыхания становились яркими. Группы точек главным образом рисовали на стенах над нарами, где сидели мужчины, и на приочажной стене, на столбах и прогонах. Женщины должны были управиться с этими делами до 12 часов дня — до возвращения мужчин из мечети. Перед уходом мужчин из мечети арбоб делал объявление всем крестьянам, что скоро наступит сезон пахоты и сева. Все должны ремонтировать орудия труда, чистить семенное зерно, выносить на поля удобрения. У кого нет пары волов, должен найти напарника для супруги („алфов“).

Ко времени возвращения мужчин уже был готов ритуальный „кумоч“, который клали выпекать в очаг до ухода мужчин в мечеть.

После возвращения домой кто-нибудь из мужчин вешал на поперечную планку („чыгас“) между двумя параллельными столбами у входа в жилище рога горного козла, винторогого барана, чтобы в доме была благодать, чтобы семья всегда была в достатке. В обеденное время подавали на скатерти ритуальный „кумоч“ весом в 3-4 кг. Тесто его было изготовлено с добавлением масла, внутреннего сала животных или молока. Как знак „счастья“, в тесто „кумоча“ клали сухой абрикос или ядрышки грецкого ореха, или размером с грецкий орех кусочек внутреннего сала или овечьего курдюка, иногда тоненькую, длинную до 2 см деревянную палочку („сихак“). Когда ломали „кумоч“, всем членам семьи давали равные доли — „годишная доля“ („риски сол“). Если

кто-то даст хоть часть ее, то будет полуголодным в течение всего года, поэтому каждый сам съедал всю свою долю, чтобы с этого часа был сытым до следующего года. Хорошо, если после еды оставался кусок от доли, это означало особую „благодать” для этого члена семьи. Того, кому достался знак „счастья”, считали самым счастливым человеком в семье в течение всего года, у него будет жизнь в достатке. „Кумоч” съедали только члены семьи, чужим не давали.

Надо отметить, что в честь праздника „Граваш” еще готовили „орзуқ” — кусочки теста, поджаренные в масле, „бурсоқ” — кусочки теста, поджаренные в форме квадрата, иногда удлинённые, как язычок барашка. Готовили „халвои шир” или „халвои равған” — халва в виде густого киселя с молоком или маслом. Их подавали после чистки дома, но прежде совершали жертвоприношение, бросив кусочек масла или халвы размером с орех или абрикос в огонь, горящий в очаге, в честь добрых духов, духов предков и духа госпожи очага, чтобы они были довольными, оказали помощь в получении благодати для дома и изгнания из него злых духов.

Часть этих „орзуқ”, „бурсоқ” и специально выпеченный другой „кумоч” посыпали в этот день дочерям и близким родственникам, живущим отдельно от них в этом или другом кишлаке.

В обед, после ритуальной трапезы, когда Солнце в зените („афтовсар”), глава семьи читал молитву, а все женщины и девочки собирались в саду и разводили костер, прыгали для очищения через огонь („аловпарак”) и говорили: „Бало рад” — „Отвергнись, несчастье, беда”. Надо было три раза перепрыгнуть через пламя и каждый раз повторять: „Бало рад”.

Женщины, имеющие грудных детей, взяв их на руки, прыгали через пламя, чтобы очистить себя от всяких грехов, нечистой силы, чтобы в новом году быть счастливыми. Так же, перепрыгивая через пламя костра, очищались и мужчины. Так как погода была еще холодная, качания на качелях не устраивали.

Весной отмечали также праздник „Батаём”, который проводили после праздника „Хурпачор”.

Начнем с Бартанга. В кишлаке Сипондж нам сообщили, что праздник „Батаём” устраивался в период вхождения Солнца в место „под коленом” („хамби зонё”), т.е. через две недели после периода „ногти” („нохун”) — 16-17 февраля, а в кишлаке Равмед (Равмедское ущелье) — в период вхождения Солнца в „колени” („зону”), т.е. 18-19 февраля, в кишлаке Емц — в период вхождения Солнца в „бедро” („кордафсон”) — 20-21 февраля.

В Бартанге „Батаём” так же называют „Шогун”. Этот праздник в прошлом очень торжественно отмечали, но еще пышнее праздновали его в Читрале (Чатпор).

В Бартанге „бат” готовили в основном в торжественный праздник весны, но кроме „бата” обязательными ритуальными блюдами для „Шогун” или „Батаём” были еще „кумоч” и „боц”. Праздник „Батаём” наравне с праздником „Хурпачор”, существовавший с языческого времени, был духовенством исмаилизирован.

Происхождение его связывают с Носиром Хисровом — поэтом-философом и ученым XI века. Согласно преданию, когда Сейид Носир Хисров возвратился в Кухистан (т.е. Западный Памир, М.И.) из поездки в Мекку и Медину, он заметил, что здешние люди — „огнепоклонники” („оташпарастӣ”) — от него убегают. Носир Хисров хочет доказать, что „огнепоклонничество” — не религия, это неверный путь, все должны исповедовать исмаилизм. К кому бы он ни приближался, люди от него убегали. Чтобы сблизиться с людьми, он решил приготовить какое-нибудь блюдо и пригласить их. Это как раз пришлось на период вхождения Солнца в „колени” („зону”). Он постарался достать пшеницу, размельчил ее зерно на традиционной ручной каменной зернотерке, состоящей из двух частей — каменной шаровидной дробилки („блук”), „былбылок”) и плоского камня („сод”), на который кладут зерна. Носир Хисров охотился за горными козлами и приготовил блюдо из крупы пшеницы с мясом горного козла. Это блюдо называл „бодж” — „алмов”, „даля” и пригласил людей. Во время угощения „боджем” он стал проповедовать учение исмаилизма. Своими проповедями он успокоил людей и обратил их в исмаилизм. Вот с тех пор, во время вхождения Солнца в „колени”, стали отмечать праздник „Батаём”, и для него „бодж” стал ритуальным блюдом.

В Сипондже праздник „Шогун” или „Батаём” справляется четыре дня, но начало праздника зависело от „счастливого дня и часа”. Из-за этого могли праздник перенести на 2-3 дня раньше или позже, иногда по этой причине могли укоротить время проведения его на один день, т.е. праздновать три дня. Однако в пятницу („чума”) и субботу („шанбе”) нежелательно было отмечать этот праздник потому, что в пятницу („рӯзи одина”) родился пророк Мухаммед, а в субботу — Муртузо-Али (Мавлоно-Али). Поэтому субботу называли „Мавлоно шанбе”, т.е. „день рождения бога — Мавлоно-Али”.

В кишлаке Емц праздновали „Батаём” обычно 3 дня. Праздник всегда начинался в среду („чоршанбе”). Его праздновали в этот день, начиная от нижнего кишлака Рушана — Шипад (ниже по течению р. Пяндж, 12 км выше впадения в Пяндж р. Язгулем) — до Вомара и Емца, выше Емца — до кишлака Рид, расположенного по левому берегу р. Бартанг, в котором всего пять хозяйств. От кишлаков Хиджез (вернее — „Хичез”), Равмед, Сипондж и выше, по сообщению емцев, праздник „Батаём” начинали в четверг („панчшанбе”).

Для этого праздника с осени выделяли скот, либо крупный, либо

мелкий рогатый, но обязательно в возрасте не менее двух лет. Этих животных по сравнению с другими кормили чаще и старались это делать отдельно от другого скота. Еще осенью для этого праздника выделяли масло, фрукты, а в некоторых семьях и пшеничную муку. Для приготовления ритуального блюда „бат” привозили специально из Равмеда, Баджу и Хуфа муку сорта красной пшеницы („рушт жиндам”). На некоторых полях в отмеченных высокогорных долинах эта пшеница всегда полностью не созревала. Мука от такой пшеницы бывает со сладким привкусом („ширинтаъм”), поэтому „бат” из нее получается слаще и вкуснее.

В „Батаем”, как мы выше отметили, в период запрета („киш”), т.е. во время посещения этого дома „пычырымчем”, зажигали ритуальное курение. Во вторник вечером уже пекли лепешки и две из них — „пухта”, каждая семья резала жертвенное животное. Но из этого мяса никаких блюд не готовили, так как животное резали в момент наступления запрета („киш”), когда звезды появлялись на небе (это время называлось „шом” — сумерки). Каждая семья в основном приглашала близких соседей — мужчин из четырех или восьми хозяйств. Их угощали ритуальным блюдом.

Заранее, по обычаю, узнавали „счастливый день и час”, чтобы достать „ворованную землю” („сит сифт”). По сообщению информатора, затемно, в четыре или пять часов, доставали белую глину для побелки дома. Из дома надо было выйти так, чтобы лоб („пешонй”) не был направлен на „неблагополучную звезду” „Шукри Ялдуз”⁵⁹. С собой они не брали лепешки („пухта”), как это делали в Рушане, но строго придерживались запрета встречи с кем-нибудь в этот ночной добрый час. Человек заранее знал, где взять белую глину, потому что за два-три дня замечали местность и дорогу. Большинство домов в среднем течении Бартанга в прошлом имели кроме главной входной двери еще дополнительную маленькую дверь 100 x 55 см со стороны площадки очага в углу. Выход был либо на север, либо на юг, чтобы в такой „счастливый час” выйти на противоположную сторону и не попасть (как если бы выходили из основной двери) прямо в сторону „неблагополучной звезды” („ситораи нахс”) — „Шукри Ялдуз”. Если в доме отсутствовала дополнительная дверь и „неблагополучная звезда” стояла прямо к двери, то хозяин, открывая дверь, опускал лицо вниз, правую ногу выносил за дверь, а лицо поворачивал, либо на север, либо на юг и так шагал семь шагов, а потом шел обычным шагом прямо, лицом вперед, так как считалось, что опасность уже миновала в течение его первых семи шагов. Когда человек возвращался с белой глиной, он входил в дом с правой ноги и поздравлял хозяйку (которая до его прихода уже встала) с наступлением весны: „Шогуни боёр муборак!”. Хозяйка также отвечала хозяину, его правое плечо осыпала бобовой, ржаной или

ячменной мукой — символом счастья, благополучия и благодати в доме в течение всего года. По народному поверью, если кто-либо хозяину повстречается при выходе из дома и по пути, то котел, в котором готовят „бат”, треснет, а это считалось знаком большого несчастья в наступающем новом году. Чтобы предотвратить это, во время приготовления „бата” дно котла (снизу) мазали жидкой глиной, слой глины предохранял котел от сильного перегрева, и „бат” нормально варился.

В кишлаке Емц, по сообщению информатора, с вечера наступал запрет („киш”), но для побелки дома землю приносили не ночью, а утром, на рассвете. Вечером во время действия запрета резали жертвенное животное, чаще овцу, но вечером ритуальным блюдом был суп из размельченных зернышек абрикоса или ядрышек грецкого ореха („хомнагул”). В блюдо крошили лепешки и сверху заливали „хомнагулом”, возжигали ритуальное курение. После еды читали молитву. Утром варили „кочй” — в кипяченной воде разбавляли просяную или пшеничную муку, варили до загустения и сверху добавляли как приправу молоко („хувд”) или масло. В „кочй” макали куски лепешки и ели. После завтрака к восьми часам утра все мужчины брали две лепешки („пухта”) и в определенный час шли в указанное место, соблюдая все предосторожности против „неблагополучной звезды”. Между прочим, каждый год собирались в другой местности. Придя в назначенное место, человек поздравлял присутствующих с весенним праздником: „Шогуни боёр муборак!”. Его также в ответ поздравляли. Он клал перед всеми принесенные с собой две „пухты”. Эти лепешки ели, после читали благословительные молитвы. Затем клали сколько надо глины в мешок или корзину и возвращались домой. Половину лепешек приносили обратно, чтобы вернуть домой „благодать”. Как только хозяин открывал дверь, он поздравлял присутствующих в доме с наступлением Нового года: „Шогуни боёр муборак!”, также слал в ответ поздравления от домочадцев. После этого все мужчины (кроме мальчиков 5-6 лет) выходили из дома. Женщины закрывали дверь и начинали его убирать. Мужчины проводили время около дома, так как во всех семьях действовал запрет, ходили на перекресток дорог, освещаемый солнцем, проводили время в беседах и обсуждали свои планы о супруге, о проведении праздника и т.д. В Сипондже после уборки дома выбрасывали мусор („быджин”) и веник подальше и быстро убегали домой, чтобы нечистые силы обратно не вернулись. Если по дороге встречали кого-нибудь, то предупреждали: „Посторонись” — „Канора, канора”, т.е. уходи с дороги, чтобы несчастья, болезнь прошлого года не перешли к нему. Обратное по дороге к дому тоже повторяли это предупреждение. Но в кишлаке Емц не предупреждали встречного и после выбрасывания мусора не думали о возможном, якобы, обратном возвращении злых духов.

Вернувшись, мылись и надевали ритуально чистую одежду, после чего

наносили рисунки на стены, столбы и прогоны в доме. В кишлаке и пондж существовал очень интересный обычай нанесения символических рисунков в жилище. Прежде всего муку (ржаную, бобовую или ячменную) мужчина (хозяин) сам выносил из кладовки, заходил в дом обязательно с правой ноги и произносил: „Шогуни боёр муборак!”, — и ему отвечали таким же новогодним поздравлением. Если в семье был мальчик 9-10 лет, целомудренный, не знающий, что такое горе, всегда радостный, ему первому предлагали наносить рисунки, что должно в новом году обеспечить веселую, радостную жизнь. Если мальчик не мог достать до потолка, то кто-либо из мужчин поднимал его или ему под ноги ставили какой-нибудь обрубок, и он сначала муку бросал на прогоны („вус” и „джуфтапул”) и поздравлял их с весенним „Шогуном”. Во вторую очередь поздравлял с „Шогуном” главный опорный столб („хасатан”), в третью очередь — столб рядом с хасатаном, потом столб возле площадки очага („кампирсатан”), и затем параллельные столбы у входа, планку, соединяющую оба столба („бычкавудж”). После этого мукой делал лепные рисунки на стенке выше уровня нар на 80-100 см. Когда муку с силой бросал на намеченное место, то она сама прилипала в форме куполообразного комочка. Если в семье не было такого мальчика, то сам хозяин наносил эти лепные рисунки. Часть рисунков наносили женщины. Мужчины, как мы выше отметили, наносили рисунки ухой бобовой мукой, а женщины из ячменной или ржаной муки готовили киселеобразную массу, брали ее указательным пальцем, обернутым тряпкой, и наносили рисунки на задний фон стены у очага — дерево чинар и изображения горного козла, коровы, лошади, куропаток, полумесяца, а стадо овец в виде групп точек. Когда рисунок высыхал, то ярко выделялись белые фигурки рисунка на черном фоне закопченной стены. Из ячменной и ржаной муки выпекали особое печенье в форме фигурок („насрак”): барана, горного козла, козы, коровы, лошади и яка. Их еще теплыми после выпечки мазали „бато́м”, а на „бат” прилепляли зернышки абрикоса или грецкого ореха, имитируя глаза, уши, а у лошади — седло, стремя, уздечку, недоуздок и другое снаряжение. Когда „бат” высыхал, то зернышки держались крепко. Фигурки эти ставили на доске („марзаи хона”), вделанной в стену вдоль нар. По народному поверью, если мышь съедала их, то предполагали, что в этом году волк, барс, съест животных, если фигурки оставались целыми, то наоборот, их поголовье увеличится.

Однако отметим, что до 12 часов дня женщины должны были завершить уборку дома, приготовление ритуальных блюд и „кумоча”, так как „пычырымч” должен был зайти и снять запрет („киш”). В этот праздник „пычырымч” приходил после чистки дома и как гостинец с собой приносил или две ритуальные лепешки, или специальный хлеб, выпеченный для „Шогуна” в виде фигурок животных: ко

барана или лошади. Приносил „бат”, и его на пресную лепешку намазывали наподобие бутербродов. Он обязательно клал их на выступ очага („дзингак”), где разводили ритуальное курение. Во время праздника курение возжигали вечером и рано утром в течение трех дней праздника. Когда приходил „пычырымч”, он всех поздравлял с „Шогуном”, его также поздравляли, и хозяйка осыпала его правое плечо небольшим количеством бобовой муки в знак счастья и благодати. В кишлаке Равмед „пычырымч” приходил рано утром на второй день, т.е. в четверг, после этого снимался запрет („киш”). „Пычырымча” угощали мясным супом. Потом он читал молитву, чтобы в доме было изобилие, благодать, урожай, здоровье и счастье. Ему дарили барашка или козленка, или материю для халата, шерсть, шерстяные чулки. Если этого не было, то одну пару местных сапог („лех”, „муки”). „Пычырымч” после этого шел к себе домой, и после его ухода в этом доме снимался запрет („киш”). „Пычырымча” в свою очередь навещал хозяин дома, у которого он был, потому что они друг для друга становились „пычырымчами”, и его одаривали эквивалентными подарками. После снятия запрета во всех семьях кишлака односельчане (родственники в основном) ходили друг к другу в гости. Утром, когда разводили огонь для приготовления завтрака, перед началом чистки дома в очаге выпекали два-три „кумоча”, которые уже были готовы до прихода „пычырымча”. Один из „кумочей” готовили по размеру и весу больше других (до 6-7 кг), а второй и третий — по 2 кг каждый. Когда вынимали большой „кумоч” из очага, верх его обтирали чистой тряпкой, а нижнюю часть не трогали, несли к стенке за очагом и посредине остальных рисунков (которые до этого уже были нанесены) крепко прижимали „кумоч” нижней стороной, так что на месте прикасания „кумоча” оставались следы золы очага в виде круглого диска (солярный знак). Одновременно все поздравляли „кумоч” и образующийся отпечаток его с праздником: „Шогуни боёр муборак!” Если след „кумоча” отпечатывался большим, ярким, это считалось хорошим, добрым предзнаменованием наступающего года для этой семьи. Это символ Солнца, хлебного Солнца, обеспечения семьи большим урожаем зерновых. Этот хлеб до прихода „пычырымча” крошили в масле („кумочтарит”) и ели все члены семьи, чужому не давали, чтобы благодать осталась в доме на весь год. Один или два остальных „кумоча”, меньших по размеру и весу, посылали родственникам в другие кишлаки и угощали гостей, родственников, приходивших в гости. После обеда односельчане ходили поздравить халифу. С собой брали выпеченные в виде фигурок животных хлебцы или две лепешки („пухта”), или шерстяные чулки, сухие фрукты. Ходили в гости к приемным отцам, к аксакалу, арбобу, кази, к кузнецу („хонаи пир”), всем несли праздничные подарки. На второй день праздника „Батаём”, т.е. обычно в четверг, начинали готовить „бат”. Как мы выше отметили, название праздника определяется этим ритуальным блюдом.

Не все умели по-настоящему варить „бат“, процесс приготовления его длился 13-14 часов (в кишлаке Вомаре — 15-16 часов). Его готовили исключительно мужчины. Женщины якобы уставали так долго сидеть у котла. „Бат“ готовили состоятельные семьи, он считался самой богоугодной пищей. Его готовили, как мы выше отметили, из зерен красной пшеницы („руштак“), причем пшеницы, выращиваемой в кишлаках высокогорных долин Хуф, Баджу, Равмед, Бижрав, Рошорв. Там летний сезон очень короток, похолодание наступает очень рано, поэтому не все зерна красной пшеницы успевают вызреть, достигают только восковой спелости, но их жнут, чтобы не вымерзли, а мука от такой пшеницы по вкусу сладкая, и блюда из нее очень вкусные. В прошлом не было сахара, и такая пшеница заменяла его при приготовлении ритуальных блюд. Рушанцы и бартангцы, не имеющие такой пшеницы, в ноябре выменивали ее за сухие фрукты, шерстяные чулки и привозили к себе, но мололи отдельно от других злаковых и хранили отдельно, специально приберегая для варки „бата“. Кто не мог достать для „бата“ такой муки, то варили „бодж“ (вернее — „боц“) — крупу пшеницы с мясом. „Бат“ в большем числе хозяйств готовили выше кишлака Емц по течению реки Бартанг и в Хуфе, Баджу (по Пянджу), а ниже по течению реки Бартанг до кишлака Вомар — в ограниченном числе хозяйств. „Бат“ готовили из муки в количестве от 6-8 кг до 30-35 кг, последнее варили в две очереди (реже — в один прием).

Очень интересна технология приготовления „бата“. Для его приготовления необходимы холодная вода, мука из незрелых зерен красной пшеницы. Если собирались варить два котла „бата“, то начинали с вечера среды и всю ночь до 8 часов утра, в четверг — второй день праздника — варили вторую очередь с 8 часов утра до конца дня (10-11 часов вечера). Для помешивания „бата“ употребляли изготовленные из абрикосового дерева лопаточки („батувуг“ (к. Сипондж), „батгаз“ (к. Вомар). Если в семье имелся котел большого размера, вмещающий два пуда муки, то готовили „бат“ в один прием.

В приготовлении „бата“ участвовали обычно трое мужчин. Если в семье не было троих мужчин, то приглашали родственников, обычно живущих по соседству. Если среди родственников не было мужчин, которые умели готовить „бат“, то приглашали либо односельчан, либо мужчин из соседних кишлаков. Один из мужчин, занятых варкой „бата“, все время следил за огнем, чтобы пламя огня не коснулось котла, иначе „бат“ пригорит и испортится. Чтобы получился хороший „бат“, котел должен был находиться только над жаром, исходящим от огня. Второй мужчина, сидя за котлом, деревянной лопаточкой не переставая помешивал „бат“, понемногу добавляя муку и воду. Это длилось в течение трех-четырех часов, пока всю муку не израсходуют. Третий мужчи-

на помогал повару, заменяя его, когда тот уставал, и помогал кочегару. В течение варки (14-15 часов) непрерывно горел огонь, для чего требовалось много топлива. В процессе варки „бат“ проявляет ряд признаков, по которым судят о ходе варки, например, влажная мука свертывается в комки размером с грецкий орех — „падобдж“ („падобч“) — это признак того, что надо убавить огонь и сильнее помешивать, чтобы комки растворились, для чего скорее добавить в „бат“ льда, а потом поддерживать обычный огонь. Такой признак („падобдж“) должен был появиться семь раз („увд бор“), уменьшал влажность „бата“, свидетельствуя в последний раз о его готовности. „Бат“ не замерзал и сохранялся очень долго, почти месяц — до весеннего равноденствия, т.е. до официального праздника „Навруз“, был по вкусу слаще пшеничного солода, употреблявшегося для изготовления ритуально-праздничного блюда („суманак“). Брли немного этого „бата“ и клали на лепешки или в отдельную чашку, и несли к халифу для поздравления в день „салом-салом“. В другую чашку клали „бат“ для кузнеца („корхонаи ахангарй“) как жертвенное ритуальное блюдо. Также отдельные чашки с „батом“ несли для поздравления „пычырымча“, аксакала, раиса, кази. Большое блюдо оставляли для угощения односельчан; по чашке выделяли для родственников, живущих в других кишлаках. Так распределяли „бат“ в кишлаке Сипондж.

В Рушане, в кишлаке Вомар сначала одну чашку выделяли в честь мазара святого Шоталиба и по чашке как богоугодное дело — близким соседям, которые сами не приготовили „бат“, и далее наделяли „батом“ так же, как в кишлаке Сипондж.

После распределения „бата“ по порциям, их заносили в кладовку для остывания. Когда гостям подавали „бат“, то сверху поливали маслом грецкого ореха, так как он зимой не замерзал, а если не было такого масла, то наливали молоко, размешивали, и блюдо было готово для еды. Однако отметим, что на второй день те, кто приготовил в первый день „бат“, варили „бодж“, и наоборот. Как мы выше отметили, при приготовлении „боджа“ варили голову, ноги, требуху, позвоночник жертвенного животного. Варили долго, пока мясо не станет отделяться от костей. В суп клали пшеничную крупу так, что после охлаждения получалось блюдо, напоминающее студень или холодец, оно тоже сохранялось до двух недель. „Бодж“ разделяли на порции так же, как „бат“ для поздравления родных, соседей и как жертвоприношение святым местам, духам предков, для кормления добрых духов, так как „бодж“ являлся „блюдом Сейид Носира Хисрова“. На четвертый день праздника в Сипондже ничего не варили, ходили к близким соседям в гости. Все по очереди должны были в этот день принимать гостей.

В кишлаке Емц на второй день праздника, перед заходом Солнца, когда „бат“ или „бодж“ готовы, из всей семьи один взрослый чело-

век брал немного „бата” или „боджа” в маленькую мисочку и шел к мазару „остон Мушкилкушо” (ниже кишлака). Когда там собирались представители от каждой семьи, халифа читал молитву; все присутствующие ели жертвенное ритуальное блюдо, принесенное мазару, оставляли там в пользу мазара свои чашки и возвращались домой.

В кишлаке Емц некоторые хозяйства пекли специальный хлеб — „хеэ” (вернее „хеј”) „кумоч” (тесто с маслом или салом, молоком, весом в 2-3 кг). На его верхней стороне был сделан „загон” для животных: по краю — зацеп теста в виде забора. В одном месте отверстие — ворота, а внутри „загона” куча мелких шариков, символизирующих овец, а с краю „ворот” — крупнее остальных шарики, символизирующие чабана, его посох и иногда — собак, охраняющих овец за оградой. Этот хлеб („кумоч-хеэ”) изготовлялся в очаге после приготовления „бата” или „боджа” в ночь на пятницу. Его ели только в кругу семьи на завтрак в третий день — день „салом-салом” — после снятия запрета („киш”). Ели его с маслом („кумочтарит”), чтобы в новом году увеличилось поголовье скота, была благодать для животных и в семье. Как в кишлаке Сипондж, так и в кишлаке Емц пекли фигурки домашних животных, их украшали зернышками плодовых деревьев и дарили детям как подарки.

На третий день одну чашку „бата” или „боджа” несли в кузницу, другую оставляли почти на полтора месяца до дня первой пахоты („раж”). На третий день, в пятницу, до рассвета (от 4 до 6 часов) приходил „пычырымч” (в кишлаке Равмед его называли „пычырымчвиравоч”). С собой он приносил в качестве новогоднего подарка 2 лепешки „лухта”, или пресные лепешки „фатир”, сверху намазанные „бато́м”. Он поздравлял с наступлением „Шогуна”, после угощения и получения подарка от главы семьи шел домой, только после этого снимался запрет („киш”). Глава семьи в свою очередь посещал как „пычырымч” своего „пычырымча”. Если один из них не пришел бы снять запрет („киш”), то и другой не посетил бы его дом. Обмен подарками аналогичен сипонджскому.

После снятия запрета и завтрака на третий день праздника утром, после восхода Солнца, наступало время посещения или поздравления — „салом-салом”. Шли к родственникам, к халифе, аксакалу, приемному отцу и товарищам. Этим завершался праздник „Батаём” в Бартанге.

В Рушане этот праздник назывался „Батаём”, в отдельных случаях — „Навруз”, но последний термин существовал ниже кишлака Вомар, т.е. в кишлаках, расположенных в долине реки Пяндж — от Дерзуд — Барзуд — до Шпад. Кишлак Вомар (ныне райцентр) был своеобразной границей: там существовали не только эти два термина („Батаём”, „Навруз”), но даже некоторые обычаи, характерные как для Бартанга, так и для Рушана в кишлаках ниже по течению реки Пяндж (до кишлака Шпад).

В кишлаках Рушана проводили этот праздник от 19 до 24 февраля, в период вхождения Солнца в „колено” („зону”) или „бедро” („кордафсон”). Праздник охватывал три дня: от среды до пятницы включительно. Первый день называли „чопочоп” (т.е. подражание звуку от легких ударов веника в потолок или стены дома); второй день — „багадивд” (приготовление „бата”) или „бодж севд”, „бодж”, (т.е. размельчение пшеничной крупы и варки ритуального блюда — „бодж”); третий день — „салом-салом” (т.е. буквально — „привет, привет”), когда ходили по домам с визитами. Первый день приходился на среду („чоршанбе”), второй — на четверг („панджшанбе”), третий — на пятницу („джума” — „чума”).

О праздновании „Навруза”⁶⁰ крестьяне обязательно узнавали раньше, за неделю „счастливого дня и часа”, чтобы заранее приготовить продукты и все необходимое для успешной встречи праздника, тогда весь год в доме у них будет достаток, благодать и все будут здоровыми. Вечером пекли две лепешки („лухта”), в большинстве хозяйств резали жертвенных животных, заранее предназначенных для этого барана или козла.

Семьи, которые вообще не могли по бедности резать животных, получали от своих родственников около 2-х килограммов мяса и сала, чтобы в праздник приготовить ритуальные блюда, в т.ч. ритуальный хлеб („чарвигарза”, „кумоч”). В кишлаке Шидз в эту ночь каждая семья обязана была иметь мясо, готовить вкусную еду и досыта наесться, чтобы весь год была в доме благодать, в изобилии продукты и счастье. В кишлаке Вомар не обязательно было в этот вечер готовить мясо. Неимущие семьи довольствовались приготовлением супа из зернышек грецкого ореха — „гузхурво” (вернее — „*уизхигдо*”), и в первый день праздника здесь отсутствовало посещение „пычырымча”. Если приходили гости или соседи в дом в этот вечер, их принимали, но не угощали ритуальными блюдами, которые готовили специально для праздника „Навруз”, чтобы не утратить благодать дома. Для гостей готовили еду, но только не из продуктов, предназначенных для праздничных блюд. В первую ночь праздника в 4 часа (в кишлаках Барушан, Дехрушан, Шидз), или в 5-6 часов (в Вомаре) в зависимости от наступления „счастливого часа”, взяв с собой две лепешки („лухта” или „кумоч”, „пахамучай” (к. Вомар), выходили за „ворованой” землей (глиной). Во время выхода из дома должны были соблюдать необходимые правила, чтобы перед глазами не оказалась „неблагополучная звезда” и не встретить кого-либо по дороге. В Бартанге, как было отмечено, выше, в некоторых домах делали дополнительную дверь, если ее не было, то при выходе поворачивали лицо налево или направо при первых семи шагах. А в этих кишлаках, выйдя из дома, шагали спиной вперед

семь шагов, после этого якобы опасность не грозила и, повернувшись, далее шли обычно лицом вперед. Если после этого по дороге встречали кого-нибудь, даже знакомого, то не здоровались, не разговаривали, а молча проходили мимо.

В Рушане „ворованую землю” называли „сыт цыфт”. В Вомаре такая глина находилась в ста метрах выше кишлака, у родника „Себ-чашма” (буквально — „яблочный родник”), в кишлаке Барушан — на кладбище („пошқарб”), а в кишлаке Шидз — в полутора километрах выше кишлака „Дашт” — „Равнина”. Когда приходили в указанное место, поздравляли присутствующих: „Шогуни бобр муборак!”, — в ответ пришедшего тоже поздравляли: „Ба руи шумо муборак!” („Поздравляем весенним Шогуном!”). Вновь прибывший клал на общую ска-терть лепешки („пухта”), ломая одну лепешку или „кумоч” пополам. После общественной трапезы читали молитву. Одна лепешка (или полови-на „кумоча”) считалась жертвой для земли, другую или половину принесенного „кумоча” забирали обратно, завернув в платок, завязыва-ли на поясице, чтобы благодать вернуть в семью. Взяв нужное коли-чество глины (до двух пудов), возвращались домой. Войдя в дом, по-здравляли хозяйку с весенним праздником. Поздравляя в ответ, хо-зяйка осыпала хозяину правое плечо бобовой или ржаной мукой — символом счастья и благополучия в наступающем году. Глину остав-ляли в передней комнате. В Вомаре и Барушане помещение начинали чистить после завтрака, но в Шидзе, по сообщениям информаторов, сразу же после доставки глины, т.е. в пять-шесть часов утра. Выносили все домашние вещи в „пехвоз”, начинали уборку и побелку дома так, чтобы до наступления рассвета ее завершить, занести домашние вещи и встречать „пычырымча” в убранном доме. Для чистки жилища исполь-зовали два веника („видирым”). Веник должен быть связан из кустар-ника с красными побегами („пуш”). Кустарник с побегами зеленого цвета считался приносящим несчастье („бехосият”), а с красными — приносящим счастье. После завтрака мужчины выходили из дома, соби-рались на перекрестке дорог, играли „в битки” („таргинто”), в орехи („фузбозӣ”), занимались борьбой („қыстингирӣ”). Женщины после уборки дома мусор („чадвор”) и один из веников, которым пользова-лись при чистке потолка и пола, выносили и выбрасывали подальше от дома в яму, и, закопав их, возвращались домой, стараясь обратный путь пройти другой дорогой, как в Бартанге. Перед выходом из дома громко предупреждали: „Берегитесь, удаляйтесь, выносим мусор” — „Канора, чадвор мебарим”. После возвращения купались, прятали ста-рую⁶¹ одежду, чтобы не попадалась на глаза, надевали ритуально чистую одежду и начинали наносить на стены жилища рисунки. Здесь не было ограничения времени для нанесения рисунков (до 12 или 1 часа дня — до возвращения мужчин). Эту работу могли продолжать и после обе-

да. Рисунки наносили женщины, которые хорошо знали технику приго-товления краски и нанесения рисунков, их символическое значение. По поверью, они способствовали обильному урожаю, увеличению скота, долголетию членов семьи, благодати и счастью в доме.

Бобовую и ржаную муку понемногу бросали, как и в кишлаке Сипондж, на прогоны дома, на балки светодымового отверстия, потом в главный столб („ҳасетан”), в столб рядом с ним („ҳанухсетан”), параллельные столбы у входа в жилище. После этого наносили на внут-ренние стены дома на расстоянии 80-100 см выше уровня нар рисунки комочками в форме купола („қуббача”). Кроме того, для удобства нанесения рисунков из муки делали своего рода „штамп” из ветки в виде сердцевины, в середине которой изображали крест, прямые или перекрещивающиеся черточки, или полумесяц. Сверху ветку обматыва-ли красной тряпкой, чтобы мука лучше прилеплялась и для более удобного нанесения рисунков. Эту сердцевину закрепляли на двухмет-ровую палку для удобства нанесения штампованных рисунков на верх-ние части дома. Кроме того, из муки готовили киселеобразные раство-ры, которыми за очагом рисовали чинар как символ госпожи очага („хо-туни қиёмат”) — Евы, она же дочь пророка Мухаммеда, жена Муртузо-Али. Там же изображали звезды разной величины, горного козла, стадо мелкого и крупного рогатого скота в виде группы точек, а рядом с ними пастуха с посохом и собакой. Некоторые рисовали верблюда, корову, куропаток. На противоположных очагу нарах („барнех”), где сидят мужчины, на стене рисовали Солнце — символ мужского пола в доме. Отметим, что первым изображали Солнце, вокруг его диска — группу точек. Пока не высох на стене раствор, в середине мокрых точек накле-пли высушенные лепестки от подсолнечника („гулимасфар”) — это выглядело красиво, а внутри диска Солнца проводили две-три линии от края до следующего края, что было очень похоже на огненное коле-со. Вокруг Солнца также рисовали звезды, в середине каждой наклепли листья подсолнуха. Рисовали также лошадь, горных баранов (архаров). После Солнца рисовали полумесяц на противоположных стенках поза-ди очага.

Из пшеничной, ячменной, ржаной и бобовой муки изготавливали фи-гурки животных: барана — „миводжак” (вернее — „мавоҷак”), дойной коровы — „жовак”, козы — „буч”, верблюда — „ухтур”, вола — „ход-жак” (вернее — „хочак”), горного козла — „нахчир”, куропатки — „за-реджак”. Изображения осла, собаки, лошади только рисовали на стенах. Фигурки выпекали так же, как „кумоч” — в очаге под тлеющими угля-ми („пахамуч”), чтобы при выпечке не ломались ноги, рога и хвосты. Фигурку верблюда еще теплую мазали „бато́м” и по бокам прилепляли зернышки абрикоса и грецкого ореха, имитируя большое количество

привозимого груза из далеких стран в Рушан. Дети ставили фигурки горного козла („нахчирак“) в чистое место и из лука стреляли в него. Если попадали, то радовались, что в этом году будет много убитых горных козлов на охоте, в противном случае охота в новом году будет неудачной.

В кишлаке Шидз в первый день праздника после побелки дома приходил „пычырымч врихтов“ снять запрет („киш“). В кишлаке Вомар он приходил в 6 часов утра на второй день праздника. Если дом еще был неубран, дверь была закрыта, он (или женщина, потому что в случае смерти „пычырымча“ могли прийти его вдова, если сыновья были еще малолетними) ждал возле двери, пока ее не открывали. „Пычырымч“ обменивался поздравлениями с хозяевами, его угощали и после чтения молитвы спрашивали, в чем он нуждается. Он просил дать ему или овцу, или шерсть, или корову, или материю, или палас, или землю, или фруктовые деревья. Если он ни в чем не нуждался, то ему давали вареное мясо, две лепешки („пухта“), шерстяные чулки, печенье в форме фигурок животных. В этот день, по обычаю, хозяин не мог отказывать в удовлетворении просьбы гостя, вплоть до получения согласия выдать замуж дочь, если при сватовстве до этого дня просители получили отказ. Вечером до выхода за глиной для побелки и украшения стен, после выпечки двух лепешек („пухта“) и приготовления блюд, в очаге выпекали „кумоч“ с салом и молоком, утром его ели только члены семьи, как в Язгулеме. Свою долю не давали другому, чтобы в течение года быть сытым и обеспеченным. После снятия запрета („киш“), родственники — соседи ходили к своим родственникам, угощались до шести часов вечера. В этот первый день юноши (12-16 лет) до пяти-шести человек собирались вместе и ходили по домам. К маленькой корзиночке (диаметр — 30 см) привязывали трехметровую веревку и в каждом доме опускали корзиночку с крыши дома через светодымовое отверстие („рӯз“), все хором поздравляли домочадцев с весенним праздником и пели хором четверостишие, называемое „Куло гуз-гуз“, т.е. „корзина с орехами“:

Куло гуз-гуз боёр омад,
Рузи навруз аст, олам сабзадор,
Э, падар, бархез наврузи биёр,
То туро раҳмат кунад парвардигор.

Булбул ба тамошои дару чанг баромад,
Мурғони ҳаво наъра задан чумла ба як бор,
Мурғи дили мо аз қафаси танг баромад.

Корзина (полна) орехом-орехом, весна подходит,
Наступил день навруз, мир стал зеленым лугом,
О, отец, встань, принеси новогодний дар,
Чтобы творец поблагодарил тебя (на этом и на том свете).

Соловей вышел полюбоваться бубном и чангом (варган),
Все небесные птицы пели одновременно,
Птица моего сердца вылетела из тесной клетки.

В кишлаке Равмед мы записали другой вариант:

Куло гуз-гуз бахор омад,
Бо йуғу сипор омад,
Эй лағ-лағи саргардон,
Вақти кишту кор омад.

Корзина (полна) орех-орех, весна подходит,
Ярмо и пахотное орудие вместе подходят,
О, журавль (имеется ввиду крестьянин) бродячий,
Время посева и работы подходит.

Когда опускали корзину вовнутрь дома, ребята клали в нее лепешки как подарок для хозяев дома. Хозяева брали из корзины подарок и ждали, когда они закончат пение песен. Потом их тоже поздравляли с весенним „Шогуном“ и клали в корзину либо лепешку в масле („нонтарит“, „кумочтарит“), вареное мясо, сухие фрукты (абрикосы, яблоки), шерстяные чулки, либо ритуальные маленькие лепешки („кулча“), сыр („курут“).

После этого мальчики поднимали корзину обратно на крышу, взяв подарок, спускались с нее и шли в следующий дом. Так они обходили все дома в кишлаке, пели эти четверостишия. Полученные подарки делились между участниками.

Существовал обычай, согласно которому в первый день праздника приходил в семью малоимущий родственник из одного каума (патронимии), но он должен был влезть на крышу и через светодымовое отверстие произнести: „Во имя бога милостивого, милосердного, поздравляю с весенним Шогуном!“, — и начинал петь вышеописанные четверостишия. Одновременно он опускал через это отверстие свой поясной платок. Если вещь, в которой пришедший нуждался (одежда, обувь, палас) была под рукой, то тут же после окончания пения эту вещь (обувь, одежду) завязывали ему в платок, но если вещь оказывалась тяжелой (овца, теленок) или он хотел получить плодовое дерево, пахотную землю и т.п., ему твердо обещали дать это, предлагали спуститься с крыши. Требуемое либо давали тотчас, либо точно назначали определенный день для получения вещи. Проситель, поверив, спускался с крыши и шел домой. В день „салом-салом“ взрослые просители старались прийти раньше обычного с целью опередить других. После шести часов вечера расходились по домам, чтобы приготовить необходимые продукты для приготовления ритуальных блюд „бодж“ или „бат“. Нами было

уже описано приготовление „бата”. Иногда в Вомаре и Барушане его называли „шитобат”, буквально „шито” — „холод”, а „бат” — „блюдо”, т.е. „холодное блюдо”, так как огонь разводили под ним очень слабый.

В Рушане „бат” готовили только в состоятельных семьях, в кишлаках долин Баджу и Хуф — почти во всех селениях, так как у них была мука от незрелой пшеницы в достаточном количестве. В кишлаке Барушан его готовили только в семьях господствующей верхушки — ишанов, халифов, аксакалов и других чиновников.

В Рушане способ приготовления „бата” аналогичен сипонджскому. В Вомаре в дополнение к нему существовало поверье, согласно которому при сильном желании, воображая сладость, приготовляемый „бат” будет сладким. Поэтому во время приготовления „бата” мальчики в возрасте 9-12 лет читали двустиише:

Шата шакар му бат,
Батён те сувор му бат,
Мед и сахар мой „бат”,
Выше „батов” мой „бат”.

Повар, услышав эти стихи, радовался, хвалил ум мальчика, желал ему доброго здоровья, дарил фрукты, кулча, ободрял его к повтору стихов, чтобы слаще стал „бат”. Как было выше отмечено, из „шитобат” одну чашку специально оставляли до дня первой пахоты и сева, его называли „хымбат”.

В Рушане на второй день праздника (в четверг) кроме „бата” из муки красной пшеницы (кишлак Сипондж) женщины готовили более простой „бат” из просяной или обычной пшеничной муки. Его готовили быстро, в течение часа. Утром в котле кипятили воду с молоком и понемногу добавляли туда нужную порцию муки (чаще просяной). На завтрак и днем этот „бат” ели сами члены семьи и угощали гостей, так как его изготавливали в достаточном количестве для праздничных угощений в последующие дни. Когда такой „бат” подавали в миске, то сверху добавляли либо топленого, либо орехового масла. Если в хозяйстве не было молока, то вместо него размельчали до консистенции пудры зернышки абрикоса или ореха, смешивали их с водой, а когда масса закипала, добавляли просяную муку и варили, пока масса не станет, как густой кисель.

Комочек этого „бата” размером с абрикос бросали в жар-огонь очага в честь духа покровителя очага — „Биби Мару” (т.е. Фотимы Зухра), в честь духов предков — „биомурзе”, мазали прогоны, столбы, „бучкавоц”, над верхней дверной балкой, балки и дверь хлева, сарая для сена, кладовой. Во время вымазывания произносили: „Шогуни бо-ор муборак!”, т.е. „Поздравляю весенним Шогуном!”. Однако отметим

что в день два раза, вечером и утром, пока не завершался праздник, зажигали священное курение в честь добрых духов, духов предков и для изгнания злых духов. Те семьи, которые не готовили „бат”, пекли тоненькие блинчики, так называемые „хамлапа”. Блинчики готовили в четыре часа дня. Способ приготовления их был самым простым, восходящим своими корнями к древнейшим доисторическим временам. Сначала из пшеничной муки делали жидкое тесто, огнем раскаляли тонкий плоский камень („хамлапахайд”), намазывали его маслом и затем ложкой клали на него тесто. Блинчик в диаметре был равен 20-22 см. Через 3-4 минуты переворачивали его и пекли до полной готовности. Обычно блинчиков выпекали несколько десятков. Разводили в доме священное курение. В пять часов вечера хозяин брал в миску либо „хамлапа” (4-6 шт.), сверху политые маслом с несколькими кусками вареного мяса, либо „бат” и шел к мазару Шотилиб, находящемуся в верхней части кишлака Вомар. К пяти часам у мазара собирались все мужчины кишлака. Они давали свои жертвенные блюда старцу — духовному служителю („шайхи мазор”). Когда собирались идти с „хамлапа” или „батом” к мазару, то на край миски или на плоские камушки клали траву для священного курения, смешанную с маслом. Когда ставили на общий дастархан принесенное блюдо, то взятую с собой траву добавляли к уже разведенному священному курению около могилы святого Шотилиба, чтобы воссоединиться в общем богоугодном деле сельской общины. После возжигания священного курения пальцами обеих рук дотрагивались до места поклонения („зиёратгох”), руки поднимали к губам, потом — к бровям (к глазам). Два-три шага пятились назад и, повернувшись, уже обычным шагом шли и садились рядом с сидящими односельчанами.

Шейх мазара угощал половиной жертвенных блюд присутствующих, а половину забирал себе домой. После трапезы читали молитву, а шейх мазара в чашку каждого присутствующего клал щепотку сухой земли („хокостон”) из уголка могилы святого Шотилиба. Каждый мужчина клал часть ее в рот и глотал, чтобы на протяжении всего года быть здоровым, счастливым, чтобы Святой Шотилиб помог и обеспечил успех в сельскохозяйственных работах. Придя домой, всех — от младшего до старшего — кормил щепоткой этой земли. Однако отметим, что, когда хозяин шел к мазару, другой взрослый из семьи, взяв три штуки „хамлапа”, выходил из дома и во имя духов предков отламывал от этих „хамлапа” кусочки в размере зернышек пшеницы, втыкал их в трещины стены двора, если ее не было, то бросал их на поле, где люди не ходили. Остальные ритуальные кушанья давали любому прохожему, чтобы их там же съели вместе с хозяевами дома, прочитали молитву и

возвратили пустые чашки. Если никого по дороге не встречали, то ритуальную еду относили соседям. Три штуки надо было взять потому, что предок — один, т.е. „нечетный“, домой обратно не приносили эти блюда. В четверг, приблизительно в 6 часов вечера, наступал запрет („киш“). Приступали к приготовлению ритуального „боджа“ из крупы пшеницы и мяса, головы, ног, требухи, позвоночника жертвенной овцы.

В Рушане с начала приготовления „боджа“ запрет соблюдался еще строже.

Приготовление „боджа“ продолжалось с шести или семи часов вечера до 11-12 часов ночи. Когда разжигали огонь в очаге, возжигали священное курение и только после этого в котел наливали воду. Но прежде чем зажигать священную траву, закрывали дверь, чтобы никто не зашел в дом. До этого момента готовили на раздвоенной ветке („чыхарак цру“) две свечи длиной 40-50 см, прикрепляли их к специальной подставке для светильника („сокин“), зажигали после того, как уже разводили огонь под котлом, где варили „бодж“. Одну свечку наклоняли в сторону очага, где женщины все время занимаются своими домашними делами, а другую — в сторону нар, где в основном сидят и спят мужчины. Пока эти свечи горели, все члены семьи хранили молчание, не двигались с места. При любом несчастье в доме нельзя было разговаривать между собой или подниматься с места (кроме „кочегара“, который следил за огнем), пока не закипит „бодж“ в котле. Кто нарушал этот запрет („киш“), того считали приносящим несчастье в течение года, все время его упрекали и ругали. Когда „бодж“ закипит, можно разговаривать или вставать с места. В то время, пока „бодж“ кипел, по свечам гадали: если свеча, наклоненная в „мужскую“ сторону, быстрее сгорала, то успех в новом году был обеспечен хозяйственной работе мужчин, если догорала быстрее другая, наклоненная в „женскую“ сторону, то считали, что успех будет в женских делах — масла, молока будет больше в наступающем году. „Победившая“ сторона подшучивала, высмеивала „побежденную“, много смеялись. Зажигание свечей ниже кишлака Вомар по Пянджу мы не отметили, по сообщению информаторов, там этого обычая не было.

Утром на третий день праздника разжигали священное курение („йоб“), и в 6 часов приходил „пычырымч“, чтобы снять запрет („киш“). Его угощали „боджем“. Он повторял весеннее поздравление, приносил с собой гостинец — 2 лепешки („пухта“), два-четыре „хамлапа“, яйца или яблоки, печенье в форме фигурки какого-либо животного и т.д. После угощения он читал молитву. Его спрашивали, в чем он нуждается, и давали то, что ему надо, а после ухода „пычырымча“ снимался запрет. На третий день праздника (в пятницу) ходили друг

к другу в гости, и поэтому этот день, как мы выше отметили, назывался „салом-салом“. В этот день сначала следовало посетить близких родственников, поздравить их с весенним „Шогуном“, обмениваться друг с другом подарками: ритуальными блюдами или шерстяными чулками, яйцами, платочками; затем старшие, преклонного возраста люди брали в подарок овцу или козу, материю или обувь, фрукты, ритуальные лепешки („пухта“ или „хамлапа“) и шли поздравлять своих духовных наставников („пира“ или „халифа“), а люди среднего возраста несли подарки (фрукты, шерстяные чулки) старостам кишлака, кази или своим названным отцам, кузнецу. Везде обменивались поздравлениями с весенним „Шогуном“, угощались, читали молитву о здоровье и благополучии в новом году, об увеличении урожая зерновых, поголовья животных, желали, чтобы было много детей и спокойствие в крае. В этот же день каждый квартал селения приглашал в гости своих соседей, угощали их „боджем“, „батом“ или супом с мясом, фруктами. Трапеза заканчивалась молитвами.

Женщины собирались или по кварталам кишлака (если кишлак был большой), или женщины всего кишлака в определенном хозяйстве устраивали угощения, развлекались, играя на бубнах, танцевали, качались на качелях („вилчак бехт“). Юноши и мужчины по желанию участвовали в общественных играх, которые устраивали старосты в своих кишлаках или в соседних: борьба, игра в яйца („тах мухр тарзент“), козлодранье („гуджтежу“), игра в орехи, состязание в беге („пойга“), а также скачки на лошадях.

В день „салом-салом“ большое гуляние организовывали в кишлаке Барушан. Все виды развлечений проходили в средней части кишлака на площади („майдон“), вблизи которой находился дом крупного авторитетного рушанского Сейида Шогадо с его братьями. Со всех кишлаков Рушана в этот день приезжали его мюриды с различными подарками (овца, теленок, материя, ритуальные лепешки, масло, шерсть, сыр, лепешки и кушанья, фрукты). Также с левобережных кишлаков через реку Пяндж переправлялись с богатыми подарками для него на этот праздник. Как мы выше отметили, происхождение „памирского Навруза“ было установлено шахами Рушана, Шугнана и Кала-и-Барпянджа. Праздновали же в субботу, так как этот день считался днем отдыха Мавлю-Али: в шесть остальных дней он создал мир. В этот день нельзя его беспокоить. „Бодж“, по преданию, остался от Шах-Носир-Хисрова, в этот день праздника его обязательно надо готовить, так как он является божественной пищей, которую обязательно надо поесть в день праздника Навруз.

В Шугнанае праздник „Навруз“ или „Батаём“ назывался „Хирчи-

зон", т.е. буквально „Солнце в колене", но в зависимости от „счастливого дня и часа" его могли праздновать на день раньше или позже.

Символ этого праздника, по понятиям земледельцев Шугнана, — вынос земли на поле („баровардани хок"), т.е. начало сельскохозяйственных работ.

В Шугнane самой отличительной чертой этого праздника по сравнению с Бартангом и Рушаном было отсутствие обычая обоюдного „пычырымч" („носитель благодати"). Эту роль „носителя благодати" для своей семьи играет сам хозяин, который выполняет ряд определенных магических обрядов, способствующих распространению „благодати" на всех членов его семьи, на его хозяйство, на увеличение урожая сельскохозяйственных культур и поголовья скота.

По сообщениям информаторов, праздник „Хирчизон" в долине Шахдары отсутствовал, так как там еще продолжалась зима, стояли морозные дни.

Праздник „Хирчизон" отмечали в кишлаках по Пянджу и Гунту. Здесь тоже крестьяне заранее узнавали „счастливый день и час" начала праздника у пира или халифы. После этого начинали отбирать жертвенных животных и заготавливать продукты, необходимые для приготовления ритуальных блюд. Праздник продолжался около суток, т.е. с вечера до полудня следующего дня. Состоятельные хозяйства с вечера до наступления запрета („киш") резали овцу или козу, пекли две ритуальные лепешки („лұхта"), размельчали пшеницу для приготовления „боджа". Количествоготавливаемых ритуальных блюд было ограничено, даже традиционный „кумоч" не выпекали. Неимущие семьи кроме двух лепешек „пухта" и „боджа" ничего не готовили. На этот праздник люди не ходили друг к другу без острой нужды. Его отмечали как приход весны, начало весенних сельскохозяйственных работ. С этого дня начинали подготовку сельскохозяйственных орудий, усиленное кормление волов (даже в кишлаке Вийиб в Гунте этот праздник называли „волобий крестьянский праздник" — „айди дехқони барзагово", якобы вол является крестьянином, это его — волобий праздник).

До наступления запрета („киш") старались достать землю или глину, так как центральным действием праздника было вынесение земли (глины) на поле и „посев", т.е. эти магические действия имитировали разбрасывание семян по полю, сев. Одни бросали комок земли из-за старых стен ограды двора, из чистых мест под снегом, другие вместо глины брали золу из очага или остатки пыли от кизяка („бычин"). Землю или глину клали в миску и ставили ее на веранде („пех-

воз, „далидз") до наступления запрета входа или выхода из дома членов семьи для выполнения каких-нибудь срочных и важных работ или захода соседей в дом. Вечером в доме на выступе очага („дзингак") жгли священное курение „(страхм)" и поздравляли его в момент разжигания с весенним „Шогуном". Священное курение повторно возжигали рано утром, до рассвета и также поздравляли с „Шогуном". Строгий запрет начинался с 9-10 часов вечера. С этого момента люди уже не ходили друг к другу, начинались часы предосторожности („соати ахтиёткорй"). Некоторые семьи приступали к приготовлению „боджа" с момента вступления запрета в силу в указанные выше часы. Как только начинали лить в котел воду для „боджа", сразу же закрывали дверь, подпирали шестом. Некоторые информаторы (кишлак Кушк — Поршневу) утверждали, что во время действия запрета, т.е. до закипания „боджа", можно было тихо разговаривать, но заходить или выходить из дома было нельзя; другие утверждали, что категорически запрещались разговоры и хождение (из дома и обратно). Даже во время начала разведения огня под котлом для варки „боджа" женщины, имеющие грудных детей, соблюдая предосторожность, сидели рядом с люлькой и следили за поведением ребенка и, как только замечали, что он собирается заплакать, сразу же давали ему грудь.

Отметим, что до начала приготовления „боджа", вечером, каждая семья готовила ритуальные блюда в честь праздника. После еды читали молитву и затем приступали к готовке „боджа". Огонь разводил сам хозяин и говорил: „Во имя бога милостивого и милосердного" — и поздравлял его с наступлением весеннего „Шогуна". На четырех ушках котла в виде поздравления ставили куполообразные комочки муки („бун"): на переднем — пшеничную, на противоположном — просяную, а на других — ячменную и бобовую. В этом „поздравлении" проявляются пережитки магических верований, соблюдение которых „обеспечивает" в доме много муки от разных злаков. Это подтверждается дальнейшими обрядами гадания: если „бодж" начал кипеть возле ушка с пшеничной мукой, то говорили, что в этом году будет большой урожай пшеницы, присутствующие радовались. Если он закипал возле ушка котла с просяной мукой, то ожидается хороший урожай проса и т.д. Но когда „бодж" закипал в середине котла, этот признак считался плохим предзнаменованием: в наступающем году в крае будет беспокойно, возможна война. Все молча переживали, сочувствовали друг-другу. После того, как „бодж" закипал, уже разрешались разговоры, но еще действовал запрет на вход и выход из дома.

Интересный магический обряд совершали в Поршневе, когда засыпали пшеничную крупу в кипящую в котле воду. Положив скалку⁶² на котел, глава семьи сам, засыпая крупу в котел, сыпал ее прямо на скалку и произносил: „Во имя бога милостивого и милосердного, во имя доброго намерения, чтобы урожай был обильным, долой голод” — „Бисмиллохи рахмону рахим, ба нияти серхосили, дафни гурусна-гй”. Если на скалке задерживалось много крупы, то считали, что в наступающем году будет хороший урожай зерновых культур. Кроме того, скалка с задержавшейся на ней крупой была символом колоса пшеницы такого большого размера. Если крупа не задержалась на скалке или задержалась в небольшом количестве, говорили, что урожай будет маленьким или средним. В Рушане это первоначальное понятие обряда уже стерлось, сейчас это действие со скалкой производят с чисто практической целью, т.е. узнать, ровно ли котел стоит над очагом. В Гунте (кишлак Вийиб) крупу, по обычаю, сыпал в котел не хозяин, а целомудренный мальчик (лет 9-10). Его заранее учили, что надо сказать во время засыпки крупы на скалку, и он говорил: „Во имя бога милостивого и милосердного, чтобы не было мороза, чтобы урожай собрали богатый, чтобы в крае было спокойно, чтобы был мир и богатый, изобильный урожай”. Старались выбрать мальчика, „похожего на Весну”, радостного, здорового, чтобы имел легкую руку. Надеялись, что процесс вегетации растений будет поэтому легким и благополучным.

В долине Гунта, в кишлаке Танг обрядовые действия со скалкой выполнял старик, верующий, богоишущий. Он зажигал огонь под котлом, в котором будут варить „бодж”. По народному представлению, это обеспечивало всем членам семьи долгую, до глубокой старости жизнь, обилие в новом году. Кроме прочего старик еще просил: „Во имя весны, чтобы никто не болел в нашем доме и чтобы болезнь не пришла”. В Поршневе, когда кипел „бодж”, для его помешивания использовали чаще всего специальную деревянную лопаточку, которую применяли, как мы выше отметили, при размешивании „бата”. Помешивающий повышенным тоном обращаясь к Деду-Земледельцу, говорил: „Э, Дед-Земледелец, подари нам обильный урожай, спокойствие, мир и здоровье членам семьи и родину нам подари” — „Э, Бобои-Дехкон, ба мо ҳосили зиёд бахшиш кун, тенҷию амони ва саломатии аҳли оила ва диер насиб кун”.

В долине Гунта, в кишлаке Сидж, после закипания „боджа” старик-хозяин выходил из дома за дровами и, возвратившись, произносил, обращаясь к домочадцам: „Поздравляю с весенним Шогуном”,

— его поздравляли, а хозяйка осыпала его правое плечо небольшим количеством бобовой или ржаной муки („махта”)⁶³. С этого момента время действия запрета („киш”) прекращалось, но не для всех каумов и селений, хотя уже было 10-11 часов ночи. В некоторых семьях запрет длился еще дольше. Например, „бодж” кипел в котле два-три часа. После этого его перекладывали в большие глиняные кувшины, которые ставили на ночь в очаг под жар-огонь до утра („хавдег”), сверху закрывали одеялом — тогда считали запрет оконченным.

В Шугнани в долинах Гунта и Пянджа, в некоторых кишлаках в ряде семей запрет продолжался с момента начала варки „боджа” до 6-7 часов утра, пока не совершали магических действий разбрасывания земли (глины) на поле. Только после этого запрет снимался совсем. В тех семьях, где „бодж” не варили, довольствовались одним ритуальным блюдом, приготовленным из сыра („курут”) с маслом, или с молоком и маслом („хувдашав”). У них запрет („киш”) начинался после того, как убеждались, что больше никто из соседей к ним не придет и они сами из дома не будут выходить, так как уже готовятся ко сну. Тогда глава семьи вносил миску с землей (глиной) из „далидза” („пехвоза”) в дом и произносил: „Шогуни боёр муборак!”. Хозяйка тоже поздравляла его с весенним „Шогуном” и осыпала правое плечо хозяина мукой („махта”), на миску также сыпала немного муки, поздравляла ее как живого человека. Этот момент и есть начало запрета („киш”), больше выходить и приходить в дом, особенно чужим, нельзя, дверь подпирают шестом и не открывают до тех пор, когда надо выполнять обряд разбрасывания глины на поле. Нарушение запрета, по поверью, влекло за собой непредвиденное несчастье. Если в течение года возникла эпидемия какой-нибудь болезни, увеличивалась смертность, гиб урожай или его часть, или хищники нападали на стадо, то во всем этом винили человека, нарушившего запрет „киш” во время праздника. Поэтому в каждой семье строго придерживались правил запрета. Информаторы сообщили, что запрет так строго выполняли, что, когда однажды в Поршневе во время приготовления „боджа” на стадо мелкого рогатого скота напали барсы („паланго”), никто не вышел из дома, пока не кончился запрет. Барсы уничтожили около трехсот овец и коз. Хозяин и домочадцы слышали шум и беспокойство стада. Они дали понять друг другу об этом мимикой, но хозяин дома не разрешил нарушать запрет. Слух об этом дошел до пира Сейида Юсуф Али-Шо. Он ругал хозяина дома за глупость и тогда определил время запрета („киш”) — от начала разжигания

огня под коглом до начала кипения „боджа”. С тех пор запрет действует только до полутора часов. В Рушане, в кишлаке Вомар запрет („киш”) во время разжигания светильника для изготовления „боджа” был совсем отменен по просьбе И.И. Зарубина.

В долине Гунта в кишлаке Сидже с нарушением запрета связано поверье, что если нарушить „киш”, то зерновые культуры от времени прорастания до созревания будут болеть болезнью „сытрезак” (буквально — „суховея”) или болезнью „красная пыль” („сурха”, т.е. „ржавчина красной пыли”). При этой болезни колосья становятся мокрыми, липкими и колос сгнивает так, что весь урожай погибает.

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что эти обычаи и обрядовые действия имели древние корни происхождения, но все были связаны с определенной крестьянской работой, ее сроками и режимом. Принеся миску в дом, хозяин ее ставил на выступ очага („дзингак”), где постоянно разводят священное курение. Обычно это происходило около 11-12 часов ночи. Разводили священное курение, поверх земли (глины) клали специальную круглую подушку („рафида”), на которую обычно для выпечки кладут лепешку из сырого теста, прилепляя ее к раскаленным стенкам очага. Поверх „рафиды” клали две лепешки („пухта”) и, накрыв платком, оставляли до шестисеми часов утра. Прежде чем землю (глину) занести домой, крестьянин обязательно совершал ритуальное омовение и читал молитву. Этим завершались вечерние обряды в начальный период праздника. Рано утром, в пять или шесть часов, хозяин, встав первым, произносил: „Во имя бога”, затем, сняв платочек, покрывавший чашку с землей, „рафиду” и лепешки („пухта”), брал это все с собой и выходил, соблюдая все правила против „неблагополучной звезды” („ситораи нахс”), если она оказывалась напротив двери его дома. В Шугнane существовали разные мнения о силе влияния „неблагополучной звезды”. Например, в кишлаке Вийиб нам сообщили, что не следует так глубоко быть убежденным, что если пойти против „неблагополучной звезды”, то она может „сжечь”. Иногда люди по незнанию нарушали обычаи. Тогда звезда не „обижается” на таких людей, „не будет мстить”, наоборот, она „прощает” („мебахшад”). По этому поводу существовал очень интересный миф. Крестьяне как-то спросили у халифы, когда мы должны вынести семена? Халифа обманул их, ответил: „Завтра” — „Фардо”, — и указал „счастливые часы”. Назавтра все крестьяне кишлака вышли на первую пахоту и сев, но сам халифа приступил к работе не в тот день, а на день позже. Когда он, взяв семена, пахотное орудие

и волов пошел в поле, вдруг впереди появилась женщина и прошла мимо него, а он, увидев женщину, очень огорчился и спросил ее, почему она „перебила” его „добрые” и „счастливые часы (время)”. Женщина в ответ соглашается помочь впрячь волов („чур мекунем”), поворачивается и идет на поле, на котором халифа намеревался начинать пахоту. Там женщина впрягает волов в орудие и спрашивает его, почему он обманул крестьян, а сам не вышел вместе с ними. „Я та звезда⁶⁴, которую зовут „неблагоприятной” („нахс”), и теперь накажу тебя”. Женщина моментально исчезла, а волы в этот момент начали драку друг с другом и убили один другого. Сына халифы вскоре застрелили, в тот год у него не было урожая, и он совсем разорился, а крестьянам сопутствовало благополучие („саъд”), они собрали обильный урожай.

Когда землю (глину) выносили из дому, необходимо было избегать встречи с кем-либо, а главное чтобы „звезда неблагоприятия” не стояла прямо перед лицом выходящего. В Шугнane, в кишлаках Танг (долина Гунта) и Поршневе (долина Пянджа), если „звезда неблагоприятия” была прямо против двери, поступали так же, как в Бартанге и Рушане: выходя, лицо поворачивали либо налево, либо направо и первые семь шагов пятились, после чего считалось, что опасный момент миновал, поворачивались и шли обычно. Многовековые наблюдения над положением на небосводе „звезды неблагоприятия” в кишлаке Мун (долина Гунта) показали, что она чаще располагается на Востоке или Западе. Если входная дверь дома была обращена на Восток или Запад, то дверь террасы („далидз”, „пехвоз”) делали в направлении Севера или Юга, это — „чапдар”, когда человек выходит из основного дома, поворачивает налево либо направо в „далидз”, а когда выйдет из него, то эта звезда оказывается сбоку. Такую постройку дома называли „домом благополучия” („чид саъд”, „чапдар саъд”). На всех праздниках при соблюдении обрядов и для начала крупных дел такая планировка спасает членов семьи от действия „звезды неблагоприятия”. В кишлаке Мун землю (глину) всегда выносили и выбрасывали, по обычаю, в сторону („кибла”) на Запад. По сведению информатора, не во всех домах направление входной двери сочетается с дверью „далидза”, все двери имеют одинаковое направление. В кишлаке Дебаста все двери в одном направлении, поэтому эти дома считались „домами неблагоприятия” („нахс аст”). Когда надо выходить из дома, соблюдая обрядовые действия, всегда пятятся („пуштнокй”) до семи шагов, а потом идут обычно. Когда выходили из дома напра-

тив звезды, то миску с землей, рафидой и лепешками прятали с левой стороны под мышкой, а разбрасывая землю, приговаривали: „О, Дед-Земледелец, помоги нам в крестьянской работе” — „О, Бобои-Дехқон ба кори дехқонӣ мадад”. Разбрасывание земли имитировало посев зерновых культур. Только в одном кишлаке Танг от всех видов зерновых по два-три зернышка помещали в глину и их разбрасывали на поле, еще покрытое снегом. Когда разбрасывали землю (глину) („сыт зывест”, „сыт зедов”) в кишлаке Мун существовал интересный магический обряд. Крестьянин, закончив „сеяние” земли, брал обе принесенные с собой лепешки („пукта”), ровно клал их друг на друга и за один раз, широко открыв рот, от обеих лепешек откусывал кусок и проглатывал его. Этот акт должен был, по поверью, принести достаток на весь год. После этого он клал лепешки на подушки „рафида” и нес их в миске обратно домой. При входе в дом сперва через порог он протягивал миску с ритуальными лепешками („пукта”), потом входил с правой ноги, чтобы благодать всегда была впереди во всех начинаниях хозяйственных дел. Войдя и став между параллельными столбами, хозяин поздравлял всех с наступлением весеннего „Шогуна”. Хозяйка заранее приготовленной мукой („махта”) осыпала правое плечо хозяина и одновременно его поздравляла. Хозяин миску с „пукта” клал на выступ очага и поздравлял их с весенним „Шогуном”, хозяйка тут же возжигала священное курение („страхм”) и поздравляла его опять с весенним „Шогуном”. Возвращение „пукта” обратно в дом считалось возвращением благодати. Символ „благодати” — это имитация первой пахоты Деда-Земледаря, перед которой он сеет семена. Пока идет до конца поля и возвращается обратно, семена успевают прорасти и созреть. Дед-Земледелец жнет, обмолачивает зерно, мелет муку, печет лепешки. Вот так обобщали крестьяне начало и конец завершения крестьянских работ, воплощая их в деятельности Деда-Земледаря. После разведения „страхм” хозяин брал нож и одну лепешку разрезал на четыре равные части („бырух”), а хозяйка, вынув из очага кувшин с „боджом”, наливала его в блюдо. Во время разрезания лепешек и наливания в блюдо „боджа” поздравляли их с весенним „Шогуном”. Если мужчина первым поздравлял, то женщина в ответ его поздравляла и, наоборот, таким образом все время они взаимно друг друга поздравляли. Разрезанные лепешки ела вся семья по кусочку с „боджом”. Но в кишлаке Вийиб после возвращения в дом хозяин оставлял лепешки в „далидзе”, не вносил в дом, а потом их подавали как жертвенные ритуальные лепешки прохожим-путникам

или относили халифе. Хозяин, войдя в дом, поздравлял домочадцев, и все принимались за еду „боджа”. Если не готовили „бодж”, то эти лепешки ели с молоком и маслом („хувшдашав”). Разрезанные ножом на четыре части, ритуальные лепешки обозначают времена года — весну, лето, осень и зиму, четыре стороны света — Восток, Юг, Запад и Север, четырех святых мужского пола — Мухаммеда, Муртузо-Али, Хасана и Хусейна, покровителей мирового пространства (растений, животного мира и человечества в целом).

Утром остатки „боджа” посылали соседям и родственникам как „весть о наступлении весны”, а того, кто сам приходил в дом, угощали праздничным „боджом”. После трапезы читали молитву и специально никого не приглашали. В этот праздник не устраивали игр или развлечений, так как время было еще холодное, и снег еще лежал. Этим завершался праздник „Хирчизон”.

X

X

X

Как показывают наши материалы, у земледельцев Западного Памира начало сельскохозяйственного года отмечалось повсеместно, торжественно и в то же время с соблюдением многих запретов, часто связанных с небесными светилами.

В культе звезд и особенно в культе Солнца, кроме анимистических верований, возможно, проявляется и пережиток зороастризма, так как культ Солнца был главным у зороастрийцев, а под влиянием исмаилизма Солнце олицетворялось с богом-творцом, который по вероучению исмаилитов, как мы отмечали выше, существует вечно в виде сияния („нур”) и может воплощаться по своему желанию в кого угодно и во что угодно: в Солнце, ангелов, сатану, представителей духовенства, святых, предметы и т.п. Однако, несмотря на религиозную оболочку, домусульманские верования ярко проявляются в изучаемых обрядах. Особенно ярко проявляется культ плодородия в почитании патрона земледелия — Деда-Земледаря, несмотря на отождествление его под влиянием исмаилизма с первым человеком — Дедом-Адамом — праотцом всех людей. Подробно и строго последовательно земледельцы выполняют свои обрядовые действия, нацеленные на увеличение плодородия земли, урожайности и сохранение урожая. Весь цикл запретов направлен на увеличение урожая земледельческих культур и приплода скота.

Г.П. Снесарев пишет: „Всюду в Средней Азии Навруз был праздником весны, нового года, начала земледельческих работ. Чаще всего он совпадал с днями весеннего равноденствия.

Мы не будем касаться вопроса о происхождении двойного навруза

за (народного и официального), причин (пока еще недостаточно ясных) различных сроков его проведения ...”⁶⁵.

Как показывают наши материалы, земледельцы Западного Памира отмечали начало сельскохозяйственного года в разное время: в Вахане, Ишкашме оно совпадало с официальным Наврузом (днем весеннего равноденствия), а в Язгулеме, Бартанге, Рушане и Шугнане — это „Шогуни боёр” — по времени раньше на несколько недель. Это отмечал и М.С. Андреев,⁶⁶ однако не пытаясь объяснить.

Главное в этом народном празднике — получить обильный урожай и приплод скота в новом году. Поэтому народный календарь в отношении сроков проведения всех сельскохозяйственных работ (пахота и сев, первый полив, а перед этим ремонт и проведение оросительных арыков и т.д.) очень точен для каждой природной зоны, учитывает и климатические условия, и структуру почв, и освещенность солнечными лучами, которые в различных долинах отличались в зависимости от вертикальной зональности. С принятием ислама, официальный Навруз также отмечали, но позже народного „Шогуни боёр”, „Граваш”, „Хурпачор”, „Хирчизон” и т.п. Таким образом, можно считать одним из основных объяснений „двойного” Навруза народную практику начала сельскохозяйственных работ, обоснованную учетом многовекового опыта земледельцев о наиболее благоприятном времени для начала сельскохозяйственных работ, чтобы обеспечить обильный достаток в наступающем году во всем, в основе их хозяйства — в земледелии и скотоводстве.

ОБРЯДЫ, ВЫПОЛНЯЕМЫЕ ПРИ СЕВЕ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР (бобовых и пшеницы)

У всех припамирских народностей посев зерновых производят, разбрасывая семена (зерна) по площади поля перед запашкой, и пахота, и посев сливаются в единый трудовой процесс, успех которого и стремятся обеспечить, обращаясь с молитвой к покровителю земледелия Деду-Земледельцу.

В древности, по словам наших информаторов, бытовало представление о том, что на непаханой земле живут: поле („хасмон”), ангелы („фаришта”), пресмыкающиеся животные („хазанда”), в том числе и гады („газанда”), хищные звери („дарранда”), джин („џин”) и фея („пари”). Чтобы при подъеме целины они не вредили земледельцу

он во время очистки земли от камней и растений обращался к ним, вслух произнося: „Эй, сгоревшая земля! Мы тебя обводняем. Все ангелы, пресмыкающиеся, гады и т.д. уходите с этой земли. Вы свободны, мы здесь будем заниматься земледелием”. Верили, что после такого обращения все они уйдут и не будут обижены на крестьянина, не причинят ему беды, а крестьянин считал себя безгрешным, так как делал богоугодное дело.

Интересны магические обряды, связанные с севом бобовых культур в новом сельскохозяйственном году. В Ишкашме, в кишлаке Рын сеяли в первые сорок дней („40 бахр”) — весеннее сорокадневие — бобовые культуры. Как мы уже отмечали выше, в первый день Нового года хозяин выстругивал на приносимых ветках ивы символ стручков бобовых („роғ боқло”), брал семян бобовых больше того количества, которое требовалось для посева. Возвращаясь домой, хозяин нес 2-3 кг бобовых обратно, чтобы вернуть „благодать бобовых” („баракати боқло”) и сохранить весь год в доме. Из принесенных бобов приготавливали ритуальное блюдо („боҷ” — „бодж”). Сначала семена эти насыпали в корзиночку, сплетенную из камышового тростника в форме бартангской корзиночки „ситтак”,⁶⁷ и в течение недели два-три раза поливали холодной водой и ставили их на нары у очага, где потеплее. В течение недели бобы давали всходы (как пшеница для новогоднего „суманак” — солод) высотой в три-пять сантиметров, а зерна бобов набухали, становились крупными. Надеялись, что и урожай бобовых будет хороший, с крупными зернами. Прорастание семян бобовых в доме символизировало прорастание бобовых в поле. Как только появятся ростки, зерна чисто мыли и варили в котле в чистом виде без всяких примесей на очаге, куда бросали одну из частей принесенной в день Нового года ивовой ветви, имитирующей стручки бобовых (именно ту, которая была заткнута между балками потолка). На наш вопрос, почему именно ее берут при разжигании огня в очаге, нам отвечали: „Эрим хамин буд”, т.е. „Так положено”. Возможно, символическое значение „стручков” на ветке ивы перестало иметь значение, когда получили ростки из настоящих бобовых зерен? Может быть символическая сила, заключенная в имитированных „стручках” на ветке ивы, должна быть передана огню домашнего очага? Возможно, этим магическим действием хотели увеличить количество солнечного тепла, необходимого для выращивания обильного урожая бобовых, так как, по народному поверью, теплота, излучаемая солнцем, считается одним из основных условий развития растений.

ности, в том числе и для созревания зерновых культур. Сварив „бодж“, до еды берут горсть его и несут на поле, на первый участок пашни под бобовые. Там часть зерен закапывают в землю, а часть приносят обратно в дом, чтобы вернуть „благодать“. При этом обращались к пашне со словами: „Мы тебе дали много крупных зерен, ты нам подари такие же крупные зерна и обильный урожай“. Это еще одно свидетельство одухотворения поля.

Интересные обряды у припамирских народностей связаны с посевом пшеницы. Когда выносили семенную пшеницу из дома в день ритуальной „первой борозды“ с моделью пахотного орудия для того, чтобы обеспечить хороший урожай с крупным налитым зерном, то жарили один-два килограмма пшеницы („дин“).⁶⁸ Зерна при жарении вздувались, становились очень крупными. Эту жареную пшеницу ели все члены семьи, ею угощали родственников и соседей. Зерна пшеницы жарили вторично, через несколько дней после Нового года, когда начинался интенсивный сев зерновых. Считалось, что жареные зерна пшеницы обладают чудесным свойством предохранять от действия „тяжелого следа“ („пай мемонад“) чужого человека, о чем было подробно нами сказано выше. Как и при севе бобовых, после начала посева пшеницы, хозяин также приносил домой часть оставшихся после сева зерен, якобы возвращая „благодать“ („баракат“) обратно в дом. Вместе с тем жареная пшеница рассматривалась как символ увеличения поголовья мелкого рогатого скота („мол“) в наступающем новом году. Во время весеннего окота жарили зерна пшеницы для молодняка — ягнят („вурук“), козлят („штунку“). Положенная часть пшеницы („туша“) для ягнят называлась „тушаи вурук“, для козлят — „тушаи штунук“, т.е. „тушаи мол“. В „счастливый день и час“ (по определению халифы) все односельчане должны были одновременно выпустить молодняка для „ритуального выпаса“ на полчаса-час в отведенное специально для этого место вне своей усадьбы, но, чтобы животные одного хозяина не встречались с другими, выгонять их надо было тайне от соседей, чтобы никто не видел, не сглазил. Обычно этот обряд совершали в среду („чоршанбе“)⁶⁹, реже — в четверг („панчшанбе“). В момент выгона их из хлева хозяйка брала бобовую муку в миску, опускала в муку правую руку и в хлеву на расстоянии 10-15 см выше двери и по бокам двери, вокруг дверного проема оставляла четыре-пять отпечатков „пятерни“, а выходящим из дверей хлева животным осыпали мукой голову, шею и спину. Другая женщина, держа чашку с жареными зернами пшеницы, при выходе

животных со двора бросала им немного зерен под ноги. На ритуальном „пастбище“ животных осыпали жареными зернами пшеницы и там же под землей, под камнями (двух и более) прятали по несколько десятков зерен, чтобы жизнь животных, во-первых, была крепкой, как камень, долгой, а во-вторых, чтобы принести жертву духам камня, растений, ангелам („фаришта“), местности („хасмон“), которые увеличили бы поголовье скота, послали больше травы, молока и масла, чтобы скот не болел и их не съели хищники (волк, барс), было спокойствие и счастье в новом году людям. Через полчаса-час пастбы животных загоняли обратно в хлев. Дома для семьи готовили какое-либо вкусное блюдо. После этого обрядового действия молодняк могли в любой день выгонять со двора пастись.

В рассмотренных нами обрядах, выполняемых по обычаю при севе основных зерновых культур в этом высокогорном регионе — бобовых и из злаковых — пшеницы, ярко проявляются реликты имитативной магии, магии плодородия и культа поля, самой земли, которую вспахивают и засевают. В обрядовом действии „кормления“ поля „боджом“ — ритуальным блюдом, ярко проявляется одухотворение его.

С культом плодородия и магией оберега связан обряд, совершаемый над молодняком весеннего окота.

РЕЛИКТЫ КУЛЬТОВ ВОДЫ И БЫКА

У всех припамирских народностей⁷⁰, населявших высокогорные долины Западного Памира в XIX — начале XX века, среди многих земледельческих обычаев и обрядов, как и у других оседлых пашенных земледельцев-ирригаторов и скотоводов высокогорных засушливых долин сопредельных местностей, значительное место занимал комплекс обрядов, связанных с культом плодородия. Из них значительный интерес представляют пережитки культов воды (без искусственного орошения в этих регионах земледелие невозможно)⁷¹ и быка (вол здесь основной и единственный тягловый рабочий скот). Эти культы имеют древнюю традицию.

С.П. Толстовым было доказано восхождение истоков сакрального значения быка к древнейшим тотемическим представлениям народов Востока⁷². Г.П. Снесарев подчеркнул, что в хозяйстве древних земледельческих народов Востока бык занимал особое место, выступая в связи с водой и растительностью: „У народов Индии, Средней и Перед-

ней Азии, Средиземноморья образ быка, воплощающий силы плодородия, был тесно связан с культом воды, особенно там, где сельскохозяйственное хозяйство было невозможно без искусственного орошения⁷³. Г.П. Снесарев напоминает, что связь быка со стихией воды прослежена К.В. Тревер. Ее анализ материалов, связанных с изображением человека-быка Гопатшаха на фрагментах глиняного сосуда, найденного в 1939 году во время археологических раскопок в Тали-Барзу близ Самарканда, достаточно убедителен. Она приходит к заключению: „Примитивное мышление человека в различных странах на сходном уровне своего развития связывало охрану оросительной системы или воды, вообще, с образом быка. Гопатшах, сторожащий быка Ходайаш, это правитель (?) области Гава, покровитель или хранитель орошения данной местности.“⁷⁴ Далее К.В. Тревер пишет: „В мифе о Гопатшахе мы уже видели связанность воды и орошения с образом быка“⁷⁵. Она обращает внимание на то, что „в зороастрийских гимнах образы человека и быка лежат в основе всего сущего — и в Младшей Авесте, отражающей культуру уже земледельческого периода, бык и в жизни, и в культе играет первейшую роль“.⁷⁶

Наши материалы свидетельствуют о том, что вода — основа жизни, основа земледелия в этом засушливом регионе. С ней связано много других обычаев и обрядов, переосмысленных на протяжении веков под влиянием религиозной мусульманской (исмаилитской) идеологии.

Появление воды, согласно традиционным преданиям в долине Язгулем, жители кишлака Будун связывали с жемчугом („гавхар“). По велению бога якобы появился жемчуг, но бог смотрел на жемчуг „косым взглядом“, холодно. От этого жемчуг превратился в воду, и она заполнила весь мир. Вода — это чудо („муъчиза“) бога. Именем воды давали клятву („қасам хӯрдан“), воду почитали и твердо верили в ее чудодейственную силу. Только именем воды женщины и дети давали клятву: „Ба ҳаққи об ки ҷамоли парвардигорро дидааст, ин хабарро нашунидам“ — „Именем воды, которая видела лик бога, я не слыхала этого“.

По поверью, вода хранится в „казне“ („ҳазина“), которая закрыта цепью и замком, ею распоряжается пророк Мункоил, а он подчиняется богу. Пророку Мункоилу также подвластны все осадки (дождь, снег, град). Он каждые сутки (через 24 часа) отчитывается перед богом: в такой-то части Земли образовалась пустыня и деревья, травы остались без влаги, а такое-то место уже в течение суток получило

влагу в виде осадков. Бог после отчета Мункоила разрешает по его желанию посылать осадки туда, где требуется вода. Дождь, снег, по поверью, являются „благодатью бога“ („борон, барф раҳмати худо аст“). Тут ярко прослеживаются корни поверий, уходящих в глубокую древность, именно к языческому периоду обожествления сил природы. Вышеприведенные сведения, связанные с пророками, по происхождению очень позднее явление, т.е. после распространения ислама, заменившего имена первоначальных языческих богов. Это еще ярче проявляется в культе воды рек. Например, реки Язгулем, родников, минеральных источников. Река Язгулем, правильнее „Юздом“, считалась обладающей „благодатной водой“ („оби раҳмат“). Она стала такой, потому что, по поверью, в ее верховьях находится гробница святого Нури Ато, которая среди широких масс известна как „Мазар Искандара“ („Мазоры Искандар“). Воду реки Язгулем считали целебной, излечивающей от головной боли и различных внутренних болезней. Эти целебные свойства связывали с тем, что вода протекает около склена святого. Такой же „благодатной“ является и вода реки Ванч (правильнее „Вандж“ — „дарёи Ванҷ“), так как в ее верховьях находится склеп Садри Ато, который известен среди простого народа под именем расположенного там последнего кишлака „Пой мазор“. Из-за святости „Пой мазор“ вода реки Вандж, как и Язгулема, считалась „благодатной“. Такой же „благодатной“ считали воду реки Хингоу („Хингов“), протекающую близ мазара „Бадри Ато“ в Сангворе, который известен среди горных таджиков под именем „Ҳазрати Бурх“.⁷⁷

В нижней части реки Язгулем, т.е. там, где река выходит из ущелья, находится мазар другого святого „Андарғаз“.⁷⁸ Его настоящее имя было „Андарбағр“. По преданию он был неверным („кафир“), имел крепость в кишлаке Андарбак. В прошлом каждый проходящий по дороге бросал камень в его склеп, т.к. его считали „неверным“. Так с течением времени вокруг его могилы образовалась большая куча камней. Постепенно забылось, что Андарғаз был „неверным“, и уже в конце XIX века почитали его могилу как мусульманский мазор и приносили около его склена жертвоприношения.

По сообщениям информаторов, по причине „благодати“ этих двух мазаров река Язгулем стала почитаемой. Когда верующие язгулемцы, проживающие в настоящее время в центральных районах Таджикистана, подъезжают к мосту через реку Язгулем, то слезают с машины и говорят: „Напьемся воды покровителя истоков воды Пророка Ильёса (Илья — пророк, прежний языческий бог-громовержец у древних

славян, впоследствии вошедший в христианский православный пантеон святых и воспринятый исламом) чтобы он благословил нас" — „оби пири Сароб", пить воду из этой реки Вселенной — „дарьёхри дуньё". Ильёс-пророк („пайгамбар") постоянно выбирал себе место для жилья среди высочайших горных хребтов, недоступных для людей, так как, по поверью, живет он внутри этих гор. Пророком-покровителем суши, т.е. Земли, является Хизр. Он выбрал себе место для жизни на дне океанов („таги бахр"). Когда человек хочет переправиться через реки, то он должен повернуться лицом в сторону горы, так как „покровитель реки" там живет, и сказать: „Э, пророк Ильёс, вы являетесь покровителем реки, переправьте меня живым и здоровым через эту реку" — „Ё, Хазрати Ильёс, ки пири дарьёи мора аз хамин дарьё сихату саломат бигзарон".

Родники („чашмахо"), возле которых святые отдыхали, или совершали свои чудеса, или высказывали изречения, почитались.⁷⁹ В кишлаке Джамак в прошлом были почитаемы святые родники „Гархех", „Дару даргов", „Вуензур" (вернее — „Вуендур"). Возле этих родников отдыхали святые Нури Ато, Садри Ато, Бадри Ато.

Торжественно отмечали начало весенних поливов. До этого ремонтировали старые и проводили новые арыки. При чистке арыков первым должен был приступить к этой работе в „счастливый день и час" человек („хушпойқадам") с „легкой рукой", приносящий „благодать" себе и односельчанам. Таких людей называли в Язгулеме „файгунай" или „шогунй". Они олицетворяли „Деда-Земледелца" („Бобои-Дехқон"). „Шогун" первым начинал копать русло нового канала или удалять из головных частей старый мусор. После него могли начинать работу остальные. Но прежде всего до начала работы все односельчане в честь покровителя воды устраивали общественную трапезу, приобретали жертвенное животное, обычно одну корову или быка. Взамен ее хозяину собирали с каждого хозяйства определенное количество зерна разных культур. Все хозяйства в назначенное время пекли лепешки. Жертвенное животное отводили в „счастливый час" к началу головного канала, родника или арыка и там резали так, чтобы кровь стекала в воду. Г.П. Снесарев приводит интересные в сравнительном плане сведения о том, что в Хивинском ханстве в XIX — начале XX века совершали весной обряд жертвоприношения быка в момент пуска воды в магистральный канал после его очистки. Быку подрезали шею и бросали в поступающую воду. В других вариантах этого обряда, отражавших локальные особенности, быка бросали в реку Амударью или только

его кровь спускали в воду.⁸⁰ На Западном Памире только кровь спускали в воду, а самого быка использовали для ритуального угощения. Чаще всего резали животное в момент захода Солнца, а к утру, к восходу Солнца уже успевали для всего кишлака приготовить мясной суп. Мужчины и юноши, взяв с собою деревянное блюдо и четыре-шесть тепешек, шли к месту общественной трапезы. Рассаживались, согласно этикету, по своему положению и возрасту. На трех человек подавали одно блюдо. После еды читали молитву. Оставшееся мясо и лепешки, а иногда и суп распределялись между семьями.

После этого „шогун" первым приступал к ирригационной работе, он первым пускал воду на свой участок земли, а после него полив начинали другие хозяйства. Но „шогун" в Язгулеме каждый год до общественного начала полива сам на один день или раньше в „счастливый день и час" резал овцу или козу, приглашал к себе муллу, аксакала, несколько стариков, обычно — глав патриимии или больших семей, угощал их, а потом читали молитву в честь покровителя воды. Там договаривались об общественном жертвоприношении. Жертвоприношение, совершаемое при первом поливе, отмечали известные советские ученые Н.А. Кисляков⁸¹, К.А. Богомолова⁸², М.С. Андреев⁸³, Л.Ф. Моногарова⁸⁴. Таким человеком („файгунай") в кишлаке Джамак был Негматов Султонвазир, который всегда первым начинал поливать свою землю. Если кто-нибудь посмел нарушить этот обычай и начал полив первым, до „файгунай", то все односельчане его осуждали, а все болезни, несчастье или плохой урожай ставили ему в вину, презирали не только его самого, но даже всех членов его семьи. Каждая семья перед тем, как начать полив своего поля, устраивала ритуальную трапезу, приглашая в первую очередь родственников и соседей. Готовили ритуальные блюда из мясных и молочных продуктов. Иногда варили суп с яйцом: в кипящую воду опускали содержимое сырого яйца, крошили туда лепешку. После трапезы читали молитву: „О, бог, посев и нашу работу доводи до конца, чтобы было спокойствие, мир в крае, чтобы взрослые и дети были здоровы, омин, велик аллах". После чтения молитвы в честь покровителя воды и умиловления духов предков хозяин в назначенное время пускал воду на свое поле. Все это способствовало удачному поливу в вегетационный период, хорошему урожаю, здоровью и сытости всех членов семьи до урожая следующего года.

В кишлаках Вышхарв и Будун, где воды было мало (особенно в кишлаке Вышхарв), в жаркие дни года не хватало воды для полива,

поэтому пропадала часть урожая, погибали всходы из-за нехватки влаги.

В долине Бартанга в кишлаке Сипондж после окончания пахоты справляли „проведение воды в арыки”. В каждом доме пекли по четыре лепешки (они считаются жертвенными — „пухта”) и утром несли их вместе с молоком к мазару. Считалось, кто больше принесет молока, у того будет на полях больше воды. Мужчины съедали свою долю мазара, женщины относили домой. В начале XX века стали резать корову как жертвенное животное. После трапезы читали молитву 12 имамам и пускали воду в арыки. Пуск воды начинал Абдураим и другие „шогуны”, а потом остальные.⁸⁵

Для вызывания дождя прибегали к исполнению различных магических обрядов, в том числе гаданиям, устраивали жертвоприношения в честь покровителей воды.

Если весной долго не было дождя, совершали сначала магические действия, которые по обычаю не требовали больших расходов или участия всей сельской общины. Например, в Язгулеме практиковали такой прием имитативной магии: мулла писал заклинания на бумаге. Эту бумагу-амулет прикрепляли к одному из концов длинной ветки и втыкали ее на берегу ручейка, чтобы дождь лил, как течет ручеек, и земля стала бы влажной, как берега ручейка. Если это не помогало, то прибегали к другим магическим действиям. Из очень старой могилы вынимали череп.⁸⁶ Это делали тайне от односельчан. На черепе рисовали черным древесным углем брови, нос и рот, как у живого человека и, таясь от других, клали такой череп в укромном месте под воду в родник, ручеек или в реку Язгулем, но так, чтобы течением его не снесло. После этого, по поверью, выпадет желаемое количество осадков. Такой обычай бытовал в Вахане, Шугнана, Рушана.

Если дождь шел беспрерывно, люди уже предвидели угрозу камнепадов или селевых потоков, а также выхода воды из каналов, смыва почвы с полей, тогда вынимали из воды череп и зарывали его в том месте, где его взяли. По народному представлению, совершение этого обряда прекращало осадки. На наш взгляд, данный обряд можно рассматривать как пережиток человеческого жертвоприношения богу или покровителю воды, существовавший в отдаленные времена.

Если после этих двух магических обрядов не удалось достичь желаемого, то прибегали к общественному жертвоприношению: либо его совершали в каждом хозяйстве кишлака, либо устраивали угощение вскладчину. Либо брали одну корову и резали ее возле мазара, либо каждое хозяйство выделяло для жертвоприношения одну козу

или барана. Организация общественной трапезы в данном случае была аналогична вышеописанной. Наши информаторы нас убеждали, что после этих жертвоприношений обычно шел дождь, но иногда в течение такого длительного времени, что это грозило различными бедами (камнепадами, селевыми потоками, смывом почвы с пахотных земель, разрушением головных сооружений каналов), так что приходилось прибегать к магическим действиям, которые должны были прекратить дождь.

Чтобы прекратился дождь, в Язгулеме, в кишлаке Андарбак, брали поломанный тыквенный сосуд, который раньше использовался для воды („капор”), и сжигали его на крыше дома. В кишлаке Джамак при непрерывном дожде, если на несколько минут луч Солнца попадал внутрь жилища через светодымовое отверстие, зажигали один конец палки и касались им места, куда падал луч Солнца, и говорили: „Солнце, я тебя сожгу, а ты сожги тучу, чтобы прекратился дождь, чтобы твоя сила этим огнем приумножилась” — „Афтов ман тыра месузым, ты авра суз, борун бас шава, қывати ты ва ин алов зиёд шава”. Для прекращения дождя также делали иногда специальную куклу („вазок”, вернее — „вадок”), размером от 20 до 30 и более сантиметров, половину лица (левую) мазали черной сажей котла и втыкали эту куклу на участке пахотной земли, в чистом месте, чтобы ее не топтали дети или животные. Эта кукла олицетворяла „старуху”, которая якобы под дождем замерзает и молится богу о прекращении дождя. Ей надоел дождь, она протестует против продолжительных ливней и грозит, что уйдет из этого края, если не прекратится дождь. Аналогичные обряды совершали и в других долинах Западного Памира.⁸⁷

С пережитками культа быка связаны многие обычаи и обряды. По народному представлению, быка (вола) Архангел Гавриил (Джабраил Пайгамбар) привез из рая. Вол находился в раю по велению бога задолго до выдворения оттуда первого человека — Деда Адама. Так как Деду-Адаму надо было заниматься земледелием, чтобы существовать (ему, Еве и их детям), то Пророк Гавриил привел двух волов. Богу все было известно. Одновременно вместе с волами из рая привезли пахотное орудие с ярмом и все виды семян зерновых культур. Дед-Адам был изгнан из рая на остров Сарандев и туда же доставили волов, орудие и семена. Гавриил стал впрягать волов, но они сказали ему, что не хотят и не будут подчиняться Деду-Адаму, так как он, вероятно, будет бить их кнутом. Пророк Гавриил волам сказал: „Я свои крылья („пари худ”) над вашей спиной распахну. Если Дед-Адам

захочет ударить по вашей спине, то хлыст коснется только моих крыльев, а не вашей спины". После этого волю согласились работать с Дедом-Адамом. Вол, по поверью, считался священным животным, так как он происходил из рая, „райское животное", и был предназначен для Деда-Адама. Ругать его непристойными словами, бить ногой, кидать в него камнем, бросать на него грязный предмет — это большой грех, так как человек, бык (вол) и баран появились от „благородства" („шарофат") Деда-Адама, они принадлежат ему, так же как и все зерновые культуры. Если бы не было Деда-Адама, то человечество не могло бы создать себе материальные условия существования („неъматҳои модӣ ва зиндагӣ").

Верят, что когда священную книгу „Коран" спустили с неба, то ее нельзя было ставить на землю, в низкой местности. Чтобы открыть „Коран", была выбрана спина вола. Поэтому первая сура Корана „Бык" („Бақара") посвящена этому.

Бить вола по спине ни в коем случае нельзя, потому что это место Корана и ее защищают крылья пророка Гавриила. Вола во время пахоты можно слегка бить хлыстом только по бокам.

Когда впервые впрягли волов, Дед-Адам начал вести свою первую борозду („ких") от острова Сарандев („қазираи Сарандев") где-то в юго-восточной Индии до нынешнего города Ош („Ҳуш"). Дед-Адам, чтобы возвратить волов, сказал: „Возвращайся назад!" — „Ҳушке, хап поя!". Название горба Ош происходит от слова „хушке", где заканчивалась первая борозда Деда-Адама. Волю возвратились обратно на остров Сарандев, и таким образом он продолжал пахать. Занятие Деда-Адама — земледелие — перешло к людям.

В Шугнane, в кишлаках Сидж и Рошткала, вол („хиҷ"), по поверью, олицетворял человека, именно крестьянина. В честь быка (вола) устраивали, по обычаю, весной праздник, после которого вола начинали усиленно подкармливать („таъма"). С этого дня обращались с волами с особым чувством, помнили об их „святости". Их нельзя было обидеть, так как они могли принести несчастье в семью. Дело в том, что, по поверью, вся тяжесть труда земледельца якобы падает на их (волово) шею. Поэтому большой грех — головных волов впрягать в ярмо. Во время подготовки к первой пахоте надо чистить тело волов, не делать этого — грех. Поэтому волов старались содержать хорошо, следили, чтобы пол в хлеве был сухим, чистым, периодически чистили тело вола специальным железным приспособлением — скребницей („қарчаға"), рукой гладили шею, голову.

В день Первой пахоты, как об этом было упомянуто выше, перед тем как вывести волов и пахотное орудие на место проведения ритуальной первой борозды, на утренней заре волов вводили, а пахотное орудие (с ярмом) вносили в дом и как живого человека поздравляли с весенним „Шогуном" („Шогуни боёр муборак!"). Лоб, шею и горб вола и пахотное орудие осыпали мукой. В этот раз вола давали специальный комбинированный корм („молия") — солому, перемешанную с мучным киселем, и говорили: „Эй, вол, кроме тебя никто не может переносить тяжесть земли, приготовленный корм пусть будет честно заработанным" — „Эй, барзагов, ба ғайр аз ту заминро касе кашидан натавовад, ҳамин авқотворие, ки ба ту лозим аст, ҳалол бошад". После этого иногда волам давали по половине лепешки, выпеченной в форме языка вола („хиҷзевак"), и после того, как вола на определенном месте проводили первую ритуальную борозду, их останавливали, оставшуюся половину лепешки („хиҷзевак") макали в „кочий" и давали волам, а в кишлаке Мун (долина Гунта в Шугнane) ласкали уши волов и гладили за ушами, приговаривая: „О вол, будь бодрым и бдительным" — „О, Хиҷ, бедору хушёр бош". После этого правой рукой хозяин гладил, массировал шею волов (по три раза каждому вола). Иногда пахарь массаж шею волов (в месте, где держалось ярмо) делал правой ногой. Это считалось „ритуальным лечением", чтобы предотвратить „наступление болезни" в виде трещины на шее вола. После этого в уши волов хозяин клал комочек земли от первой борозды размером с косточку абрикоса и следил за волом. Если он сразу шевелил ушами и выбрасывал землю, то крестьянин считал, что вол выдержит с честью процесс пахоты, а если не шевелил ушами, то процесс пахоты будет неблагоприятным. В кишлаке Кала Рошткалинской группы кишлаков (Шугнан) пекли четыре лепешки в форме языка вола и четыре маленьких круглых „кульча", называемых „глаза вола". Эти ритуальные лепешки мазали „кочий" и угощали волов во время отдыха, рассматривая это как символ увеличения урожая зерновых культур в наступающем году, чтобы труд вола стал для хозяина дозволенным и чистым и чтобы вол тоже остался доволен ритуальным угощением.

У земледельцев Западного Памира культ быка проявляется в ряде земледельческих обрядов, связанных с патроном земледелия — Дедом-Земледельцем („Бобои-Деҳқон"): помет вола, вводимого в жилое помещение в день Первой пахоты (первой борозды), частично использовали для проращивания первых ростков злаков, а частично для изготовления „тубетейки Деда-Земледельца". Куча очищенного

зерна продолговатой формы („гардан“) на току считалась символом тела патрона земледелия — Деда-Земледельца, а украшение кучи — нанесение на ее поверхность лопатой горизонтальных и вертикальных бороздок — символизировало „одевание“ патрона земледелия, а кусок помета, который клали в углубление на поверхности верхней части кучи, считали „тюбетейкой Бобон-Дехқона“.⁸⁸ В этом обряде несомненно проявляется тесная связь культа быка с культом патрона земледелия. Пережитки этого когда-то, видимо, более пышного культа быка (вола) можно видеть в том, что быка приносили в жертву при различных обстоятельствах: если крестьянин находился при смерти, то его близкие (брат, сестра, отец, жена и другие) во время молитвы обещали принести в жертву для „худой“ („саркорй“) или живым „подарить богу“ — в лице его сделать подарок пиру, который имел право на это, потому что считался верующими исмаилитами непосредственным заместителем имама — бога, „покупателем грехов“ своих мюридов. Принесение быка в жертву перед пуском воды в канал после его ремонта или чистки, по народному представлению, должно было обеспечить необходимое количество воды на весь вегетационный период.

Анализируя приведенные выше обряды и обычаи, связанные с реликтами культов воды и быка, следует сделать заключение о том, что все они уходят своими корнями в глубокую древность. В них ярко прослеживаются пережитки анимистических представлений: одухотворение явлений природы, растительного и животного мира, вещей. Многие из обрядовых действий носят магический характер, а именно: в них проявляется имитативная магия, связанная с культом плодородия (например, обрядовые действия, исполняемые в день Первой пахоты, изготовление ритуальных хлебцев в виде бычьих языков и кормление ими волов и т.д.).

В настоящее время эти обряды, сохранившиеся в памяти и практике старшего поколения, изживаются, но воспитывается с детства глубокое уважение к рабочему скоту, уходу за волами, а также к рациональному расходу воды на орошение и бытовые нужды.

X

X

X

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя обычаи и обусловленные ими обрядовые действия, мы видим на примере изучаемой сельскохозяйственной обрядности, что основной ее целью было получение урожая и увеличение приплода скота.

Многие из обрядовых действий являются магическими, связанными с культом плодородия. Имитативная магия, проявляющаяся в культе плодородия, ярко выражена в ритуальных действиях при надевании овчинной шубы мехом наружу, чтобы всходы были такими же густыми, как мех. К имитативной магии относятся и изготовление ритуальных лепешек — специальных хлебцев в виде загонов со скотом и с чабаном, в виде бычьих языков, а также печенья в виде фигурок овец, коз и других животных и т.п.

Очень ярко в обрядовых действиях прослеживается древний культ предков: во время приготовления ритуального блюда „бат“, оставляет миску „бата“ во имя духов предков, во время новогодней трапезы во имя духов предков крошат лепешку, во время празднования „Наврас“ — начало жатвы, ритуальное угощение каждое хозяйство относилось в дом старейшего главы своей семейно-родовой группы и т.п.

Анализ проявления пережитков культа предков (в настоящем исследовании мы не касаемся его значения в семейной и брачной обрядности) у земледельцев Западного Памира свидетельствует о его непосредственной связи с культом плодородия. Это доказывают обряды, исполняемые в дни встречи нового сельскохозяйственного года. В этом цикле обрядов можно проследить и стертые, зачастую уже переосмысленные следы культа умирающей и возрождающейся вновь природы.

Культом плодородия проявляется также в некоторых развлечениях: игра в яйца, качание женщин и девушек на качелях, которое некоторые исследователи считают обрядовым действием, имитативно-сексуальным по отношению к божеству плодородия.⁸⁹

Качание на качелях широко распространено у народов мира, но наиболее тесно связано с весенними календарными обрядами у сельскохозяйственных народов Востока: у корейцев, мяо и яо в КНР, мео-зао Вьетнама, в Лаосе и Таиланде. Это обрядовое качание здесь совершают юноша и девушка, причем ей принадлежит право выбора партнера.⁹⁰ Качание на качелях — элемент пасхального праздника у восточных (в т.ч. у русских) и южных славян, у греков, у народов Прибалтики.⁹¹ У народов Европы в весенних календарных обрядах качание на

качелях или действия, имитирующие его, считаются магическими приемами плодородия.⁹² Со временем, утратив свои магические функции во мнении людей, качание на качелях превратилось в развлечение, сопровождающее народные гуляния в дни общественных праздников.

Такое широкое распространение качания на качелях как элемента календарной весенней обрядности у земледельческих народов мира свидетельствует о глубокой древности его происхождения и его отношения к общинной родовой и позже соседской общинной обрядности.

С.А. Токарев подчеркивает, что каждая форма общественной жизни порождает „адекватную ей форму религии ... сельская община — аграрные (сельскохозяйственные) культы. Хотя сельская община в ее развитом виде исторически приурочивается к рубежу между доклассовым и классовым обществом, но корни ее, как корни земледельческого хозяйства, уходят в гораздо более отдаленную древность ... поэтому и зачатки аграрных культов мы имеем основание искать в этой более отдаленной эпохе у примитивных земледельцев. Там мы их и находим”.⁹³

В рассматриваемых обычаях и обрядах проявляется и их социальная сущность. В жизни кишлачной общины сочетаются общинные (патронимические и соседские) и частные семейные начала. Этот своеобразный дуализм кишлачной общины оказал влияние на переплетение общинных и частных, семейных обрядовых действий в праздновании Нового года, в проведении Первой борозды с общественной трапезой и предшествующие этому обряды, совершаемые в доме, поведение человека, остерегающегося встречи со „звездой неблагополучия” и другие. Частный, семейный характер носят большинство из магических действий, совершаемых в доме, в кругу семьи в дни празднования начала Нового сельскохозяйственного года, в том числе введение вола в дом и его кормление, нанесение мукой рисунков на закопченные стены жилища, отапливаемого по-черному и т.п. Общинный характер проявляется в обрядах, совершаемых в день Первой пахоты, в выполнении различных запретов, сопровождающих каждый этап обрядовых действий во время Нового года — Навруза („Шогуни боёр”), в том числе запрет (табу) на посещение чужими дома и даже кишлака в определенное время празднования Навруза. Обычаи и обряды, связанные с началом нового сельскохозяйственного года и с культом патрона земледельца, показали, что эти обрядовые действия возникли в глубокой древности и, несмотря на исламизацию некоторых из них, в этих обрядах ярко проявляются домусульманские верования. Многие из

них, утратив свое смысловое значение, в наше время превратились в веселые народные праздничные развлечения (качание на качелях, игра в „битки” крашенными яйцами, борьба, скачки и т.п.). Ритуальные настенные рисунки утратили прежний магический смысл. Теперь часто символическое изображение стада (точками), рассматриваемое как своеобразный геометрический орнамент, окружают реалистические рисунки Солнца, Луны, искусственных спутников Земли, космических кораблей.

Совершенно прав С.А. Токарев, отметивший, что „различные календарные, земледельческие, скотоводческие, промысловые обряды выросли не из суеверных религиозно-магических идей, а из трудовой практики древнего человека, охотника, земледельца. И лишь позже эти обряды стали осмысливаться как магические действия, колдовские заклинания для повышения урожая, привлечения дичи или рыбы, изменения погоды, а еще позже соединились с представлениями о духах и богах, осложнились разными молениями, жертвоприношениями, священнодействиями”.⁹⁴

Анализ наших материалов показывает, что хлеб выполнял две функции: как основной пищевой продукт в повседневной пище и обрядовые функции в дни аграрных календарных праздников в виде зерна, либо уже будучи специально испеченным. Обрядовое потребление хлеба свойственно многим народам.⁹⁵ Обрядовые функции хлеба проявляются не только в ритуальных действиях аграрных праздников, но и в магических обрядах свадебного и погребально-поминального циклов и т.п. У земледельцев Западного Памира почти во всех обрядах основным элементом являются лепешки в качестве жертвоприношения („пукта”).

Следует обратить внимание на то, что жертвоприношение животных в день Первой борозды, при проведении и чистке оросительных каналов, многочисленные при этом подарки духовенству ложились тяжелым бременем на плечи трудящихся. Ведь многие народные анимистические верования, такие как комплекс многочисленных обрядов культа плодородия, культа воды и быка, были в течение веков облечены в религиозную мусульманскую (в т.ч. исмаилитскую) оболочку и в XIX — начале XX веков строго соблюдались верующими. В настоящее время в результате социалистических преобразований в экономической и культурной жизни они почти исчезли из повседневной практики и сохраняются только в памяти верующих стариков.

Изучение этих обычаев и обрядов имеет большое научно-прикладное значение, особенно при решении проблем хозяйственно-культурной

типологии народов мира. Совершенствование унаследованного от предков трудового опыта в организации сельскохозяйственных (как и других сельскохозяйственных) процессов, основывалось на практическом применении наблюдений за изменением климатических особенностей сезонных периодов года. Крестьянину необходимо было, опираясь на точные знания периода наступления заморозков, длительности зимнего периода и определенного прогревания почвы при наступлении весны, не пропустить предельных сроков пахоты, сева, жатвы, обмолота и т.п.

Эмоционально-психологическое действие обрядов на чувства личности человека прекрасно понимали все служители культов, начиная от племенных жрецов до духовных деятелей мировых религий — иудаизма, христианства и ислама. Учитывая это, многим подлинно народным обычаям и обрядам также была придана религиозная окраска, в том числе и связанным с сельскохозяйственной деятельностью. Поэтому все то, что связано с практической стороной дела, со сроками проведения определенных сельскохозяйственных работ, выбором культур для определенной почвы, выдержавших испытание временем, должно быть освобождено от религиозной оболочки и учтено для практического использования в современном сельскохозяйственном производстве.

Подлинно народные традиционные праздники Весны, начала Нового года — Навруза, окончание жатвы и уборки урожая, освобожденные в настоящее время от религиозного осмысления, могут занять свое место в современной семейной и общественной новой обрядности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — М., 1983, с. 321.
- ² Саидбаев Т.С. Ислам и общество. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., с. 59.
- ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 419.
- ⁴ Керимов Г.М. Шарият и его социальная сущность. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1978, с. 49.
- ⁵ Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — Советская этнография, 1977, № 1.
- ⁶ Там же, с. 12.

⁷ Там же.

⁸ Оседлое земледельческо-скотоводческое население Западного Памира — малочисленные народности, говорящие на восточно-иранских языках, называемых лингвистами „памирскими“, исследователи востоковеды и этнографы считали „горцами верховьев Пянджа“, „иранскими племенами“, „припамирскими народностями“, „припамирскими таджиками“. Сами себя эти народности называли по самоназваниям: язгулемцы — „эгамик“; рушанцы — „рыхен“, „рухни“; бартангцы — „бартангидж“; шугнанцы — „шутни“, „хунуни“; ишкашимцы — „ишкочуми“; ваханцы — „хик“, „вахи“; локальные группы: у рушанцев — хуфцы — „хуфидж“; у бартангцев орошорцы — „рошорвидж“; шугнанцев баджуйцы — „баджувидж“. Следует также отметить, что на Западном Памире таджики живут в долине Ванча (Ванджа) и в Гороне.

В настоящее время в литературе утвердилось для обозначения этих народностей термины „припамирские народности“ или „памирские таджики“, как они себя стали называть, отражая естественное сближение и слияние с таджиками других регионов республики.

См.: Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. — М., 1908; Андреев М.С. Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. „Сб. МАЭ“, т. 9, СПб, 1911; Писарчик А.К. Припамирские таджики. В кн.: „Народы Средней Азии и Казахстана“, т. 1, Серия „Народы мира“, — М., 1962; Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. — М., 1972; ее же. Эволюция национального самосознания припамирских народностей. В кн.: „Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана“, М., 1980, с. 125.

⁹ Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингуй в дореволюционный период. — Труды АН ТаджССР, т. 43. — Сталинабад, 1957, с. 181.

¹⁰ Среди припамирских народностей ислам распространился в форме исмаилизма.

¹¹ Об исмаилитском вероучении подробно см. Х. Додихудоев. Очерки философии исмаилизма (Общая характеристика философской доктрины X—XIV вв.). — Душанбе, 1976.

¹² Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). — М., 1975, с. 90-91. См. также приложение в конце главы — перевод „Рисоля“ и комментарий к нему.

¹³ Зарубин И.И. Архив Востоковедов, фонд 121 (личный фонд И.И. Зарубина). Ед. хранения 240, с. 213, л. 12.

¹⁴ „Девона“ — буквально „сумасшедший“, в данном случае имеют в виду человека, целиком преданного богу.

¹⁵ Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. — Советская этнография, 1973, № 3, с. 55-100.

¹⁶ Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингуй ... с. 182; его же. Сельское хозяйство, в кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1. — Душанбе, 1966, с. 114 и далее.

17 Рахимов М.Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. — Известия АН ТаджССР. Отд. общественных наук, 1963, т. 32, с. 54.

18 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М., 1969, с. 219 и далее.

19 Басилов В.Н. Культ святых в исламе. — М., 1970, с. 12 и далее.

20 Полевые материалы автора. Дневники 1976 г. Шугнан.

21 В Ишкашиме (кишлак Рын), как нам сообщили информаторы, Момо-Хавво появилась от чихания Деда-Адама, и Джабраил посадил ее по левую сторону Деда-Адама. Момо-Хавво (госпожу Еву) в долине Бартагга (кишлаки Сипондж и Рошорв) называют Биби Маару, она же Биби Фотимаи Зухро. Легенда о происхождении людей / Адама из глины-земли, первой Евы — из глины, второй — из ребра Адама / и о их грехопадении имеется много параллелей с таковыми преданиями и легендами у многих народов мира / см. Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. — М.: изд. политич. литературы, 1985, с. 13-34.

22 Кисляков Н.А. Язгулемцы (этнографический очерк). — Известия Всесоюзного географического общества, т. 80, вып. 4, 1948, с. 365; Богомолова К.А. Следы древнего культа воды у таджиков. — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 2. — Сталинабад, 1952, с. 113; Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу, с. 183 и далее; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II. — Сталинабад, 1958, с. 71; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — Среднеазиатский этнографический сборник, вып. II. — М., 1959, с. 75; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 91-93, 104-107.

23 М.С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. — Сталинабад, 1958, с. 75.

24 Пир — духовный наставник, глава местных исмаилитов, халифа — помощник пира. Верующие из припамирских народностей почитали своих пиров и халифа как святых, дающих им не только „духовную пищу“, охраняющих их от несчастий в жизни (болезней, бездетности, бедности), но и могущих способствовать увеличению урожая всех сельскохозяйственных культур и поголовья скота, удаче в домашних промыслах и охоте.

25 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. 1. — Сталинабад, 1953, с. 38-39; Суфиев Бовар, 70 лет Саодаткадамов Давляткадам, 64 года, кишлак Лянгар Рушанского района ГБАО, 1979.

26 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 102.

27 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 75.

28 Там же, с. 76-77.

29 Подробнее см. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков ... с. 104-107.

30 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 83-84. М.С. Андрееву не удалось раскрыть смысл обряда украшения кучи провеянного зерна рисунком. Он предполагал, что эти рисунки „заменяют“ прием запечатывания

гумна, имевший место в Бухаре при сборе хараджа ...” (См.: М.С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 83). На самом деле эта куча зерна символизировала тело патрона Земледелия — Деда-Земледельца (Бобой-Дехқон) и обряд нанесения спиральных борозд символизировал его одевание, а кусок воловьего помета, хранимый после новогоднего обряда, помещенный на макушку кучи зерна, символизировал тюрбетейку Деда-Земледельца. См.: Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 104-105.

31 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 107.

32 Андреев М.С. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисоля). — Этнография, 1927, № 1-2, с. 323-326; Сухарева О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков. Памяти Михаила Степановича Андреева. — Труды АН Тадж. ССР, т. 120. — Сталинабад, 1960, с. 129-130; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, с. 219 и дальше.

33 Басилов В.Н. Культ святых в Исламе. — М.: Мысль, 1970, с. 13 и далее.

34 Мухиддинов И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX — начало XX в.). — Советская этнография, 1971, № 5, с. 123; его же. Обряды и обычаи, связанные с земледелием у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. — Советская этнография, 1973, № 3, с. 101; Земледелие памирских таджиков, с. 93.

35 Слово „чоҳ“ — яма, углубление. Переносный смысл — несчастье, болезнь, травма, засуха.

36 Долина Бартагга, ущелье Равмед, кишлак Равмед, записи дневника 1974 г.

37 Полевые записи. Дневник, 1968 г.

38 Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. Сб. МАЭ, т. 9, 1911, с. 35. В 21 сноске авторы высказывают предположение о том, что „Упоминание о голове Солнца, м.б. указывает на антропоморфическое представление о нем. (Сравни клятву Солнцем, данную Темирисой Киру, у Геродота)“.

Наши материалы, приведенные выше, свидетельствуют о правильности предположения М.С. Андреева и А.А. Половцева, однако слово (сар) — голова Солнца имеет и второе значение, а именно: момент восхода Солнца. Этот момент считается священным.

39 Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, с. 17, 45; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1984, с. 161-169.

40 Слово „чошт“ в переводе означает „позднее утро“ (время от восхода солнца, примерно до девяти часов утра) (см. Таджикско-русский словарь. — М., 1954, с. 477). Но это определение „чошт“ не подходит для обозначения времени у припамирских народностей, этим термином называют отрезок времени от 10 до 11 часов, реже до 12 часов. В Каратегине и Дарвазе „чошти калун“ — „большей чошт“ обозначает отрезок времени от 12 до 1 часа дня.

- 41 В данном случае имеется в виду час суток, а не совершение молитвы.
- 42 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 93; Ср. Розенфельд А.С. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. — „Советская этнография, 1970, №3, с. 114-119.
- 43 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 94 и примечание 7.
- 44 Полевые записи в кишлаке Рын. Дневники 1976 г.
- 45 Иногда, по просьбе подростков, им разрешали нарисовать на стене бобовой мукой барашка, куропатку или растения.
- 46 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, 1958, с. 83-84; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 105.
- 47 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 98.
- 48 Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году, вып. I. — Ташкент, 1927, с. 80-82; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов, с. 183-185.
- 49 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 107-108.
- 50 Хайдар-Карор — одно из имен бога.
- 51 Покровитель земледелия, т.е. Дед-Земледелец.
- 52 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 98.
- 53 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 62.
- 54 Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. — М., 1908, с. 98-102; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II. — Сталинабад, 1958, с. 153-168; Писарчик А.К. Примечания и дополнения к монографии: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II. — Сталинабад, 1958, с. 310-311; Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. Душанбе, 1984, с. 135-139; его же. Народный земледельческий календарь памирских таджиков (XIX — начало XX в.) В кн.: Памироведение, вып. I. — Душанбе, 1984, с. 153-162.
- 55 Зарубин И.И. Архив востоковедов при Ленинградском отделении института востоковедения АН СССР, фонд 121, ед. хр. 274, лл. 52, 55, 57-60.
- 56 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 128-129; Зарубин И.И. Личный фонд И.И. Зарубина, ед. хр. 276, л. 62; такой же обычай существовал в кишлаке Курговад в Дарвазе, см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. II. — Душанбе: Дониш, 1970, с. 252, рис. 2 на с. 245.
- 57 В Рушане отмечали праздник „вхождение Солнца в колено“, называли его „Наврӯзи Помирӣ“. В этот праздник проводили ритуальный сев.
- 58 Язгулемцы по вероисповеданию с XIX в. — мусульмане-сунниты, в Андарбаке верующие — асношария (12 имамов), секта шиитского толка.
- 59 Мухиддинов И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме. — СЭ, 1971, № 5, 123; его же. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — нач. XX в., СЭ, 1973, № 3, с. 101; его же. Земледелие памирских таджиков, с. 93 и далее.
- 60 Этот „Наврӯз“ назывался — „Наврӯзи Помирӣ“, т.е. „Памирский Наврӯз“.
- 61 Старую одежду после праздника стирали за пределами дома и использовали при грязной работе.
- 62 В Рушане скалку — „ханавуз“ („ханавуд“) клали с целью проверить, ровно ли стоит котел в очаге.
- 63 Кроме пшеничной муки, имевшей определенное собственное название, мука остальных зерновых культур (злаковых и бобовых) называлась собирательным термином — „махта“.
- 64 В образе женщины перед халифой появилась звезда „Зухал“ (планета Сатурн).
- 65 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов, с. 205.
- 66 Писарчик А.К. Предисловия и примечания к книге М.С. Андреева, с. 330.
- 67 Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 290, рис. 62. В нее обычно бросают сорную траву при прополке, она служит для собирания золы, домашнего мусора.
- 68 Зерна жареной пшеницы широко использовали как магическое средство, якобы дающие ребенку крупные, красивые зубы. При прорезывании первых молочных зубов у младенца ему на голову насыпали немного жареных зерен пшеницы. Члены семьи съедали зерна, угощали ими соседей и после еды молились, чтобы зубы у ребенка вышли безболезненно, а ребенок вырос крепким и здоровым, жил долго. Зерна жареной пшеницы использовали и как лекарственное средство: якобы освежает мозг. Люди, особенно пожилые, если у них болела голова, желудок или поясница, жарили зерна пшеницы и еще горячими завязывали в платок и прикладывали к больному месту на несколько часов.
- 69 М.С. Андреев приводит пример выбора „счастливого дня и часа“ у хуфцев. Для выгона скота вообще обычно выбирается среда. „Жители верховьев Пянджа, ввиду того, что и таджикское название скота „чорпо“, и день этот (чоршанбе) начинают с одного и того же слова (чор). Поэтому этот день якобы „соответствует“, благоприятствует скотине“. См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. II, с. 129.
- 70 Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Ишкашим и Вахан). — Сб. Музея антропологии и этнографии. — СПб, 1911, № 1X; Моногорова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. — М., Наука, 1972.
- 71 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX века. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1975; его же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. — Душанбе: Дониш, 1984.

- 72 Толстов С.П. Древний Хорезм. — Изд. МГУ, 1948, с. 294-295, 299-303.
- 73 Снесарев Г.П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия. — В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. IV. — М.: Изд. АН СССР, 1960, с. 199.
- 74 Гренер К.В. Гопатшах — пастух-царь. Труды отдела Востока. — Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1940, т. II, с. 76.
- 75 Там же, с. 81.
- 76 Там же, с. 81.
- 77 Кисляков Н.А. Бурх — горный козел. — Советская этнография. — Л.: Изд. АН СССР, 1934, № 1-2, с. 186.
- 78 Л.Ф. Моногаровой в 1948 году информаторы говорили, что в мазаре „Андаргаз“, расположенном близ кишлака Матрауц, по преданию похоронена сестра Почо Скандара (Александра Македонского, — И.М.). См.: Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — В кн.: Среднеазиатский сборник, II. — Труды Института этнографии. Новая серия. — М.: Изд. АН СССР, 1959, т. 47, с. 71.
- 79 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков ..., с. 98-102.
- 80 Снесарев Г.П. Указ. раб., с. 198-199.
- 81 Кисляков Н.А. Язгулемцы. — Известия Всесоюзного географического общества. — Л.: Изд. АН СССР, 1948, т. 80, вып. IV, с. 361-372.
- 82 Богомолова К.А. Следы древнего культа воды у таджиков. — Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. — Сталинабад: 1952, вып. II, с. 112-113.
- 83 Андреев М.С. Гаджики долины Хуф. — Сталинабад: Изд. АН ТаджССР, 1958, вып. II, с. 70-72.
- 84 Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 74-75.
- 85 Зарубин И.И. Личный фонд И.И. Зарубина, ед. хр. 249, л. 80.
- 86 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков ..., с. 100-101; Зарубин И.И. Личный фонд И.И. Зарубина, ед. хр. 249, л. 68.
- 87 Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков, с. 98-102.
- 88 Там же, с. 104-105.
- 89 Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936, с. 466; Башилов В.Н. Культ святых в исламе, с. 16-17; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков ..., с. 90-111.
- 90 Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. — М., 1978, Гл. ред. вост. лит., с. 67-68.
- 91 Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М., 1979, с. 116-117.

92 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. — М., 1983, с. 81, 100, 107.

93 Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. — М., 1964, с. 378-379.

94 Токарев С.А. Обычай обычаю рознь. — Наука и религия, 1966, № 10, с. 57.

95 Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. — Харьков, 1885, с. 3, 6, 28, 34-38; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. — Л., 1963, с. 16-17.

ПРИЛОЖЕНИЕ

„РИСАЛЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ“

Во имя Аллаха милостивого и милосердного.

Глава, рассказывающая о том, кто такой Ходжа Дехқон, святой Джа'фар Садик, да смилуется над ним Аллах, изволили спрашивать, сколько от Адама, избранника божьего (от сотворения мира) было Ходжи Дехқонов до времени святого посланника (пророка), щедрого и благородного? Отвечай, что (за этот период) прошло шесть тысяч семьдесят семь Ходжи Дехқонов. Все они были благородными трудолюбцами. Из них всех самыми значительными были восемнадцать, и это следует знать, ибо незнание вредно, что первый из них — Ходжа Абдухалил Машриқи (с Востока), второй — Ходжа Абдулкарим Магриби (с Запада), третий — Ходжа Абдурахмон Шимоль (с Севера), четвертый — Абдулазиз Магриби (с Запада), пятый — Ходжа Наджмиддин Мисри (египетский), шестой — Ходжа Нуреддин Самарканди, седьмой — Ходжа Абдурахмон Хорезми, восьмой — Ходжа Абдусатор Миянкальский, девятый — Ходжа Лутфулло Хисори (гиссарский), десятый — Ходжа Абдухолиқ Кухистони, одиннадцатый — Ходжа Не'матулло Сегари, двенадцатый — Ходжа Иброхим Бухорой, тринадцатый — Ходжа Абдулло Хамадони, четырнадцатый — Ходжа Саид Махмад Тошканди, пятнадцатый — Ходжа Мухаммад Туркистоний, шестнадцатый — Ходжа Шамсиддин Табреси, семнадцатый — Ходжа Абдулвохид Каньоний — такова цепь Дехқонов от Адама, друга божьего, до Ходжа Дехқона.

Если спросят, откуда появился Вол (гов), ответь: „По приказу святого повелителя мира („рабил оламин“) святой Гавриил доставил

из рая все земледельческие орудия и научил ими пользоваться Адама соответственно этому ояту ... * Гавриил надел на шею вола ярмо, впряг его в соху и произвел несколько запашек (сделал несколько борозд), а потом все передал Адаму. Сколько Адам ни старался, вол не шел, а лег на землю. Шайтан подстрекал вола и говорил: „Эй, вол, если ты примешь это, оно (ярмо) останется на твоей шее до дня Страшного суда и на шее твоего сына”. Короче говоря, вол три дня лежал на земле и не двигался. Спустя три дня он поднялся, надел на шею ярмо и впрягся в соху. Из-за этих поступков вола и происходят его болезни. Всякий крестьянин, который занимается крестьянским ремеслом, должен знать об этом, его ремесло должно быть чистым, а не то все станет поганым и от его ремесла не будет никакого блага.

Святой имам Джа'фар Садик, да будет им доволен Аллах, изволил сказать, что всякий, кто занимается крестьянским ремеслом и не имеет этой рисоли (этого устава) и не знает всех этих правил, в день Страшного суда будет всего лишен, потому что у него спросят о его ремесле, а он затруднится с ответом и тогда осрамится перед посланником божьим и всеми. А тот, кто правильно усвоит все эти положения крестьянства, будет благоденствовать и на этом, и том свете, потому что земледельческое ремесло („сардафтар”) являлось первым выдающимся ремеслом, а остальные ремесла пользуются его благами. Святой посланник божий, до благословит его Аллах, изволил заметить, что если дать дервишу одну лепешку, это намного превысит тысячу поклонов во время намаза и отбивания поклонов перед господом богом (в мечети?). Питательность пище придает пшеничный хлеб, и в мире главным в пище является пшеничный хлеб, поэтому любая еда может надоесть человеку, его организму, а пшеничный хлеб не надоест, и вкус любой пище придает только пшеничный хлеб. Тот крестьянин, который этого не знает, — не крестьянин.

Перейдем теперь к поведению крестьянина. Существуют четыре заповеди крестьянства: Первое — в каждом месяце семь дней вредных. Этих дней следует остерегаться, иначе весь его урожай погибнет. Так говорили предки:

Семь дней этих, приносящих вред, по словам пророка,
Проверь, чтобы тебя не постигли беды и несчастья:

* К сожалению, из-за плохой сохранности текста, некоторые слова трудно восстановить. Они оставлены без перевода.

Третий и пятый, тринадцатый и шестнадцатый, двадцать первый и двадцать четвертый и двадцать пятый.

Второе — связано с омовением (быть ритуально чистым); третье — выходя в поле для начала земледельческой работы (пахоты, жатвы, переноса зерна с гумна, — И.М.), надо остерегаться встречи с любым человеком; четвертое — своевременно начать пахоту.

Если спросят, что ты прочтешь при севе, ответь: „.....” Если спросят, что ты прочтешь, когда возьмешься за ручки сохи, ответь: „.....”. Если спросят, что ты будешь читать, когда будешь насаживать железный лемех, ответь: „.....”. Если спросят, что ты прочтешь при бороновании, ответь: „.....”. Если спросят, что ты прочтешь при севе ячменя, ответь: „.....”. При севе льна прочти эту молитву: „.....”. Что ты прочтешь при севе гороха, ответь: „.....”; при севе „лашыка прочти эту молитву: „.....”; при севе мужука (мелкий горошек) прочти ту молитву: „.....”. Когда сажают дыню или арбуз, читают эту молитву: „.....”. При севе хлопка читают эту молитву: „.....”.

Глава о вывозе урожая с хирмана. В пятницу после омовения идут на ток, кладут (на ток) три снопа пшеницы и читают такую молитву: „.....”. Когда на току развязывают снопы, читают такую молитву: „.....”. Когда веют зерно, читают такую молитву: „.....”. Когда складывают зерно в конусообразную кучу (сыпа), читают такую молитву: „.....”. Потом с чистого места берут комок земли и читают такую молитву: „.....”. Потом ставят деревянную лопату в сторону киблы, поворачиваются лицом к кибле с открытым добрым сердцем, в правую руку берут горсть пшеницы и читают такую молитву: „.....”. Потом бросают (эту пшеницу) на кучу зерна, потом посыпают зерно в меру и над каждой мерой читают молитву: „.....”. Когда всю кучу (зерна) перемеряют трижды, читают суру „ихлос” (очищение веры), один раз суру „фотех” (первую суру корана). Посвящает всем Ходжа Дехқонам, чтобы не лишал неимущих, не хмурился, был щедрым, не скупился, ибо в добрых делах (заключается) много благ. Согласно этому ояту, „.....”. Смысл этого оята в том, что если человек пожертвует один диргем, то (это) будет записано на диргеме, как говорит один святой:

Тот, кто тебе даст дорожный припас,
Возьмет у тебя одну долю, а воздаст в десять раз

Тот, кто складывает пшеницу в амбар или яму, читает эту молитву: „.....”. В семь зерен пшеницы дует семь раз, будет в безопасности („дар амон бошад”).

Сопоставляя данный текст рисоля земледельцев с рисоля земледельцев из среды „сартов”, приведенной М. Гавриловым в упомянутой нами его работе „Рисоля сартовских ремесленников”, следует отметить, что эти рисоля (как и рисоля других ремесленников)* составлены по определенному шаблону: начинаются они обращением к всевышнему богу, его пророку и всем сподвижникам, восхваления их, а затем следует изложение предания данного цеха и передаче имама Джаффара правдивого. Потом идут наставления ремесленнику, какие он должен произносить коранические или иные изречения при исполнении отдельных процессов своей работы. В заключении приводятся обещания наград за исполнение правил рисоля и угроз за их нарушение или неисполнение.

Однако рисоля, рассматриваемая нами, отличается от приведенной М. Гавриловым: 1) в нашей рисоля только 17 имен святых, а не 18, и есть некоторые несовпадения имен; 2) у нас отсутствует эпизод, когда Гавриил и Адам битьем прогоняют быка из рая; 3) отсутствует у нас описание выбора быком (волоом) пшеницы или соломы; 4) в нашей рисоля нет описания того, как святой Гавриил поставил печать на язык быка и он перестал говорить; 5) в нашей рисоля отсутствует перечисление семи фарзов: да будет чистым; да будет правдивым и т.п.; 6) в рисоля сартовских земледельцев Адам берет хворостинку, а вола — в ярмо, а в нашей — Адам берется за рукоятку пахотного орудия; 7) у нас отсутствует описание возвращения домой; 7а) у нас отсутствует, что надо говорить, впрягая быков в ярмо, надевая наколенник на орудие, беря хворостину в руки, приступая к жатве серпом; при посадке тыквы, арбуза, просеивании муки; повествование о том, как Адам просил бога о милости за грех своих детей, сотворение маша; 8) в нашей рисоля нет обещания благословения за исполнение фарзов, за чтение рисоля или слушание ее несколько раз в течение

года; совершение пятикратной молитвы, не прерывать ее и нет наказания, если не будет давать „хакулля” (десятину с гумна), то каждый кусок, который съест — будет нечистым, в день воскресения из мертвых он будет посрамлен и встанет с лицом свиньи.

Наличие имен исмаилитских святых и отсутствие обещаний благословения за чтение пятикратной молитвы (которую не совершают исмаилиты) дают нам основание сделать вывод о том, что наша рисоля составлена грамотным местным автором-исмаилитом, вероятно, хорошо знавшим „рисоля земледельцев” из других областей Средней Азии, так как выдержан общий шаблон, сохранены арабские изречения, изменены применительно к исмаилитской среде имена святых.

* Миддандорф А.Ф. Очерки Ферганской долины: СПб, 1882, с. 354-356; Наливкин В.Н. Хрестоматия... 1896 г.; Остроумов Н.П. „Рисоля земледельцев”, 1885 г., Рисоля земледельцев, Туркестанская туземная газета, 1902, №22 и №23. Андреев М. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цеховых сказаний (Рисоля). — Этнография, 1927, №1-2, с. 323-326.

ГЛОССАРИЙ

Ага — хан — имам, глава исмаилитов (шиитская секта в исламе).
 Айди — хйрпичор (шугн.) — весенний праздник, начало нового сельскохозяйственного года. Связан со счетом времени по частям тела мужчины, отмечали день „вхождения Солнца в человека”.
 Аторуд (барт.) — планета Меркурий.
 Баракат (вах.) — благодать.
 Бāt (шугн.) — густой мучной кисель с маслом и молоком.
 Бобои Деҳқон — патрон земледелия — Дед-Земледелец, в образе которого повсеместно на Западном Памире олицетворяется праотец Бобои Одам (Дед-Адам).
 Бодж, боч (руш., барт., хуф., бадж.) — ритуальное блюдо из пшеничной крупы с мясом жертвенного животного.
 Боқло улук (барт.) — гороховая мука.
 Буй (вах.) — ритуальное, священное курение.
 Буйвух (язг.) — то же, что и буй.
 Бучкигич (шугн.) — деревянная перекладина, украшенная резным орнаментом, изображающим солярные знаки. Соединяет два опорных параллельных столба внутри жилища по бокам входного проема.
 Бычкавудж (барт.) — то же, что и бучкигич.
 Граваш (язг.) — то же, что и Айди — хйрпичор.
 Ғузбозй (руш.) — игра в орехи.
 Гуджтежд (руш.) — народная спортивная игра-козлодранье.
 Ғузҳурво (руш.) — суп из ядрышек грецкого ореха.
 Дед-Адам — первый человек, праотец, а также, по народному поверью, олицетворение патрона земледелия Деда-Земледельца.
 Дед-Земледелец, Бобои-Деҳқон — патрон земледелия.
 Джабраил — ангел (пророк) у верующих исмаилитов, олицетворяющий Землю.
 Дӯн (шугн.) — жареные зерна пшеницы.
 Ёрй улук (ишк., барт.) — мука всех зерновых, бобовых культур.
 Зуҳал (барт.) — планета Сатурн.
 Зӯҳра (барт.) — планета Венера.
 Йп (вах.) — Солнце.
 Йоб (барт.) — то же, что и буй.
 Исроил — ангел у верующих исмаилитов, олицетворяющий огонь, он же позже сатана — „шайтон”.
 Исрофил — ангел (пророк) у верующих исмаилитов, олицетворяющий воздух.
 Қамар (барт.) — Луна.
 Кицор (шугн.) — очаг.
 Кйш (барт.) — запрет, табу.
 Коз (барт.) — киселеобразная похлебка для вола, приготовленная из бобовой муки, разбавленной водой и смешанной с травой.

Кочй (руш., шугн.) — густой молочный кисель из прясной муки.
 Қумоч (барт., руш., шугн.) — ритуальные хлебцы от 1 до 2,5 кг, выпекаемые в золе (в жару).
 Къжук (ишк.) — вол.
 Қурут — сыр.
 Кустйнгирй (ишк.) — борьба, народный вид спорта; қастйнгирй (шугн.) — борьба, то же самое.
 Махта (вах., шугн.) — ржаная мука.
 Миррих (барт.) — планета Марс.
 Молия — корм, солома, перемешанная с мучным киселем.
 Момо-Хавво- госпожа Ева, первая женщина, жена Адама.
 Моҳтоб, Матоб (барт.) — Луна.
 Мошоба (язг.) — суп из маша.
 Мункоил — ангел у верующих исмаилитов, олицетворяющий воду.
 Муҳаммад-Алй (он же Мавлоно-Алй, Муртузо-Алй) — бог-творец, по представлению верующих исмаилитов, он существует вечно в виде сияния Нур, воплощаясь по своему желанию в кого угодно и во что угодно: в небесные светила, стихии природы, в патрона земледелия, в Деда-Адама, ангела, странника, в предмет и т.п.
 Муштарй (барт.) — планета Юпитер.
 Навруз — праздник наступления Нового года, отмечается в дни весеннего равноденствия 20-22 марта народами Востока: в Средней Азии, Афганистане, Иране и других.
 Наврас (вах., ишк.) — народный праздник, которым отмечали начало жатвы.
 Офтоб (горон.) — Солнце.
 Пйр — духовный наставник исмаилитов.
 Пухта — лепешка, ритуальное угощение.
 Пычырымч — запрет, табу на посещение дома посторонними во время празднования Нового года, а также человек-носитель благодати для определенной семьи.
 Рāж (барт.) — день Первой пахоты.
 Ремузд (ишк.) — Солнце.
 Резьн (ишк.) — светодымовое отверстие в кровле.
 Реф (вах.) — веник.
 Роғ Боқло (вах.) — символ стручков бобовых, которые выстреливали на ветви, приносимых в дом в первый день празднования Нового года.
 Руштак, роштак (руш.) — зерна „красной” пшеницы.
 Рушти шат (язг.) — красная глина.
 Рыджон (язг.) — то же, что резьн.
 Сари йп (вах.) — восход Солнца.
 Сари офтоб (горон.) — то же, что и сари йп.
 Сари Ремузд (ишк.) — то же, что и сари йп.

Ситораи Ақраб (вах., ишк.) — созвездие Скорпиона.
 Ситораи Қутб — Полярная звезда.
 Ситораи наҳс — звезда неблагоприятия, созвездие Скорпиона.
 Сартике (барт.) — нары вдоль стен жилого дома.
 Тахмурғ тарзент (руш.) — игра в битки яйцами.
 Тухмбирйон (язг.) — яичница.
 Тухмпиева (язг.) — суп с яйцами.
 Файгунай (язг.) — всеми уважаемый почтенный пожилой человек, олицетворяющий Деда-Земледельца, выполняющий его функции и якобы ведущий свое происхождение от патрона земледелия — Деда-Земледельца.
 Халифа — помощник пира у исмаилитов.
 Халвои шир (язг.) — халва в виде густого киселя с молоком и маслом.
 Хичзевак (шугн.) — хлебец в форме языка вола, которым угощали волов в день Первой пахоты.
 Ходжа-Абдулло-Дехқон — одно из названий патрона земледелия.
 Хомнагул (барт.) — суп из размельченных зернышек абрикоса или ядрышек грецкого ореха.
 Хувд (барт.) — молоко.
 Худой — жертвоприношение и общественная трапеза в связи с ним.
 Хурпапуз (руш.) — то же, что и Айди хирпичор.
 Хушпойқадам (руш., барт., хуф.) — то же, что и файгунай.
 Хызм (язг.) — белая глина, употребляемая для побелки стен внутри дома.
 Шамс (барт.) — Солнце.
 Шогуні (вах., ишк., шугн.) — то же, что и Файгунай.
 Шогуни боёр — „Весенний шогун” — праздник, которым отмечали начало нового сельскохозяйственного года, день Первой пахоты, в ряде районов Западного Памира приходился на дни Навруза.
 Шукри юлдуз (барт.) — созвездие Скорпиона.
 Чигаз (язг.) — то же, что и бучкигич.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Обычаи и обряды, посвящаемые патрону земледелия — Деду-Земледельцу	5
Культе небесных светил	13
Новогодний праздник — Навруз	18
Обряды, выполняемые при севе зерновых культур (бобовых и пшеницы)	68
Реликты культов воды и быка	71
Заключение	81
Приложение — „Рисоля земледельцев”	91
Глоссарий	96

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Икромиддин Мухиддинов

**РЕЛИКТЫ ДОИСЛАМСКИХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ
У ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЗАПАДНОГО ПАМИРА
(XIX – начало XX в.)**

Ответственный редактор
Лидия Федоровна Моногарова

Редактор издательства Н.Л. Ососова
Технический редактор Г.А. Петрова
Художественный редактор Ю.Н. Ярочкин

ИБ № 1630

Сдано в набор 23.03.89 г. Подписано в печать 14.07.89 г.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать.
Усл.печ.л. 5,8. Усл.кр.-отт. 5,92. Уч.-изд.л. 7,2. Тираж 2000
Заказ 838. Цена 1 руб. 40 коп. в переплете № 7 1 руб. 90 коп.

Издательство „Дониш“, 734029, Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография АН ТаджССР, 734029, Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.